С. Ф. Годлевскій.

СМЕРТЬ НЕВОЛИНА

и

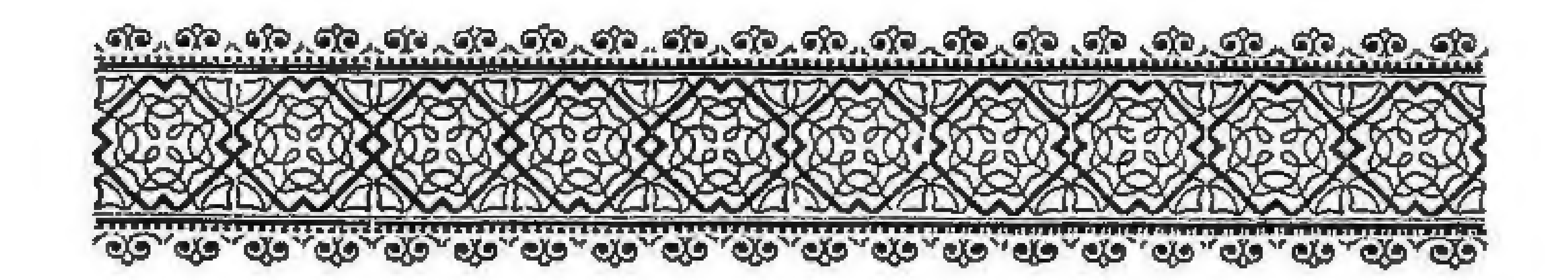
ЕГО СКИТАНІЯ ПО СИБИРИ.

Изданіе Т. Беккеръ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
„Т-во Художественной Печати“, Англійскій пр., 28.
1900.

№ 1380.

ОТЧЕГО ОНЪ ПОГИБЪ?

(*Изъ записокъ нервнаго человѣка*).

I.

Въ тихое весеннее утро я случайно забрелъ на окраины Петербурга, гдѣ тѣсные ряды крестовъ громаднаго кладбища стоятъ всего лишь въ нѣсколькихъ шагахъ отъ человѣческихъ жилищъ, и замираетъ шумъ столицы, точно скованной цѣпью могилъ. Въ этотъ свѣтлый день мнѣ было почему-то грустно. Воспоминанія, подобно блѣднымъ таинственнымъ призракамъ, преслѣдовали меня, и сердце замирало отъ невѣдомаго чувства. Вотъ ветхій деревянный домъ съ покосившимися зелеными ставнями, гдѣ я прожилъ лучшіе студенческіе годы. Какъ быстро промелькнули беззаботные дни. Въ окно моей крошечной комнаты, затѣненное громадной сѣрой стѣной сосѣдняго дома, никогда не проникалъ лучъ солнца, а невозмутимая тишина лишь изрѣдка нарушалась криками разносчиковъ и похороннымъ пѣніемъ, но все кругомъ было точно озарено чуднымъ внутреннимъ свѣтомъ, и я не зналъ тогда ни унынья, ни скуки, ни сомнѣній. Въ свободные часы, гуляя по печальнымъ аллеямъ кладбища и беззаботно глядя на длинные ряды крестовъ, я иногда задумчиво перечитывалъ пресловутыя могильныя надписи.

Въ то время смерть казалась мнѣ лишь таинственной развязкой заманчиваго романа жизни, и я, какъ многіе, спѣшилъ перелистывать страницы этого романа и беззаботно искалъ забвенія въ сладкомъ угарѣ надеждъ, въ трудѣ и вѣчной смѣнѣ впечатлѣній, пока не понялъ наконецъ, что неизбѣжная развязка-смерть, чѣмъ ближе, тѣмъ ужаснѣе.

Я старался о ней теперь какъ можно меньше думать и оттого, быть можетъ, похороны, на которыя я нечаянно попалъ, показались мнѣ особенно печальными, а заупокойное пѣніе звучало такъ грозно и такъ властно въ сіяніи ликующаго дня, подъ блѣдно-голубымъ безоблачнымъ небомъ, что я, заслушавшись и замечтавшись, какъ-то безотчетно пошелъ за гробомъ. Хоронили какого-то важнаго чиновника. Впереди, на бархатныхъ подушкахъ, несли ордена покойнаго и уныло плелись факельщики въ своихъ трагикомическихъ костюмахъ и въ жалкихъ помятыхъ цилиндрахъ, а за гробомъ чинно выступали знакомые и сослуживцы усопшаго съ печатью канцелярскаго равнодушія и петербургской застарѣлой скуки на бритыхъ блѣдножелтыхъ лицахъ. Не было ни женщинъ, ни дѣтей; никто не плакалъ. Изрѣдка лишь слышались замѣчанія о погодѣ, о добродѣтеляхъ покойника и о новыхъ назначеніяхъ. Скоро я ушелъ отъ этихъ ужасныхъ парадныхъ похоронъ подальше, вглубь кладбища, гдѣ на мѣстахъ „послѣдняго разряда“ тѣснятся могилы всякой столичной бѣдноты и мелюзги: погибшихъ на фабрикахъ рабочихъ, замученныхъ жизнью женщинъ и дѣтей, спившихся неудачниковъ, которыхъ смерть безъ счета сметаетъ съ лица земли, подобно холодному осеннему вѣтру, уносящему цѣлыя груды преждевременно опавшихъ листьевъ.

Здѣсь, на свѣжей могильной насыпи, почти у самой ограды, сидѣла съ опущенной головой какая-то женщина въ старомъ полинявшемъ платьѣ, а рядомъ, точно ягнята въ бурю, прижались другъ къ другу ея дѣти. Женщина съ такой тревогой взглянула на меня, что я поспѣшилъ отойти подальше. Я направился, было, къ выходу, но опять невольно заслушался похороннаго пѣнія, доносившагося изъ небольшой деревянной церкви.

Мною овладѣло какое-то непонятное чувство; я точно ждалъ чего-то и не зналъ куда идти. Въ эту минуту вдругъ раздался пронзительный свистокъ; вдали, за кладбищенской оградой пронесся желѣзно-дорожный поѣздъ, съ стоящими на площадкахъ вагоновъ пассажирами, замелькали вагоны и клубы густого дыма. Вскорѣ все стихло; опять послышалось стройное заунывное пѣніе, и я вошелъ въ широко открытыя двери церкви, на половину уставленной большими и маленькими, богато-убранными и простыми досчатыми гробами.

Отпѣваніе кончилось. Раздался призывъ священника къ прощанію съ покойниками, и среди всеобщаго смятенія начался ужасный обрядъ преданія землѣ. Одни плакали такъ горько, какъ будто разставались съ послѣднею надеждою, другіе точно замерли подъ гнетомъ безысходнаго отчаянія. Были и скучающіе, и равнодушные, и всецѣло занятые мыслью о наслѣдствѣ. Какой-то купчикъ изъ породы саврасовъ и молодая дѣвушка, поглядывая другъ на друга съ видомъ влюбленныхъ заговорщиковъ, напрасно старались скрыть свою радость. Должно быть смерть со всѣми ея ужасами представлялась ихъ наивному уму чѣмъ то непонятнымъ и даже забавнымъ, или, можетъ быть, они хоронили старика-самодура, мѣшавшаго ихъ счастью?

Лица мертвыхъ и живыхъ, улыбки и рыданія, запахъ тлѣнія и ладана—все промелькнуло, какъ въ страшномъ сновидѣніи.

Одна за другой поднимались крышки гробовъ, и выглядывали лица невѣдомыхъ покойниковъ, съ выраженіемъ неземнаго спокойствія и таинственнаго недоумѣнія въ застывшихъ чертахъ, точно удивленныхъ, зачѣмъ тревожатъ ихъ покой.

Пять, десять, двадцать! Цѣлая толпа покойниковъ! Они точно собрались сюда въ церковь на послѣднее свиданіе съ разныхъ концевъ Петербурга, изъ роскошныхъ квартиръ и темныхъ угловъ.

И вдругъ среди усопшихъ я съ изумленіемъ увидѣлъ знакомое лицо своего незабвеннаго учителя, лучшаго друга моего печальнаго, одинокаго дѣтства. Ужасная встрѣча!

Давно мы разстались, но я сразу узналъ его спокойное, печальное лицо, и никогда еще смерть не казалась мнѣ такой неразрѣшимой мучительной загадкой... У его гроба стояла какая-то женщина, я подошелъ къ ней, хотѣлъ распросить о послѣднихъ дняхъ его жизни и отъ волненія не могъ. Слезы душили меня... Я опомнился только за воротами кладбища, среди шума и толкотни столичной улицы.

II.

Эта странная встрѣча съ покойникомъ очень меня разстроила. Втеченіи нѣсколькихъ послѣдующихъ дней я не могъ успокоиться. Образъ Неволина (такъ звали моего покойнаго учителя) преслѣдовалъ меня не только наяву, но даже во снѣ. Мнѣ снилось, что я сижу у постели больного Неволина въ мрачной убогой

квартирѣ... Онъ мечется и стонетъ въ бреду, а я не въ силахъ ему помочь... Вдругъ изъ за ширмъ появляется какая-то женщина съ строгимъ, блѣднымъ лицомъ и печальными, зловѣщими глазами. Она неслышно прокрадывается къ постели больного, тревожно оглядывается кругомъ, не замѣчая моего присутствія, и, внезапно схвативъ его за горло, начинаетъ душить своими нѣжными бѣлыми руками. Я пытаюсь броситься на помощь, но отъ ужаса не могу пошевелиться; хочу крикнуть, но слова замираютъ на губахъ... Этотъ странный безобразный кошмаръ повторился два раза подъ рядъ и какое-то смутное, безотчетное подозрѣніе не давало мнѣ покоя, хотя я прекрасно понималъ, что такой безобидный, кроткій человѣкъ, какъ Неволинъ, не могъ никому стать на дорогѣ и возбудить противъ себя непримиримую вражду. Но въ судьбѣ его и въ смерти чувствовалось нѣчто трагическое, быть можетъ, потому, что онъ былъ страшно одинокъ и какъ-то мало походилъ на окружающихъ людей, и эта обособленность, помнится, больше всего меня и привлекла къ нему на первыхъ же порахъ. Онъ произвелъ на меня такое сильное впечатлѣніе, что навсегда остался для меня близкимъ человѣкомъ... Но почему же другіе его чуждались и до могилы его никто не провожалъ, за исключеніемъ какой-то женщины, быть можетъ, попавшей на его похороны случайно? Мнѣ вспомнилась невеселая юность Неволина, и я отъ души пожалѣлъ бѣднаго мечтателя. Несчастный! Онъ всецѣло принадлежалъ къ той великолѣпной, рѣдкой, какъ бѣловѣжскій зубръ, и нынѣ повсемѣстно вымирающей породѣ неисправимыхъ идеалистовъ, которые, несмотря на жестокіе пинки и удары жизни, до конца своихъ дней не хотятъ понять, что

„своя рубашка ближе къ тѣлу“ и что „лучше синица въ рукахъ, чѣмъ журавль на небѣ“. А въ скорби подобныхъ чудаковъ, какъ и въ дѣтскомъ горѣ, есть что-то особенно трогательное, быть можетъ, оттого, что они менѣе всего способны страдать по своей винѣ и передъ жизнью иногда до смѣшного безпомощны. Не мало тяжкихъ потрясеній и жгучихъ обидъ пришлось испытать Неволину въ такіе годы, когда другіе не знаютъ еще горя. Но онъ сохранился какимъ-то чудомъ. Въ немъ не было замѣтно никогда ни злобы, ни презрѣнія къ людямъ. Его удивительное спокойствіе и простота въ обращеніи поразили меня съ первой же встрѣчи. Вспоминая его прошлое, я всегда удивлялся, какъ онъ не растратилъ своихъ силъ въ вѣчной погонѣ за кускомъ хлѣба, какъ могъ онъ сберечь юношескую вѣру и теплоту чувствъ въ наше тяжелое время, когда люди мечутся во всѣ стороны, точно угорѣлые, увлекаясь попеременно то мистицизмомъ, то нигилизмомъ, то пессимизмомъ. Горькая нужда, одиночество и преждевременныя житейскія заботы заставили Неволина еще въ дѣтствѣ серьезно взглянуть на жизнь. Отца онъ совсѣмъ не зналъ, матери лишился слишкомъ рано, и воспоминаніе о блѣдной женщинѣ съ печальными глазами долго преслѣдовало его, разгоняя золотые сны дѣтства. Кое-какъ, чуть не съ 3 класса пробавляясь грошевыми уроками, Неволинъ окончилъ гимназію и въ началѣ 70-хъ годовъ 17 лѣтнимъ юношей явился въ Петербургъ съ небольшой котомкой подъ мышкой и нѣсколькими сколоченными на дорогу рублями.

Въ то время двери Медицинской Академіи были еще широко открыты; отъ платы за лекціи освобождали всѣхъ желающихъ, и Неволинъ воспользовался этимъ,

записавшись въ число студентовъ. Но тутъ, на первыхъ же порахъ, онъ встрѣтился съ неумолимою столичною нуждою. Безъ приличнаго платья нельзя было найти даже плохихъ уроковъ. Приходилось браться за всякую работу: выкраивать ножницами этикеты и ярлыки для бутылокъ по рублю за тысячу, корпѣть надъ грошевыми переводами и перепиской, не досыпая ночей, задыхаясь въ душномъ углу и питаясь, чѣмъ попало, въ дешевыхъ столовыхъ. А нищета, подобно пауку, зорко подстерегала свою жертву, незамѣтно опутывая ее неуловимыми нитями и высасывая изъ нея послѣднія силы. Съ наступленіемъ ненастныхъ осеннихъ дней Неволинъ простудился, слегъ въ постель и по выходѣ изъ больницы очутился на улицѣ въ лѣтнемъ пальто, въ стоптанныхъ сапогахъ и въ легкой пуховой шляпѣ съ громадными полями.

Настала суровая, непостоянная петербургская зима съ мятелями и морозами, и бѣдному студенту пришлось бы совсѣмъ плохо, если бы одинъ изъ школьныхъ товарищей не надѣлилъ его пледомъ, замѣнявшимъ шубу, одѣяло и подушку. И всѣ невзгоды въ то время проходили для Неволина незамѣтно; его спасала отъ озлобленія и отчаянія непоколебимая вѣра въ идеалъ, любовь къ истинѣ, стремленіе къ знанію и молодость, согрѣвавшая его не хуже теплыхъ пледовъ и дорогихъ шубъ. Одинокій, голодный, озябшій онъ никогда не испытывалъ позорнаго страха за свою шкуру и мелочныхъ заботъ, преслѣдующихъ подчасъ даже сильныхъ міра сего.

Казалось, онъ не сознавалъ своего положенія. Ежедневно, утромъ, онъ отправлялся на лекціи, потомъ— въ публичную библіотеку, гдѣ въ дальнемъ углу гро-

мадной залы проводилъ все свободное время въ размышленіи и чтеніи, усердно исписывая объемистыя тетради разными научными цитатами и замѣтками, пока громкій звонокъ сторожа не напоминалъ объ окончаніи занятій. Неволинъ уходилъ неохотно: въ величественныхъ мрачныхъ залахъ бибіотеки онъ чувствовалъ себя, какъ дома, уютно и тепло. Даже сторожа и посѣтители къ нему привыкли и смотрѣли съ участливымъ любопытствомъ на бѣднаго задумчиваго студента. Полюбилъ его и добродушный старикъ-библіотекарь, открывшій ему доступъ къ самымъ рѣдкимъ сокровищамъ библіотеки, хранившимся въ недоступныхъ для публики комнатахъ. Тамъ, среди громадныхъ шкаповъ съ книгами, замиралъ неугомонный гулъ столицы и какъ будто чувствовалось безсмертное вѣяніе человѣческой мысли, придававшей глубокій таинственный смыслъ и стариннымъ портретамъ въ потемнѣвшихъ рамахъ, и чудной статуѣ Вольтера съ застывшей демонической улыбкой на старческихъ губахъ. А на улицѣ Неволина точно поджидала холодная, разнузданная петербургская ночь. Среди глухого таинственнаго шума, при мерцающемъ обманчивомъ блескѣ уличныхъ фонарей, подобно призракамъ, мелькали, исчезая вдали, тысячи прохожихъ, и чувство одиночества съ такою силою охватывало бѣднаго мечтателя, какъ будто судьба забросила его въ невѣдомую сказочную страну или на какую-нибудь необитаемую планету. Однако, неумолимый голодъ и морозъ своими безцеремонными щипками грубо напоминали ему о печальной дѣйствительности. Если въ карманахъ случайно оказывалась мелочь, Неволинъ спѣшилъ купить въ ближайшей мелочной лавочкѣ кусокъ хлѣба или

пирога и съѣдалъ его тутъ же, на улицѣ, чтобы не явиться съ волчьимъ аппетитомъ къ своимъ тоже нерѣдко голодавшимъ товарищамъ. И сколько разъ морозная, глухая ночь заставала его на улицѣ! Въ тяжелыхъ и напрасныхъ поискахъ за теплымъ угломъ и за ночлегомъ Неволину иногда приходилось побывать у товарищей и на Пескахъ, и на Васильевскомъ островѣ, и въ Коломнѣ, и на Петербургской сторонѣ. И часто лишь по утру, послѣ долгихъ поисковъ, усталый онъ беззаботно сладко засыпалъ гдѣ-нибудь въ холодной тѣсной конурѣ на старомъ продавленномъ диванѣ или на стульяхъ; случалось иногда съ горя и выпить въ компаніи не унывающихъ студентовъ. Сколько при этомъ раздавалось самыхъ беззаботныхъ шутокъ и безобидныхъ остротъ! Однако и молодость не устояла передъ ужасной нищетой. Къ веснѣ Неволинъ совсѣмъ занемогъ, нѣсколько разъ его поднимали въ обморокѣ на улицахъ. Наконецъ, онъ рѣшился обратиться къ извѣстному профессору. Въ громадной пріемной онъ нашелъ цѣлую толпу больныхъ. Пришлось ждать нѣсколько часовъ, пріемъ затянулся до полуночи. Неволинъ своимъ изнуреннымъ видомъ поразилъ даже привычнаго къ людскимъ страданіямъ и болѣзнямъ старика-профессора.

— Да у васъ вмѣсто внутренностей какія-то болѣзненныя опухоли,—воскликнулъ тотъ послѣ внимательнаго осмотра. Чѣмъ вы питаетесь? камнями, соломой?

— Нѣтъ, хлѣбомъ, невозмутимо отвѣчалъ Неволинъ.

— Поѣзжайте немедленно въ деревню. Чего вамъ здѣсь торчать, убѣждалъ его профессоръ. Бросьте пока занятія и кушайте побольше, иначе вы и мѣсяца не проживете.

— Вѣроятно, но у меня нѣтъ выхода. Я объ одномъ прошу: нельзя ли какъ-нибудь облегчить безполезныя страданія, вѣдь есть же у васъ болеутоляющія средства.

— Да какія тутъ средства, когда вы умираете съ голоду, чудакъ вы эдакой,—вспылилъ докторъ.—Еще разъ повторяю: вамъ необходимо уѣхать за подножный кормъ. А устроить это ничего не стоитъ, поэтому прошу васъ слушаться безъ лишнихъ разговоровъ.

И дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней, благодаря своимъ обширнымъ знакомствамъ, профессоръ успѣлъ пристроить Неволина учителемъ на лѣто въ семью крупнаго петербургскаго чиновника, моего дяди, у котораго я въ то время воспитывался.

III.

Жили мы тогда на дачѣ въ Петергофѣ.

Помню, какой переполохъ вышелъ, когда Неволинъ, въ своей неизмѣнной шляпѣ съ неимовѣрно широкими полями и въ полинявшемъ пальто, съ небольшой котомкой и связкой какихъ-то бумагъ подъ мышкой, появился на террасѣ нашей петергофской дачи среди многочисленнаго изящнаго общества, замѣтившаго сразу, что у этого страннаго человѣка нѣтъ ни сюртука, ни крахмальныхъ воротничковъ, ни галстуха, вмѣсто котораго на шеѣ болтался обрывокъ простого шнурка, продѣтаго въ петли ночной рубахи, далеко не первой свѣжести. Въ довершеніе всеобщаго изумленія и ужаса, на вопросъ о багажѣ, Неволинъ невозмутимо отвѣтилъ, что у него никакого багажа нѣтъ.

Въ тотъ же день вечеромъ по этому случаю состоялся чрезвычайный домашній совѣтъ. Больше всѣхъ

волновался дядя-сановникъ, настаивая на немедленномъ удаленіи такого опаснаго человѣка.

— Помилуйте, да это революціонеръ, это бѣглый санкюлотъ,—восклицалъ онъ въ ужасѣ,—какія могутъ быть убѣжденія у человѣка, не имѣющаго даже галстуха и осмѣлившагось явиться въ приличный домъ въ ночной рубашкѣ. Какія правила подобный господинъ можетъ внушить нашимъ дѣтямъ! Разумѣется, неловко его сразу прогнать, но что же дѣлать... Ну, дать ему на дорогу рублей десять...

Но эта тирада была внезапно прервана и всѣ смущенно переглянулись. Въ комнату вошелъ Неволинъ. Случайно онъ слышалъ послѣднія слова и, конечно, догадался въ чемъ дѣло... Едва замѣтная тѣнь промелькнула по его спокойному лицу. Онъ поспѣшилъ уйти и вдругъ вся эта сцена, точно озаренная ослѣпительнымъ свѣтомъ молніи, поразила меня. Мнѣ стало и больно, и стыдно, и страшно. Хотѣли грубо прогнать этого бѣдняка-учителя, который сразу, точно по наитію, сдѣлался для меня ближе и дороже всѣхъ на свѣтѣ. Захлебываясь отъ рыданій, прерывающимся голосомъ, я умолялъ не обижать его, наивно увѣряя, что иначе вмѣстѣ съ нимъ уйду и я. Всѣ расхохотались и, точно сговорившись, сразу порѣшили оставить чудака въ покоѣ, до поры до времени. Мнѣ стоило большого труда уговорить его не оставлять меня. Онъ совсѣмъ было собрался уѣхать и только мои слезы тронули его. А черезъ двѣ, три недѣли Неволинъ покорилъ всѣхъ въ домѣ. Даже старый камердинеръ Антонъ, встрѣтившій бѣднаго студента съ высокомѣріемъ посѣдѣвшаго на службѣ барскаго лакея, въ концѣ концовъ, заговорилъ съ нимъ по-человѣчески, отрѣ-

шившись на время отъ своего профессіональнаго наглаго подобострастія.

Главное, что всѣхъ рѣшительно, а меня особенно, подкупило въ Неволинѣ—это его правдивость и простота въ обращеніи.

Я помню, какъ я еще ребенкомъ тосковалъ и мучился послѣ того, какъ убѣдился, что всѣ окружавшіе меня близкіе люди, точно сговорившись, обманывали меня и глупо, безцѣльно лгали, иногда только для того, чтобы посмѣяться надъ моимъ легковѣріемъ. Лгала старая няня, пугая букой и домовымъ, лгала гувернантка, разсказывая разныя небылицы о старикахъ, приносящихъ подарки съ неба послушнымъ дѣтямъ и наказывающихъ шалуновъ; лгали родные и знакомые, читая наперерывъ нравоучительныя наставленія, надъ которыми сами же втихомолку глумились. Легкомысленная ложь чувствовалась въ безднѣ никому не нужныхъ мелочей и взаимныхъ обмановъ. и въ этомъ отношеніи Неволинъ, не лгавшій никогда даже въ шутку, представлялся рѣдкимъ исключеніемъ. „Это удивительный въ своемъ родѣ чудакъ, не то мечтатель, витающій въ облакахъ, не то большой ребенокъ“, замѣтилъ однажды дядя.

— „Ахъ, какъ онъ срѣзалъ меня на-дняхъ,—разсмѣялась тетушка.—Пригласила я его какъ то въ паркъ, захотѣлось пройтись, былъ чудный вечеръ; ты, какъ всегда, уѣхалъ по дѣламъ; одной или съ лакеемъ гулять скучно и неловко, а онъ, можешь представить, отказался провожать меня; вы, говоритъ, когда меня нанимали учителемъ, не предупредили, что я, кромѣ того, обязанъ сопровождать васъ въ отсутствіи мужа. Дерзкій студентъ!—замѣтила она съ забавной грима-

сой свѣтской красавицы, избалованной всеобщимъ поклоненіемъ. Однако, когда, съ наступленіемъ ненастныхъ осеннихъ дней, этотъ дерзкій студентъ уѣзжалъ въ Петербургъ, я невзначай подмѣтилъ, какъ засверкали томные глаза гордой барыни отъ предательскихъ слезъ и только впослѣдствіи, вспоминая свои дѣтскія впечатлѣнія, я сообразилъ, что сердце ея, быть можетъ, впервые дрогнуло и болѣзненно сжалось отъ невѣдомаго чувства любви къ совершенно чуждому и странному человѣку, пришедшему совсѣмъ не кстати изъ какого-то подпольнаго міра безотвѣтныхъ тружениковъ и страдальцевъ. А я тоже долго тосковалъ о дорогомъ учителѣ, исчезнувшемъ для меня безслѣдно.

Напрасно я распрашивалъ о немъ. Лишь однажды за обѣдомъ дядя-сановникъ, шутя, разсказалъ, какъ онъ случайно повстрѣчался съ Неволинымъ на великосвѣтскомъ благотворительномъ базарѣ во дворцѣ, куда этотъ ученый чудакъ попалъ, очевидно, по недоразумѣнію вмѣстѣ съ другими приглашенными членами съѣзда естествоиспытателей. И надо же было случиться, что при этомъ одна барыня-благотворительница имѣла неосторожность предложить Неволину букетъ цвѣтовъ, а тотъ, подержавъ его глубокомысленно въ рукѣ, возвратилъ сконфуженной дамѣ, вѣроятно, по неимѣнію денегъ на уплату. Вышла преуморительная сцена. Къ счастію, нашелся ловкій свѣтскій генералъ, поспѣшившій купить по дорогой цѣнѣ злополучный букетъ и замять скандалъ.

„Да, этотъ Неволинъ, кажется, такъ и останется на всю жизнь неизлѣчимымъ мечтателемъ, — заключилъ свой разсказъ дядя. Предлагалъ я ему выхлопотать мѣсто врача при больницѣ въ Петербургѣ,—отказался

на отрѣзъ. Собирается поступить на юридическій факультетъ, такъ какъ, по его мнѣнію, для полнаго развитія необходимо изучить не только естественныя, но и соціальныя науки. Рождаются же въ наше время подобные чудаки!“.

Вѣроятно, не одному дядѣ Неволинъ казался чудакомъ, но это не помѣшало ему идти избраннымъ путемъ, все дальше и дальше удаляясь отъ жизни. А за это раньше или позже приходится расплачиваться дорогою цѣной, такъ какъ люди легче прощаютъ даже низость и преступленія, чѣмъ самобытность. И Неволинъ поплатился. Въ теченіе нѣскольких лѣтъ изрѣдка попадалось мнѣ его имя подъ серьезными научными статьями; но на крупный трудъ, о которомъ онъ мечталъ еще въ юности, должно быть у него не хватило ни средствъ, ни силъ, и не достигъ онъ громкой извѣстности, вѣнчающей такъ часто въ наши дни жокеевъ, берущихъ призы, и ловкихъ дѣльцовъ, шагающихъ по головамъ людей, какъ по гранитной мостовой. Преждевременная смерть явилась для него, вѣроятно, не простой случайностью, а его благія стремленія, упорный трудъ и знанія, добытыя цѣной тяжелыхъ жертвъ, погибли безслѣдно, потому что онъ былъ одинокъ и, быть можетъ, даже въ страшный часъ смерти некому было закрыть глаза умирающему....

На третій день послѣ похоронъ Неволина, я узналъ его адресъ и отправился въ одну изъ отдаленнѣйшихъ и самыхъ глухихъ улицъ Петербургской стороны, гдѣ онъ провелъ послѣдніе мѣсяцы своей жизни.

IV.

Среди садовъ и пустырей, огороженныхъ поросшими мхомъ и потемнѣвшими отъ времени досчатыми забо-

рами, возвышался ветхій деревянный домъ съ мезониномъ и покосившимися ставнями. Въ небольшомъ флигелѣ этого дома, крошечныя окна котораго выходили на запущенный садъ, занималъ Неволинъ квартиру комнаты въ двѣ съ кухней. Долго я стучалъ въ калитку, долго съ хриплымъ лаемъ металась по двору цѣпная собака, пока наконецъ у воротъ появилась толстая бѣлобрысая баба съ пухлымъ краснымъ лицомъ и крошечными сѣрыми глазами. Узнавъ, что я желаю посмотрѣть квартиру во флигелѣ, она съ забавнымъ изумленіемъ уставилась на меня и послѣ нѣкотораго раздумья объяснила, что хозяйки нѣтъ дома. Я сразу понялъ, что здѣсь надо дѣйствовать, не мудрствуя лукаво, и рѣшилъ для перваго знакомства вручить толстой бабѣ вмѣсто рекомендательнаго письма двугривенный съ цѣлью этимъ испытаннымъ средствомъ возбудить ея энергію. Она сдѣлалась вдругъ очень словоохотливой и показала мнѣ пустую квартиру, съ жалкими остатками обтрепанной мебели и съ оборванными полинявшими обоями. На меня эта мрачная квартира произвела впечатлѣніе скверной тюрьмы. Въ ней было холодно, сыро и неуютно. Двойныя рамы еще не были выставлены, и солнечный свѣтъ, проникая сквозь потускнѣвшія запыленныя стекла, придавалъ всей обстановкѣ какой-то сѣрый, унылый колоритъ. Все было покрыто густымъ слоемъ пыли. На полу въ безпорядкѣ валялись вороха газетъ, старыхъ книгъ и стклянки отъ лекарствъ. И среди этого запустѣнія и безпорядка особенно бросался въ глаза прекрасный портретъ какой-то блондинки съ необыкновенно выразительнымъ печальнымъ лицомъ и задумчивыми, какъ будто даже безумными глазами. На мой вопросъ, чей это портретъ, толстая баба рав-

нодушно отвѣтила: „а кто-жъ ее знаетъ“, и прибавила, что Неволинъ жилъ въ квартирѣ „одинъ одинешенекъ“, не держалъ даже особой постоянной прислуги, по цѣлымъ днямъ, „не пимши и не ѣмши“, сидѣлъ дома и все что-то сердечный писалъ, все писалъ“. Иногда, впрочемъ, къ нему заходили какіе-то простые люди, больные должно быть, которымъ онъ давалъ лѣкарства.

— Отчего онъ умеръ?—спросилъ я.

— Да кто-жъ его знаетъ!—со вздохомъ замѣтила баба. Должно быть конецъ ему пришелъ, вотъ онъ и померъ. Къ вечеру только и замѣтили, что у него не горитъ свѣча и оченно ужъ тихо, а дверь не заперта. Посмотрѣли, а онъ уже совсѣмъ холодный, не раздѣтый на постели съ открытыми глазами лежитъ. Страху сколько было!. Докторъ и околоточный приходили... Вещи тоже описали и допытывались, какъ приключилась смерть. Только все напрасно: нешто можно знать, отчего человѣкъ помираетъ... Видно, не жилецъ онъ былъ на этомъ свѣтѣ.

Именно—не жилецъ! Есть люди съ цѣпкими руками, съ крѣпкими зубами, съ мѣдными лбами, съ неутолимой жаждой наживы и покладливой совѣстью. Эти хищники чувствуютъ себя настоящими хозяевами на землѣ. Они задаютъ тонъ жизни. Иные, напротивъ, являются точно незваными гостями на жизненномъ пиру и, сознавая это, они даже не ищутъ наслажденій, а какъ будто спѣшатъ сойти въ могилу. Старая исторія. Но я никакъ не могъ примириться со смертью Неволина, разгадку которой я напрасно искалъ. Мои вопросы, въ концѣ концовъ, показались подозрительными моей собесѣдницѣ; она замолчала, тревожно на меня поглядывая.

Надо было уходить. Я уже направился къ дверямъ, какъ вдругъ замѣтилъ въ кухнѣ за печкой связку какихъ-то бумагъ. Толстая баба съ невозмутимымъ видомъ мнѣ объяснила, что бумаги эти „должно быть ни къ чему: такъ послѣ покойничка остались и что половину ихъ она извела на подтопки".

Я бѣгло ихъ просмотрѣлъ, прочелъ нѣсколько строкъ на удачу и убѣдился, что дѣйствительно—„извела"! Страницы объемистой рукописи во многихъ мѣстахъ были разорваны пополамъ, и капитальное философское сочиненіе, быть можетъ, трудъ цѣлой жизни превратился, благодаря безграмотной кухаркѣ, въ груду безсвязныхъ лоскутковъ. Случайно уцѣлѣла лишь часть записокъ покойнаго и два три очерка, переписанныхъ на-бѣло. Оставалось лишь признать совершившійся фактъ и преклониться передъ торжествующей глупостью, „поблагодаривъ" кухарку за то, что она не сожгла всего до тла. Упрекать ее, проклинать, возмущаться, поучать все равно было бы безполезно: вѣдь глупость почти повсемѣстно и полновластно царитъ на землѣ, уже потому, что она въ порядкѣ вещей и для ея торжества не надо стеченія исключительныхъ благопріятныхъ обстоятельствъ. Какой-нибудь пьяный сапожникъ можетъ, не особенно утруждая себя, при благосклонномъ участіи нелѣпаго вѣтра сжечь цѣлый городъ, какая-нибудь глупая кухарка можетъ, даже не замѣчая этого, стереть съ лица земли величайшее произведеніе человѣческаго ума, а мальчишка—взорвать на воздухъ, шутя, громадный домъ со всѣми его обитателями... Бѣдный Неволинъ! Какъ жестоко подшутила надъ нимъ судьба даже послѣ смерти. Измученный, больной, быть можетъ, изнемогая отъ голода и болѣзни, въ предчувствіи близ-

кой кончины, онъ напрягалъ послѣднія силы, чтобы довершить завѣтный многолѣтній трудъ и передать людямъ лучшія свои чувства и мысли, не подозрѣвая, что его произведенія, скорѣе даже, чѣмъ онъ самъ, превратятся въ груду пепла и никто не задумается даже надъ этимъ вопросомъ, отчего онъ, работавшій безъ устали всю жизнь, погибъ такъ безслѣдно.

Для мыслящаго человѣка полное забвеніе, равнодушіе и ничтожество хуже смерти. Вотъ почему, издавая случайно уцѣлѣвшія произведенія моего незабвеннаго учителя, я глубоко убѣжденъ, что исполняю его волю— до конца служить людямъ. Не мнѣ судить, насколько эти произведенія талантливы и литературны, это дѣло его читателей и критиковъ, но, во всякомъ случаѣ, въ нихъ отразились мысль и чувства человѣка такъ много испытавшаго и видѣвшаго на своемъ вѣку, столько выстрадавшаго въ нашъ равнодушный вѣкъ въ борьбѣ за убѣжденія свои и идеалы, такъ беззавѣтно стремившагося къ свѣту и добру, что, право, стоитъ задуматься надъ вопросомъ: отчего онъ погибъ такъ безслѣдно и отчего у насъ такъ часто гибнутъ люди?

ПАМЯТИ

НЕЗАБВЕННАГО СИБИРСКАГО ДѢЯТЕЛЯ

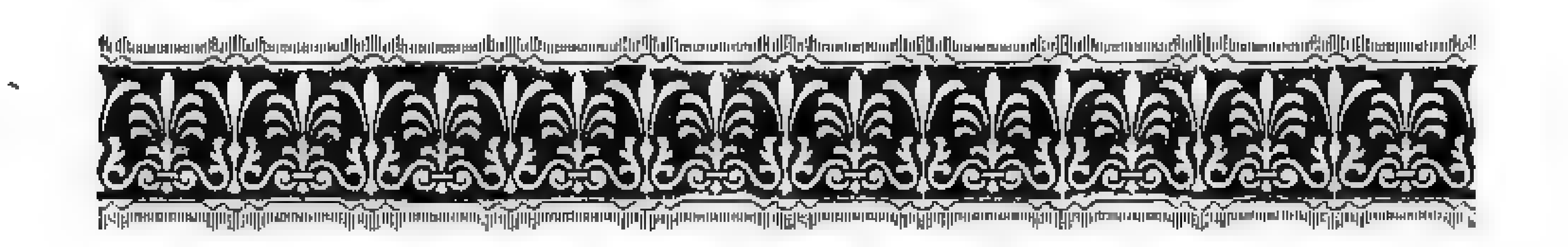
Александра Ивановича

Деспота Зеновича.

† въ 1895 г.

Посвящаетъ

Авторъ.

СУДЬБА.

(Изъ посмертныхъ записокъ доктора Неволина *).

Какъ океанъ объемлетъ шаръ земной,
Такъ наша жизнь объята снами.

Афоризмъ *В. Шекспира.*

I.

Жизнь моя сложилась очень странно. Еще ребенкомъ, начитавшись всякихъ путешествій и романовъ Купера, я мечталъ невѣроятныхъ приключеніяхъ на необитаемомъ островѣ, о дѣятельности миссіонера и мученической смерти среди полудикихъ племенъ. Ничто не сдерживало моего воображенія. У меня не было тѣхъ свѣтлыхъ дѣтскихъ радостей, которыя, подобно корнямъ дерева, крѣпко привязываютъ людей къ родной землѣ и до послѣдней минуты придаютъ имъ необходимыя силы въ упорной борьбѣ за счастье. Какъ хороша жизнь, когда человѣкъ чувствуетъ, что онъ не чужой на жизненномъ пиру, и какъ она ужасна для отвер-

*) Этотъ очеркъ и послѣдующіе, за исключеніемъ двухъ, были уже помѣщены въ журналѣ Наблюдатель за 1894—1895 г.г. и въ друг. повременныхъ изданіяхъ.

женныхъ! А я слишкомъ рано осиротѣлъ и точно былъ выброшенъ за бортъ жизни.

Вотъ почему она мнѣ на первыхъ же порахъ показалась такой печальной. Подобно страннику, случайно попавшему на поле битвы, я иногда испытывалъ чувство настоящаго ужаса... и старался уйти куда-нибудь подальше отъ этой вѣчной безпощадной борьбы за существованіе. Всякая проповѣдь насилія, всякое притѣсненіе и жестокость возмущали меня до глубины души. И вотъ незамѣтно во мнѣ зародилась мечта написать такую книгу, которая сразу сдѣлала бы всѣхъ разумными и счастливыми. Я былъ бѣднякъ и съ юныхъ лѣтъ испыталъ тысячи мелкихъ униженій, на каждомъ шагу чувствуя свое одиночество и безсиліе. Какъ могла явиться у меня такая дерзкая мысль?! Не знаю, но я страстно мечталъ объ этомъ еще на школьной скамьѣ, какъ иные юноши мечтаютъ о военныхъ подвигахъ, о генеральскихъ эполетахъ и роскошныхъ дворцахъ. И незамѣтно я весь ушелъ въ упорную работу мысли и въ чтеніе прославленныхъ книгъ. Мнѣ казалось такъ легко отречься отъ радостей жизни, которыхъ, впрочемъ, я не зналъ, и отмежевать свой укромный уголокъ для работы. Вѣдь прожили же такъ свой вѣкъ милліоны тружениковъ, не знавшіе того тупаго довольства и пресыщенія, которое зовется счастіемъ, и всѣ великія идеи возникли въ сторонѣ отъ уличной жизни. А я, къ несчастью, еще на школьной скамьѣ научился презирать все будничное, потому что не зналъ тѣхъ удовольствій и утѣшеній, которыя доступны всякому ребенку, растущему въ семьѣ.

Лучшіе ученическіе годы я прожилъ впроголодь, въканурахъ, въ подвалахъ, въ горькой нищетѣ и неразлучномъ съ нею одиночествѣ. А въ мукахъ одиночества рождаются не только великія мысли, но и болѣзненныя, ужасныя видѣнія... Незамѣтно обрывались всѣ мои связи съ людьми, и жизнь становилась невыразимо печальной. Ея жалкія заботы и радости казались мнѣ пустою дѣтскою забавой, стремленіе къ наживѣ—безуміемъ, честолюбіе—смѣшною глупостью, борьба за существованіе—преступленіемъ. Я разучился понимать окружающихъ людей и не ждалъ отъ нихъ ни помощи, ни пощады. Я шелъ впередъ къ невѣдомой далекой цѣли, какъ одинокій странникъ по заброшенному громадному кладбищу, вь надеждѣ, что кончится когда нибудь тяжкій путь, и я найду успокоеніе въ познаніи „вѣчной правды". Мнѣ иногда казалось, что я уже вижу, какъ сквозь туманъ, ея неясный проблескъ въ безсмертныхъ произведеніяхъ человѣческаго ума, что въ нихъ она сверкаетъ цвѣтами радуги, какъ лучъ солнца въ дождевыхъ капляхъ. И въ погонѣ за идеаломъ я все дальше уходилъ въ себя, бѣжалъ ото всего запятнаннаго будничною грязью, страстями и страданіемъ, пока наконецъ мое презрѣніе къ жизни, когда-то воодушевлявшее меня въ борьбѣ съ ея невзгодами, не превратилось въ глубокое и спокойное отчаяніе, и я не очутился на краю той непроходимой бездны, передъ которой въ концѣ концовъ останавливается человѣческая мысль и смолкаетъ самое безпощадное сомнѣніе.

Напрасно я искалъ исхода въ трудѣ. Усталая

мысль отказывалась работать, сердце просило радости и новыхъ впечатлѣній. Иногда цѣлые часы незамѣтно проходили въ безотчетныхъ мечтаніяхъ надъ нераскрытой книгой и недописанной фразой; какая-то мучительная и непонятная тревога проникала въ мою душу,—что-то похожее на угрызеніе совѣсти. Я упрекалъ себя въ бездѣльѣ, а между тѣмъ я неутомимо работалъ, съ успѣхомъ кончилъ курсъ въ двухъ высшихъ заведеніяхъ и пріобрѣлъ столько всякихъ знаній, что могъ бы сдѣлаться сильнымъ міра сего, если бы съумѣлъ ихъ примѣнить на дѣлѣ. Но этого именно умѣнья у меня и не хватало. И зданіе, которое я воздвигъ въ теченіе многихъ лѣтъ съ такимъ трудомъ, оказалось никуда не годнымъ; оно готово было рухнуть всякую минуту и раздавить меня подъ своими обломками. Но въ это именно время душевныхъ тревогъ и колебаній надвинулась гроза съ другой стороны, откуда я не ожидалъ бѣды, и разразился страшный ударъ...

II.

Однажды поздно вечеромъ, въ дверь моей комнаты постучались, и не успѣлъ я отвѣтить, какъ вошла какая-то бѣдно одѣтая дѣвушка. Она была взволнована и, спѣша и задыхаясь отъ рыданій, стала мнѣ что-то говорить... Я понялъ только, что мать ея очень, очень больна. Медицинской практикой я тогда не занимался и посовѣтовалъ ей обратиться къ болѣе опытному врачу изъ сосѣдняго дома. Дѣвушка, настаивая на своемъ, вся въ слезахъ, со сложенными, какъ для молитвы, руками,

подошла къ столу. Свѣтъ лампы, прикрытой абажуромъ, скользнулъ по ея лицу, и тутъ только я разглядѣлъ на немъ выраженіе такого безумнаго горя, что сразу имъ проникся и потерялъ способность хладнокровно разсуждать. А, между тѣмъ, вѣдь я много страданій испыталъ и видѣлъ на своемъ вѣку. Я прекрасно научился ихъ понимать и сразу же угадывать, но тутъ только я впервые почувствовалъ, что значитъ настоящее несчастіе. Мнѣ даже страшно стало и стыдно за свой отказъ помочь опасно больной. Не знаю, что̀ со мной сдѣлалось, но я никогда не забуду этой первой встрѣчи, этихъ испуганныхъ и умолющихъ глазъ. Какое у нея было удивительное лицо, какъ оно выражало малѣйшія душевныя движенія! Ничего подобнаго мнѣ и во снѣ не грезилось. Быть можетъ, я уже тогда безотчетно полюбилъ ее и потому такъ сильно проникся ея горемъ.

Наскоро одѣвшись и забывъ даже запереть дверь, я пошелъ за ней. Жили онѣ съ матерью, какъ оказалось, въ томъ же домѣ, на третьемъ дворѣ, по сосѣдству съ прачешной и помойной ямой, въ помѣщеніи, пригодномъ для склада дровъ, но не для жилья. Сердце мое сжалось. Тутъ чувствовалась не только нищета, но и близость смерти; среди унылаго безпорядка царила тишина, точно въ голодной гибнущей семьѣ. Больную я нашелъ въ глубокомъ обморокѣ отъ истощенія и потери крови. Я сразу понялъ, что надежды нѣтъ: она умирала отъ чахотки. Лишь съ большимъ трудомъ мнѣ удалось привести ее въ чувство. Всю ночь я провелъ у постели больной, которая, тяжело вздыхая,

молча, почти все время слѣдила за мной безконечно грустнымъ и тревожнымъ взглядомъ смертельно раненой птицы, какъ будто спрашивая, зачѣмъ я къ нимъ пришелъ. Сначала даже она упорно отказывалась отъ пищи и лѣкарствъ, и только потомъ я понялъ, что она дѣлала это изъ опасенія истратить послѣдніе гроши и оставить дочь совсѣмъ безъ средствъ. Подобной нищеты я не встрѣчалъ еще, и жалкіе остатки прежней роскоши въ этомъ сыромъ мрачномъ подвалѣ производили ужасное впечатлѣніе. Среди всякаго хлама попадались старинныя издѣлія изъ серебра и слоновой кости, за которыя, быть можетъ, знатокъ-любитель не пожалѣлъ бы громадныхъ денегъ. А на стѣнѣ, въ старинной потемнѣвшей рамѣ, висѣлъ великолѣпный портретъ русскаго барина тридцатыхъ годовъ съ надменнымъ и насмѣшливымъ лицомъ. Это и былъ послѣдній представитель угасающаго рода Протазановыхъ, въ печальныя времена крѣпостного права съумѣвшихъ прославиться своею жестокостью и распутствомъ. Ужасную исторію этой семьи я слышалъ еще въ дѣтствѣ. Теперь, случайно встрѣтившись съ женою и дочерью послѣдняго изъ Протазановыхъ, я вспомнилъ еще свѣжія позорныя преданія. Обладая неистощимымъ здоровьемъ, силой и страстной жаждой наслажденій, Протазановы, казалось, никогда не испытывали ни угрызеній совѣсти, ни разочерованій, ни сомнѣній, не знали никакой узды, пока не промотали своего громаднаго состоянія. Но всѣхъ превзошелъ своимъ чудачествомъ и безумной жестокостью послѣдній представитель прославленнаго рода. И до послѣд-

ней минуты счастье ему не измѣняло; все благополучно сходило съ рукъ. Не разъ онъ засѣкалъ на смерть провинившихся дворовыхъ или съ утонченной жестокостью приказывалъ привязывать ихъ по ночамъ, обнаженныхъ, въ глухомъ лѣсу, пока несчастные, искусанные миріадами мошекъ и комаровъ, не умирали въ страшныхъ мукахъ отъ истощенія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ питалъ по истинѣ болѣзненную любовь къ домашнимъ животнымъ, особенно къ лошадямъ и собакамъ. На псарнѣ и въ конюшняхъ были у него настоящіе любимцы, болѣзнь которыхъ сопровождалась истязаніемъ крѣпостныхъ лакеевъ, а смерть вызывала даже панику въ барскихъ хоромахъ. Но подоспѣло освобожденіе крестьянъ и неизбѣжное разореніе, а вскорѣ, послѣ безпримѣрнаго запоя, скончался и старый баринъ, не перенесшій воли и новыхъ порядковъ. Умеръ онъ, однако, какъ сказочный удалецъ, беззаботно перебирая холодѣющей рукой струны гитары, въ то время, какъ его жена, священникъ и прислуга, столпившись у постели умирающаго, дрожа отъ страха, шептали отходныя молитвы. Вспоминая объ этомъ теперь, у постели его несчастной умиравшей жены, я съ глубокой ненавистью и. какимъ-то необъяснимымъ предчувствіемъ взглядывался въ его портретъ. Въ этомъ лицѣ невѣдомый художникъ точно воплотилъ угасшій блескъ и демоническую силу эпохи крѣпостнаго права. Сколько безмятежнаго величія въ этихъ красивыхъ выхоленныхъ чертахъ, сколько высокомѣрія въ блестящихъ и холодныхъ сѣрыхъ глазахъ. Казалось, этотъ старый баринъ съ презрительной улыбкой глядѣлъ на окружа-

ющую нищету и не хотѣлъ понять страданій загубленной имъ больной жены и дочери—Анны, родившейся уже послѣ его смерти. Глядя на эти безотвѣтныя искупительныя жертвы за старые грѣхи, я всей душой возмущался противъ таинственнаго грознаго закона возмездія за преступленія предковъ, закона „наслѣдственности“ пороковъ, таланта и болѣзней,—котораго не могли постигнуть ни древніе пророки, ни современные ученые и предъ которымъ безсильна даже всесокрушающая смерть!

III.

Незамѣтно я сдѣлался близкимъ человѣкомъ въ мрачномъ подвалѣ и все свободное время проводилъ у постели больной. Я даже забросилъ свои научныя занятія. Въ чувствѣ состраданія, какъ и въ любви, есть что-то захватывающее. Впрочемъ, я тогда еще не сознавалъ, не смѣлъ даже самому себѣ признаться, что люблю Анну. Мы съ нею лишь изрѣдка обмѣнивались какою-нибудь незначительною фразой и были заняты почти исключительно болѣзнью ея матери.

Но въ это именно время во мнѣ произошла какая-то глубокая внутренняя перемѣна. Я какъ-то безсознательно отрѣшился отъ своего высокомѣрнаго презрѣнія къ жизни и даже упрекалъ себя за то, что, стремясь къ недосягаемымъ идеаламъ, никому не сдѣлалъ добра. Все мое прошлое казалось мнѣ такимъ безцвѣтнымъ, жалкимъ. Во мнѣ заговорило какое-то невѣдомое новое чувство, а разумъ сразу же призналъ его силу и, какъ рабъ лукавый, нашелъ ему тысячу оправданій, осудивъ

то, что еще такъ недавно казалось мнѣ безспорной истиной. Словомъ, въ эти тяжелые и незабвенные для меня дни, я растерялся отъ неожиданныхъ впечатлѣній и страшно волновался, видя, какъ съ каждымъ днемъ угасаетъ моя больная. Напрасно я пригласилъ на помощь лучшихъ врачей. Развязка приближалась, и я убѣдился, что тревога о горькой участи Анны еще усиливаетъ страданія больной и ускоряетъ развитіе чахотки. Тогда я рѣшился высказаться и, оставшись наединѣ съ больной, поклялся ей, что не покину ея дочери, что бы ни случилось. Несчастная взглянула на меня, хотѣла что-то сказать, и вдругъ горько заплакала, всхлипывая, какъ ребенокъ. На другой день она скончалась.

Послѣ похоронъ, прямо съ кладбища, я отвезъ Анну къ старымъ знакомымъ, принявшимъ ее, какъ родную. За ней пришлось ухаживать, какъ за больной. Казалось, она помѣшалась отъ горя, ко всему относилась безучастно, разсѣянно отвѣчала на вопросы, ничѣмъ не интересовалась и, съ выраженіемъ застывшаго испуга на лицѣ, точно по цѣлымъ часамъ къ чему-то прислушивалась, усѣвшись гдѣ-нибудь въ углу. Ну, какъ я могъ бросить ее въ такомъ положеніи? А между тѣмъ я чувствовалъ, что чужое горе съ каждымъ днемъ все сильнѣе захватываетъ меня, что передъ нимъ блѣднѣютъ великіе вопросы знанія и жизни, еще недавно такъ волновавшіе меня. Иногда у меня являлось страстное желаніе вернуться на старый путь, опять замкнуться въ себѣ, порвать эту мучительную и странную связь, но мое душевное равновѣсіе было

безвозвратно нарушено. Я точно разучился даже читать: книга падала изъ рукъ, буквы прыгали и исчезали, и образъ Анны появлялся на недочитанныхъ страницахъ. Помню, какъ я обрадовался, когда впервые увидѣлъ улыбку на ея губахъ и какъ потомъ мнѣ часто грезились блѣдное лицо и задумчивые голубые глаза, вдругъ засверкавшіе отъ радости. Быть можетъ, это былъ первый неясный проблескъ любви, и безъ признаній, безъ клятвъ, мы были уже связаны судьбою навсегда,—хотя сами этого еще не понимали. Какое-то тревожное предчувствіе и безотчетная глубокая печаль долго насъ преслѣдовали, мѣшая высказаться. У насъ не было ни чудныхъ свиданій при свѣтѣ луны, ни таинственныхъ взглядовъ, ни бурныхъ вспышекъ, о которыхъ такъ хорошо говорятъ поэты. Въ осеннія петербургскія ночи не пѣлъ намъ соловей о любви, и въ мрачной комнатѣ, съ окномъ на душный дворъ, не распускались розы. Но наступило время, когда и я, какъ всѣ, въ порывѣ чувства, на мгновеніе забылъ всю горечь одиночества и все безуміе личной жизни, узнавъ то счастье самозабвенія въ любви, которое еще недавно казалось мнѣ нелѣпымъ, непонятнымъ, невозможнымъ... Но, создавая женщину, природа дерзко посмѣялась надъ человѣческимъ разумомъ и высокомѣріемъ. О, я прекрасно понималъ, сколько наглаго цинизма таится въ цвѣтущей женской красотѣ, но очередь моя пришла, и я смиренно призналъ власть чувства. Отъ счастья я точно потерялъ голову и до послѣдней минуты не замѣчалъ грозившей мнѣ бѣды. Впрочемъ, если бы жалкій червякъ могъ любить подобно человѣку,

то мрачная могила показалась бы ему раемъ. Но я скоро долженъ былъ понять, что личное счастье невозможно.

IV.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ нашей свадьбы, Анна вдругъ затосковала. Бывало, я по цѣлымъ днямъ не могъ добиться отъ нея ни слова. Лицо ея замѣтно осунулось и поблѣднѣло; она какъ будто скрывала отъ меня глубокое безысходное горе... Куда дѣвалась ея прежняя прямота и откровенность, составлявшая въ моихъ глазахъ величайшую прелесть. Ея лицо такъ ярко и ясно отражало малѣйшія душевныя движенія, а языкъ никогда не лгалъ. Теперь она заговорила какими-то намеками... Мнѣ показалось, что ее тревожитъ мое постоянное отсутствіе изъ дому. Оно тяготило и меня, но по неволѣ приходилось много работать, браться за всякое подходящее занятіе, чтобы поскорѣе заставить ее забыть минувшее горе. Да къ тому же мы ждали ребенка. Но въ угоду ей, я отказался отъ послѣобѣденныхъ занятій.

И это не помогло. Ея печаль съ каждымъ днемъ усиливалась. Она какъ будто начинала тяготиться моимъ присутствіемъ, а я все еще не хотѣлъ понять истины и пытался всѣ эти странности объяснить естественнымъ въ ея положеніи недомоганіемъ. Однажды она вдругъ горько расплакалась, и я никакъ не могъ ее утѣшить. О, если бы древній грекъ увидѣлъ слезы, текущія изъ мраморныхъ глазъ богини милосской, онъ не былъ бы навѣрно такъ пораженъ! Но я еще разъ сдержалъ себя и

порѣшилъ терпѣливо выжидать рѣшенія мучившей меня загадки. На третій день произошла ужаснѣйшая сцена. Въ припадкѣ безумнаго горя она стала упрекать меня, что я ей измѣнилъ, что я хочу отъ нея избавиться, что я подарилъ ей отравленныя конфекты, что все у нея внутри горитъ отъ ужаснаго яда. Сомнѣнія не было; я позвалъ извѣстнаго психіатра—директора дома для умалишенныхъ—и выслушалъ отъ него ужасный приговоръ. Врачъ подмѣтилъ въ лицѣ Анны зловѣщіе признаки вырожденія, нашелъ и неравномѣрное расширеніе зрачковъ, и неодинаковую окраску радужныхъ оболочекъ глазъ, и неправильную инервацію личныхъ мускуловъ, быть можетъ, придававшую такую удивительную выразительность и неуловимую прелесть ея чертамъ. Наконецъ, исторія предковъ больной вполнѣ выяснила причину ужаснаго разстройства, назрѣвавшаго въ теченіе вѣковъ среди ужасовъ крѣпостнаго права и гнусныхъ оргій. Грозная болѣзнь таилась у нея въ крови. Сокъ ея нервовъ былъ отравленъ тончайшимъ ядомъ, а ея беременность лишь ускорила роковую развязку...

Но я не могъ смотрѣть на Анну, какъ врачъ. Я ничего не замѣчалъ до самой послѣдней минуты... Мы были такъ счастливы, и ей, кроткой и жизнерадостной, какъ птица, я нанесъ ужасный ударъ... Не помню, чтò говорилъ еще знаменитый докторъ; я убѣжалъ отъ него въ другую комнату, и случайно взглядъ мой упалъ на висѣвшій здѣсь портретъ отца Анны; я задрожалъ отъ бѣшенства... Какъ я могъ даже въ минуты счастья смотрѣть безъ ненависти на это выхоленное порочное лицо, съ пре-

зрительно прищуренными глазами и съ дьявольской улыбкой на старческихъ губахъ?..

Я сорвалъ со стѣны ненавистный портретъ и разорвалъ его ударомъ каблука. Мнѣ казалось, что ужасный призракъ послѣдняго изъ рода Протазановыхъ преслѣдуетъ меня, что онъ сейчасъ явится предо мной, и я не вынесу пытки, сойду съ ума. Наконецъ я понялъ, какъ все въ жизни неразрывно связано, какою ужасною цѣною оплачивается малѣйшая радость на землѣ и сколько незаслуженнаго горя и болѣзней мы получили по наслѣдству. Я чувствовалъ движеніе безконечной таинственной цѣпи причинъ и слѣдствій, сковавшей всѣхъ людей, дѣтей и стариковъ, святыхъ и злодѣевъ,— цѣпи, охватившей весь міръ. Никто не въ силахъ остановить ея движенья. Никто, даже смерть! И вотъ, за то, что Протазановы, уснувшіе теперь въ могилахъ, когда-то заразили свою кровь тонкимъ ядомъ распутства и пороковъ, Анна осуждена на смерть среди ужасовъ безумія, а я, еще въ юности возненавидѣвшій это поколѣніе крѣпостниковъ, поклонниковъ мрака и насилія, долженъ поплатиться за старые грѣхи только потому, что всей душою полюбилъ несчастную. Я чувствовалъ, что безуміе Анны коснулось и меня...

V.

Опомнившись отъ этого припадка отчаянія, я порѣшилъ бороться съ ужасной болѣзнью до конца, и не разставаться съ Анной, хотя докторъ настаивалъ на помѣщеніи ея въ домъ для умалишенныхъ. Больше всего я надѣялся на свое вліяніе;

Анна до болѣзни была послушна, какъ дитя, и оттого ея безуміе казалось безконечно жалкимъ. Въ оцѣпененіи, въ тяжкомъ полуснѣ проходили ея дни. Лишь изрѣдка, точно пробуждаясь отъ мучительныхъ видѣній, она жаловалась на воображаемыя несчастія и преслѣдованія или, вздыхая, сжимала дрожащими блѣдными руками свою больную бѣдную головку, какъ будто бы пытаясь удержать ужасныя мысли. Въ эти тяжкія мгновенія она встрѣчала меня такимъ тревожнымъ и пытливымъ взглядомъ, что мое сердце сжималось отъ тоски и мнѣ становилось невыносимо больно, какъ отъ прикосновенія раскаленнаго желѣза къ обнаженной ранѣ. И съ каждымъ днемъ эта боль усиливалась. Входя къ Аннѣ, я невольно останавливался у двери, прислушиваясь, дрожа отъ мучительнаго ожиданія и собираясь съ силами, чтобы казаться спокойнымъ. Но скоро я замѣтилъ, что мое притворное спокойствіе лишь раздражаетъ страдалицу, усиливая ея ужасныя подозрѣнія, что иногда она глядитъ на меня съ невыразимымъ ужасомъ, какъ на убійцу, и что я не въ силахъ спасти ее отъ безумныхъ грезъ. Но, какъ погибающій пловецъ, я долго не хотѣлъ разстаться съ надеждой на спасенье, пока не потерялъ послѣднихъ силъ отъ тяжкаго волненья и безсонницы. Тогда мною овладѣлъ безотчетный, мистическій ужасъ передъ неустранимымъ несчастьемъ, и руки опустились какъ разъ въ рѣшительную минуту, когда я могъ еще спасти ее отъ смерти... Въ припадкѣ безумія она пыталась однажды отравиться, и съ тѣхъ поръ я рѣшилъ не оставлять ее безъ присмотра ни на

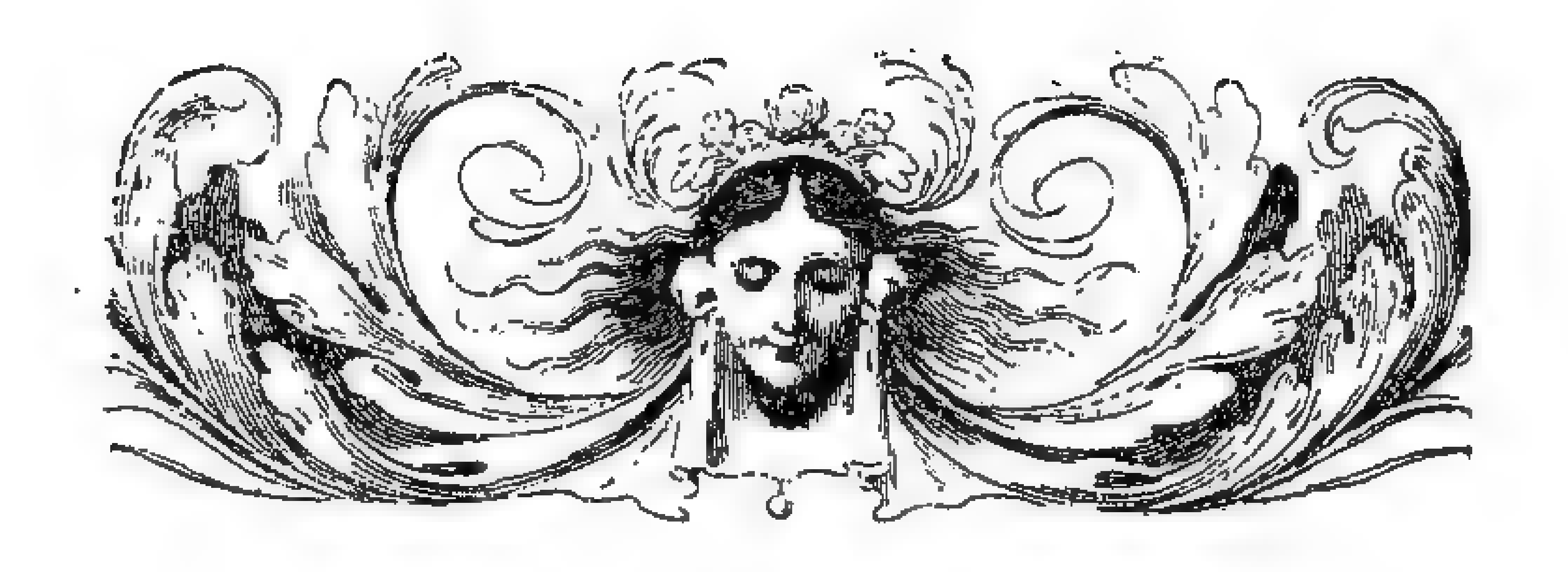
минуту. Днемъ, когда мнѣ приходилось отлучаться по дѣламъ, при ней постоянно оставалась служанка, а по ночамъ я сторожилъ у ея постели. Ужасныя безсонныя ночи! Сколько мукъ перенесъ я, прислушиваясь въ ночной тиши къ ея прерывистому дыханью и бреду сквозь сонъ, какія ужасныя мысли приходили мнѣ въ голову! Безуміе вѣдь заразительно и, можетъ быть, съ горя я въ то время помѣшался. Я чувствовалъ страшный упадокъ воли и непонятное раздвоеніе сознанія. Мнѣ казалось, что какой-то невѣдомый безсознательный духъ овладѣлъ моими мыслями и чувствами, что онъ смѣется надъ моимъ безсиліемъ и ничтожествомъ. Однажды, внѣ себя отъ ужаса передъ грозной таинственной силой, безжалостно разбившей мое счастье и спокойствіе, я сталъ молиться... Кому? Не знаю. Можетъ быть, звѣздамъ, тихо мерцавшимъ съ недосягаемой высоты въ полумракѣ сѣверной бѣлой ночи. Я молилъ невѣдомаго Бога о спасеніи Анны. Ради нея я готовъ былъ на всѣ жертвы и обѣты. Слава, блескъ истины—все мнѣ показалось въ этотъ мигъ ничтожнымъ передъ ея безуміемъ и мукой. Но вдругъ слова безумной мольбы замерли на моихъ губахъ; я почувствовалъ, что безъ вѣры нѣтъ молитвы, что я не въ силахъ молиться. Послѣднее утѣшеніе было потеряно. Меня охватило предчувствіе надвигающагося несчастія и близкой смерти. Я задыхался отъ волненія и распахнулъ окно. Разсвѣтало. Звѣзды печально догорали на безоблачномъ небѣ... Неужели и тамъ всѣ также несчастны и ничтожны, какъ здѣсь на землѣ? Неужели вселенная — лишь бездушная ма-

шина, въ которой мыслящія и безконечно страдающія существа играютъ роль колесъ, винтовъ и гаекъ?.. Неужели человѣческое горе безгранично и безцѣльно? Ужасъ, ужасъ! Въ оцѣпенѣніи я долго просидѣлъ у раскрытаго окна. Былъ ли это сонъ? Сомнѣваюсь. Я не потерялъ ни на минуту сознанія дѣйствительности. Я слышалъ дыханье спавшей Анны. Въ сосѣдней комнатѣ раздался дребезжащій звонъ часовъ. И вдругъ мнѣ показалось, что кто-то тихо, едва слышно, считаетъ удары. Я оглянулся. Предо мной стояла женщина въ глубокомъ траурѣ. Сквозь черную вуаль я разглядѣлъ лишь ея блестящіе загадочные глаза. Она дрожала не то отъ сдержаннаго смѣха, не то отъ подавленныхъ рыданій, и, задыхаясь, торопливо что-то прошептала. Но я не могъ понять значенія таинственныхъ словъ и, дрожа отъ ужаснаго предчувствія, все еще не вѣрилъ свомъ ушамъ... Послышался тихій стонъ... Видѣніе исчезло. Я узналъ голосъ Анны. Она безсильно металась во снѣ, жалобно стонала и, задыхаясь, звала на помощь. А я глядѣлъ на нее съ отчаяніемъ, чувствуя, что не въ силахъ ей помочь. Горькія слезы повисли на ея сомкнутыхъ рѣсницахъ. Отъ жалости, отчаянія и страха я окончательно потерялъ голову... и разбудилъ ее. Что̀ я говорилъ ей, не помню... Должно быть, старыя слова о томъ, какъ я люблю ее и какъ страдаю. Я цѣловалъ ея руки и, какъ умѣлъ, старался успокоить... И вдругъ я замолчалъ при видѣ ея лица. Блѣдная, съ широко-раскрытыми глазами, она пыталась вырваться и убѣжать, не узнавая и не слушая меня. Я помню ея ужасный крикъ: „убійца! помогите“! По-

томъ я видѣлъ, какъ она, спасаясь отъ меня, бросилась къ раскрытому окну... Я не успѣлъ схватить ея и удержать дрожащими руками. Раздался крикъ, стукъ паденія, свистки и шумъ на улицѣ... Въ этотъ мигъ окно мнѣ показалось темной бездной, вдругъ открывшейся передо мной. Я закрылъ глаза отъ ужаса. Голова закружилась, гдѣ-то далеко послышались испуганные голоса, долетавшіе до меня какъ будто изъ другаго міра. Потомъ— во снѣ или наяву?—я видѣлъ, какъ ее внесли по лѣстницѣ и положили на постель. Я видѣлъ ея искаженное лицо...

Я тяжело заболѣлъ и удивляюсь, какъ остался живъ. Я испыталъ такія невыразимыя страданія, передъ которыми блѣднѣютъ всѣ ужасы дѣйствительности. Помню, меня въ бреду тревожили видѣнія послѣдней изъ рода Протазановыхъ и неизвѣстной дамы въ траурѣ... А вдали я видѣлъ Анну въ вѣнкѣ изъ розъ... Она звала меня, протягивая руки. О смерти ея я какъ будто забылъ на время. Воспоминаніе о ней явилось послѣ, вмѣстѣ съ сознаніемъ, когда первые ужасные приступы отчаянія уже прошли. Я попытался вернуться къ прежнимъ занятіямъ и убѣдился, что жизнь разбила всѣ мои мечты. Моя книга осталась неоконченной. Кто много выстрадалъ, тотъ не способенъ увлекаться громкими словами, тотъ понимаетъ, что истинное знаніе необходимо отвоевать у жизни... И я уѣхалъ въ глушь къ бѣднякамъ и несчастнымъ. Съ тѣхъ поръ прошли года. Иногда мнѣ кажется, что я близокъ къ рѣшенію великой задачи, что цѣль жизни уже виднѣется

въ туманной дали... Ахъ, еслибы когда нибудь, хотя въ грозный часъ смерти, я могъ повѣрить, что есть правда на землѣ, и примириться съ великимъ неизбѣжнымъ страданіемъ за преступленія отжившихъ поколѣній и за пороки озлобленныхъ безумцевъ и слѣпцовъ!

ЖЕНЩИНЫ ВЪ ИЗГНАНІИ.

(*Изъ воспоминаній Неволина*).

Три тяжкія доли имѣла судьба,
И первая доля: съ рабомъ повѣнчаться,
Вторая—быть матерью сына раба,
А третья—до гроба рабу покоряться,
И всѣ эти грозныя доли легли
На женщину русской земли.

Некрасовъ. Морозъ, красный носъ, III.

I.

Въ погонѣ за внезапно улетѣвшимъ счастьемъ, гонимый смутной скорбью и надеждой, я, какъ то невзначай и легкомысленно порвавъ ненавистныя цѣпи привычной петербургской жизни, собрался въ далекую Сибирь и уѣхалъ съ такой поспѣшностью, какъ будто бы за мною гнались. Да, я бѣжалъ отъ безумнаго столичнаго веселья и мертвящей скуки большого города, прокопченнаго насквозь фабричнымъ дымомъ и туманами. Я бѣжалъ отъ праздной суеты, всемогущей пошлости и болтовни газетъ, изо дня въ день на разные лады повторяющихъ старую, какъ міръ, исторію о насиліяхъ надъ слабыми, о разрывныхъ пуляхъ, о порабощеніи и гибели безоружныхъ народовъ, бѣжалъ отъ ужасныхъ каменныхъ клѣтокъ и мрачныхъ стѣнъ, въ кото-

рыхъ, какъ невозвратный сонъ, промелькнула моя юность съ ея волшебными снами и угасли свѣтлыя надежды; бѣжалъ отъ скорбныхъ воспоминаній и могилъ — на широкій просторъ искать забвенія и въ быстрой смѣнѣ новыхъ впечатлѣній размыкать старую тоску. И съ той минуты, какъ я, распрощавшись съ желѣзнодорожной суетой, усѣлся въ тарантасъ, и зазвенѣлъ почтовый колокольчикъ, всѣ старыя заботы и назойливыя воспоминанія стали блѣднѣть и таять, какъ туманъ на зарѣ. Точно невидимая рука отдернула передо мной занавѣсъ, и я поневолѣ и незамѣтно отдался измѣнчивымъ путевымъ впечатлѣніямъ.

За Ураломъ, гдѣ въ то время обрывалась сѣть желѣзныхъ дорогъ, я точно попалъ въ невѣдомую страну чудесъ и сказокъ. Ѣзда на перекладныхъ, безъ отдыха, втеченіи многихъ дней, недѣль, мѣсяцевъ представляется мнѣ теперь чѣмъ-то даже фантастическимъ: въ моемъ воспоминаніи мелькаютъ лишь случайные отрывки, неожиданныя встрѣчи и яркія мгновенія, какъ будто все это я пережилъ не на яву, а видѣлъ лишь во снѣ. Но этотъ сонъ наступилъ не сразу. Я долго томился отъ непреодолимаго желанія забыться, уснуть. Голова кружилась, глаза невольно смыкались, сладкое оцѣпенѣнье сна пробѣгало по тѣлу. Съ просонокъ мнѣ чудилось, что я стремглавъ несусь куда то въ бездну. Я поминутно вздрагивалъ и просыпался отъ толчковъ и тряски тарантаса. Много часовъ прошло въ быстрыхъ смѣнахъ сна и пробужденія. Наконецъ я забылся... Это былъ сонъ тревожный, мучительный и въ то же время сладкій, какъ пред-

чувствіе вѣчнаго покоя. Почтовый колокольчикъ печально звенѣлъ въ пустынѣ, тарантасъ мѣрно покачивался, вздрагивая по временамъ, а я дремалъ, точно безпомощный ребенокъ въ колыбели подъ однообразные звуки странной, усыпляющей пѣсни, или задумчиво полусознательно по цѣлымъ часамъ созерцалъ непрерывно, какъ въ волшебномъ фонарѣ, смѣнявшіеся виды.

Такъ проходили дни, недѣли. Голова болѣла отъ усталости, отъ непрерывнаго движенія, отъ чудовищнаго сна, отъ мимолетныхъ, путевыхъ впечатлѣній, отъ неопредѣленныхъ мыслей и грезъ безъ конца. Я былъ точно въ чьей то власти. Чувствовалось что то подавляющее въ серебристомъ, магнетическомъ звонѣ колокольчика, какая то глубокая, неразгаданная мелодія. Мнѣ чудилась въ ней печаль изгнанія, скорбь безъисходнаго скитальчества, тоска о безвозвратно ушедшей жизни, о погибшихъ мечтахъ, о безслѣдно развѣянныхъ силахъ. Нѣсколько разъ въ день она смолкала, и я пробуждался, медленно поднималъ отяжелѣвшую голову. Надо вставать — почтовая станція! — Съ трудомъ передвигая окоченѣвшія ноги,—я переходилъ въ другую повозку. Вещи поспѣшно перекладывались, запрягали лошадей. Изрѣдка лишь я останавливался напиться чаю, погрѣться въ теплой славной сибирской избѣ. Пройтись по горницѣ, свободно хоть на мгновеніе растянуться на скамьѣ—какое наслажденіе!

Случалось, едва присѣвъ у закипающаго въ вечерней тиши самовара, я забывался въ сладкомъ томленіи покоя, подъ его отрывистый, меланхоли-

ческій шепотъ. И чудилось мнѣ въ просонкахъ, что передо мной на столѣ не самоваръ, а добродушный толстякъ съ лоснящейся физіономіей и прищуренными, заплывшими глазами, старый ворчунъ, слюнявый брюзга и въ тоже время балагуръ, мастерски играющій на какомъ-то странномъ музыкальномъ инструментѣ, не то балалайкѣ, не то гармоніи, не то гитарѣ, незамѣнимый въ пути собесѣдникъ, умѣющій невзначай согрѣть усталаго путника, растрогать его, утѣшить, успокоить, приголубить и внезапно пробудить въ душѣ глухія угасшія воспоминанія. Вкрадчиво шепчетъ, захлебываясь и звеня, самоваръ, а кажется будто гдѣ то подъ свѣтлымъ безоблачнымъ небомъ ручей журчитъ и доносится издали дѣтское щебетаніе и беззаботный смѣхъ, звенящій, какъ маленькіе колокольчики.

Какъ хорошо пить чай съ душистымъ вареньемъ и свѣжими сотами подъ голубымъ небомъ родины, въ кругу друзей и родныхъ, въ сѣни могучихъ тополей и липъ, подъ которыми родилось и выросло много поколѣній, какъ славно смотрѣть при этомъ на знакомыя съ дѣтскихъ лѣтъ окрестности, озаренныя тихими мягкими лучами заходящаго солнца, и слышать беззаботный звонкій смѣхъ ребятъ, щебетаніе ласточекъ, и вотъ этотъ прерывистый таинственный шепотъ самовара въ рѣдкія мгновенія воцаряющейся тишины!..

Гдѣ эти безмятежныя мгновенія?

Безвозвратно промелькнули они, такъ безвозвратно, что даже воспоминанія о той порѣ чуть брезжатъ. Жизнь ихъ до такой степени сгладила, что они

кажутся теперь полузабытымъ соннымъ видѣніемъ...

Мечты несутся дальше. Самоваръ шумитъ все громче, громче, вотъ, кажется, не выдержитъ, забурлитъ, закипитъ. Слышится отрывистое глухое клокотаніе, словно вспышки могучей страсти.

И невольно вспоминается та веселая пора, когда полусознательная дремота дѣтства нарушилась вдругъ пробудившимися грубыми смѣлыми стремленіями юности. Сколько счастья въ ея порывахъ, могучихъ, глубокихъ и нѣжныхъ, какъ блескъ моря въ свѣтлую зарю! А грудь все-таки томилась жаждой пробужденія, бури. Казалось, вотъ-вотъ новая невѣдомая, но желанная истина, подобно молніи, прорѣжетъ густыя грозныя тучи и грянетъ громъ! Какія смѣлыя кипучія рѣчи раздавались около кипящаго самовара въ кругу товарищей студентовъ!

А самоваръ согрѣвалъ наши больные и пустые желудки, подзадоривалъ насъ, располагалъ къ смѣлымъ мечтамъ и при этомъ шумѣлъ добродушно и радушно, какъ будто задыхаясь и захлебываясь отъ подавленнаго смѣха. Очень ужъ много крикуновъ собиралось вокругъ него!

Какъ безслѣдно прошли эти страстныя незабвенныя мгновенія.... Увы! и кровь выкипаетъ отъ внутренняго жара, какъ вода и внутренній жаръ тухнетъ, какъ истлѣвшіе уголья подъ слоемъ сѣрой золы, и самыя пылкія мечты безслѣдно улетучиваются, какъ паръ.

Больно, больно!

Самоваръ совсѣмъ меня растрогалъ, но пѣснь

его еще не спѣта. Страстное клокотаніе и отрывистый шумъ постепенно переходятъ въ монотонное жужжаніе, прерываемое по временамъ глухимъ бурленіемъ, и, чудится, словно муха жужжитъ и бьется въ потускнѣвшія стекла безмолвнаго и глухаго какъ, какъ гробъ, жилища, а хозяинъ этого жилища, доживающій вѣкъ свой, старикъ, что-то брюзжитъ, а жирный дряхлый котъ лѣниво мурлычетъ на теплой лежанкѣ.

Тутъ и конецъ росказнямъ самовара. Его монотонное дребезжаніе тянется все тише, тоньше, печальнѣе, словно старческая догорающая жизнь, услаждаемая лишь разговорами о политикѣ, о разнузданности молодыхъ поколѣній, да безмятежнымъ сномъ послѣ сытнаго обѣда и ужина на мягкой перинѣ...

Наконецъ, самоваръ потухъ, испустивъ нѣсколько хриплыхъ замирающихъ стоновъ. Чай допитъ, пора въ дорогу, дальше... дальше...

II.

Опять раздается щелканье бича и крикъ ямщика. Почтовая станція, шеренги деревенскихъ домовъ, незнакомыя лица мелькнули на мгновеніе и исчезли навсегда. А тамъ опять пустырь, гладь, степь, угрюмая тайга и неугомонный звонъ колокольчика до умопомраченія.

Ночной мракъ не приносилъ успокоенія, напротивъ, онъ усиливалъ самыя обыденныя впечатлѣнія почти до боли, придавая имъ какой-то своеобразный оттѣнокъ. Вотъ вдали засверкали огни глухой, невѣдомой деревни,—все ближе, въ нѣ-

сколькихъ шагахъ наконецъ, но кромѣ огней, да густыхъ мелькающихъ тѣней, глазъ ничего не различаетъ. Я слышу отзвуки невидимой чуждой мнѣ жизни и голоса людей, которыхъ никогда не увижу. Вотъ, наконецъ, тарантасъ остановился, значитъ—почтовая станція. Въ мерцающемъ красноватомъ отблескѣ фонаря снуютъ тѣни; на мгновеніе вынырнуло изъ мрака своеобразное, словно доисторическое, лицо инородца ямщика, лошадиная морда, кузовъ тарантаса. Кто-то сказалъ—готово! Меня увозятъ; все изчезло во мракѣ.

Дорога истомила меня, но я какъ то втянулся въ нее; я торопился, хотя, въ сущности, торопиться было не зачѣмъ, я ѣхалъ не обращая вниманія на погоду, я находилъ странное наслажденіе въ трудностяхъ пути, въ непрерывной смѣнѣ безпорядочныхъ, болѣзненныхъ впечатлѣній, которыя подчасъ волновали меня совершенно безотчетно, до глубины души, врѣзывались въ память съ неизгладимой силой...

Я помню, проснулся однажды, встревоженный глухимъ шумомъ... Заря занималась... Въ ея багровомъ отблескѣ, вдали поднималась могучая вѣчно зеленая стѣна тайги. Скоро почтовый тарантасъ въѣхалъ въ ея просѣку. Кругомъ громадныя вѣковыя деревья, все больше кедръ, сосна, ель, да изрѣдка лишь чахлыя березы... Сквозь ихъ просвѣтъ виднѣлись небольшія блѣдно-розовыя тучки, гонимыя вѣтромъ. Испуганная ворона съ рѣзкимъ карканьемъ пролетѣла надо мной и словно въ отвѣтъ тайга дико застонала подъ напоромъ вихря, краевыя деревья затрещали, но въ глубь ея вѣ-

теръ не проникъ, не возмутилъ ея непробудной тишины. Тамъ слышался глухой таинственный шумъ, чувствовался первобытный ненарушимый покой, какой царилъ еще въ то время, когда здѣсь не было ни людей, ни почтовыхъ дорогъ, ни троекъ, ни колокольчиковъ, ни кнута. Дальше... помню, свѣтлый осенній вечеръ. Кругомъ было тихо, какъ въ храмѣ, а звонъ колокольчика звенѣлъ, точно призывъ къ молитвѣ. Въ степи было безжизненно и пусто, какъ на заброшенномъ кладбищѣ, а по ней розовой искрящейся лентой вилась многоводная, широкая рѣка и, казалось, вдали сливалась съ огненнымъ моремъ заката.

И вспомнились мнѣ дѣтскіе годы, и невозвратныя мгновенія свѣтлаго радостнаго созерцанія, когда я еще съ безотчетнымъ непосредственнымъ чувствомъ смотрѣлъ на Божій міръ, на такой же тихій закатъ солнца и на сверкающіе въ лучахъ его изгибы рѣки, также многоводной и широкой и шаловливыя грезы дѣтства, казалось, кружились надо мной, наполняя душу неизъяснимымъ счастьемъ...

Но чѣмъ дальше я ѣхалъ, тѣмъ суровѣе становилась природа. Я выѣхалъ поздней осенью. Суровая сибирская зима съ ея безпощадными морозами застигла меня въ пути. Дорога была трудная. По Барабинской степи меня везли въ саняхъ, хотя настоящаго снѣга еще не было, но колеса почтоваго тарантаса не выдерживали кочковатой дороги. Скоро рѣки стали замерзать; я съ трудомъ перебирался черезъ нихъ, то въ утломъ досчаникѣ, пробираясь среди громадныхъ льдинъ, то пѣшкомъ

по свѣжему хрупкому льду, въ то время какъ сани осторожно передвигали руками и лошадей проводили подъ уздцы, по одиночкѣ.

III.

Въ зимній морозный вечеръ я прибылъ, наконецъ, къ мѣсту своего назначенія, въ городъ Утробскъ. И странно, при одной мысли, что путь мой конченъ и что съ завтрашняго утра мнѣ придется съ головой окунуться въ мутный водоворотъ сибирской жизни и приняться за дѣла, я испыталъ какое-то смутное чувство не успокоенія, а скорѣе тревоги. Несмотря на усталость и довольно поздній часъ, мнѣ не сидѣлось дома, въ уютной земской квартирѣ, и, закутавшись въ оленью доху, я вышелъ прогуляться по улицамъ знаменитой резиденціи крупнаго кабатчика и почетнаго гражданина Утробина. По слухамъ я уже нѣсколько ознакомился съ мѣстной скандалезной хроникой. я зналъ, что не задолго до моего пріѣзда кончилось загадочное дѣло о поджогѣ служащимъ этого Утробина мельницы конкурента и что, послѣ прекращенія этого дѣла, нѣкоторые изъ мѣстныхъ чиновниковъ, по странному стеченію обстоятельствъ, обзавелись домами, а жены ихъ новыми дорогими шубами; я зналъ, что въ колодцѣ, во дворѣ Утробинскаго дома, былъ найденъ полуразложившійся трупъ какой-то женщины, оказавшійся, по безпристрастномъ разслѣдованіи, трупомъ собаки; я зналъ, что вся мѣстная знать, да и пріѣзжіе чиновники покрупнѣе, составляли въ нѣкоторомъ родѣ штатъ хлѣбосольнаго „дяденьки“, какъ на-

зывали Утробина свои люди, обѣдавшіе, ужинавшіе у него и игравшіе въ винтъ чуть не ежедневно...

Недаромъ, неунывающій мѣстный сатирикъ писалъ, что „доблестный купецъ Утробинъ народъ православный поилъ и всю полицію кормилъ, евангельскимъ мужамъ подобенъ". И теперь, проходя мимо Утробинскихъ хоромъ, я увидѣлъ на большомъ освѣщенномъ дворѣ нѣсколько саней и услышалъ доносившійся издали людской говоръ, а дальше точно все вымерло, сквозь плотно *„закутанныя"* ставни, ни звука, ни луча свѣта, и если бы на улицѣ раздался вдругъ отчаянный призывъ о помощи, то онъ остался бы навѣрно безъ отвѣта. По временамъ лишь раздавался неистовый лай встревоженной проголодавшейся собаки, ей отвѣчали гдѣ то далеко во мракѣ другія, и среди оглушительнаго гама, визга и воя чудилось, что стаи хищниковъ окружили, подобно непріятельской арміи, мертвый городъ, предвкушая заранѣе обильную поживу. Страшное чувство одиночества вдругъ охватило меня какъ будто я забрелъ на край свѣта, гдѣ кончаются всѣ земные пути и откуда нѣтъ уже возврата. Мнѣ вспомнился печальный часъ прощанія съ могилой Анны въ заброшенномъ углу громаднаго столичнаго кладбища, когда передъ отъѣздомъ въ далекій край, казалось, я вновь пережилъ весь безъисходный ужасъ смерти. Мнѣ пришла въ голову на мгновеніе странная мысль—бросить все, уѣхать куда нибудь подальше. Но изъ страны Макара бѣжать не такъ то легко, да и куда бѣжать? Мнѣ стало даже смѣшно при мы-

сли, что такъ неожиданно, невзначай, благодаря случайно подвернувшемуся мѣсту товарища прокурора гдѣ то въ Утробскѣ, я, близорукій и безобидный мечтатель, долженъ столкнуться съ самой неприглядной дѣйствительностью, стать лицомъ къ лицу съ разными темными сибирскими дѣятелями, которые уже насторожились при вѣсти о моемъ пріѣздѣ. Я зналъ, что столкновеніе съ ними неизбѣжно и даже находилъ въ этомъ нѣкоторое утѣшеніе, борьба хотя-бы безъ надежды на успѣхъ все-же лучше полнаго одиночества и отчаянія! Но я никакъ не ожидалъ, что эта борьба начнется сейчасъ...

На церковной колокольнѣ только что пробило девять часовъ, и я уже направился домой, какъ вдругъ, среди наступившей тишины, мнѣ послышался тихій подавленный стонъ. Я остановился въ нерѣшительности у дома полицейскаго управленія. Все было тихо кругомъ, только изъ глубины небольшаго каменнаго амбара, неподалеку отъ полиціи, какъ будто долетали до моего слуха подавленные звуки: не то причитанія, не то призывъ о помощи. Подъ вліяніемъ какого-то безотчетнаго настроенія, я зашелъ въ помѣщеніе полицейскихъ и спросилъ, что помѣщается въ сосѣдней пристройкѣ.

— Каталажная камера, бойко отрапортовалъ мнѣ полицейскій служитель, вглядываясь въ меня съ нѣкоторымъ изумленіемъ.

— Я вновь прибывшій товарищъ прокурора, отвѣтилъ я на его взглядъ. Есть тамъ арестованные?

— Никакъ нѣт-съ. То есть, виноватъ, содержится

женщина одна, безъ вида, должно быть, бѣглая... залепеталъ онъ растерянно, вытянувшись и вытаращивъ глаза.

— Проводите меня туда, приказалъ я.

Въ холодной, грязной и сырой комнатѣ, въ нѣсколько квадратныхъ аршинъ, съ узкими окнами чуть не у потолка, на полу, на связкѣ соломы, укутавшись съ головой въ рваный полушубокъ, лежала какая-то женщина.

Заслышавъ скрипъ тяжелой двери на заржавленныхъ петляхъ, она съ трудомъ подняла отяжелѣвшую голову и нѣкоторое время разглядывала насъ въ недоумѣніи, прищуривъ глаза и, повидимому, плохо сознавая происходящее. При слабомъ отблескѣ фонаря съ зажженной сальной свѣчей, я не сразу успѣлъ разглядѣть ея опухшее лицо, прикрытое, точно маской, отраженіемъ стараго глубокаго горя, болѣзни и паденія. И вдругъ я узналъ ее!

— Какъ вы сюда попали?! началъ я, но къ счастью во время сдержался: полицейскій и женщина смотрѣли на меня съ недоумѣніемъ.

Собственно, вопросъ мой былъ положительно нелѣпъ. Я зналъ, что Ольга Набатова была осуждена въ ссылку въ Восточную Сибирь, за дѣтоубійство, а слѣдовательно, ничего не было удивительнаго въ томъ, что, отлучившись безъ дозволенія съ мѣста жительства, она была задержана при полиціи на нѣсколько часовъ или дней до выясненія ея личности и отсылки въ тюремный замокъ. Съ Набатовой мы никогда не были знакомы, и я лишь случайно запомнилъ ея милое, именно милое и доброе лицо, присутствуя на судѣ во время

процесса, запомнилъ потому что ея внѣшность рѣшительно не соотвѣтствовала тяготѣвшему надъ ней обвиненію и что ея участь и поведеніе на судѣ внушали всѣмъ глубокую жалость, а осужденіе ея поразило всѣхъ знавшихъ бѣдную, но вполнѣ приличную семью Набатовыхъ и помнившихъ хохотушку Оленьку еще въ гимназическомъ платьѣ. Случайно я узналъ тайну этой несчастной, ибо на одномъ вечерѣ имѣлъ непріятность познакомиться съ долговязымъ, хлыщеватымъ юнцемъ, Боренькой Огнивцевымъ, героемъ ея романа, отцомъ погибшаго ребенка и главнымъ виновникомъ совершеннаго ею преступленія, стяжавшимъ себѣ нѣкоторую извѣстность своей дѣйствительно феноменальной ограниченностью и безграмотностью, несмотря на университетское образованіе, и въ то же время умѣніемъ ладить съ людьми и ловко дѣлать свою карьеру въ вѣдомствѣ чернильныхъ дѣлъ, гдѣ онъ съ успѣхомъ подвизается и до сихъ поръ. Къ моему удивленію, дѣло Набатовой ему нисколько не повредило, хотя онъ имѣлъ болѣе чѣмъ достаточно основаній трепетать за свою участь. Была ли тутъ вина на сторонѣ присяжныхъ засѣдателей и недостаточно проницательнаго защитника, или сама подсудимая рѣшила пощадить любимаго человѣка и снести свою горькую обиду безропотно до конца, передавъ свою участь на судъ Божій, но только имя Бореньки Огнивцова ни разу не было произнесено во время судебнаго процесса, а несчастная Ольга Набатова признана виновной въ дѣтоубійствѣ не предумышленномъ, подъ вліяніемъ стыда и страха, была приговорена въ ссылку на

поселеніе въ мѣстахъ отдаленныхъ. Я съ невыразимой скорбью смотрѣлъ на ея измученное лицо, казалось, носившемъ отпечатокъ всѣхъ ужасовъ ссылки, долго не рѣшаясь заговорить, чтобы не напомнить ей о прошломъ ни однимъ неосторожнымъ словомъ.

— Чѣмъ я могу вамъ помочь? пробормоталъ я наконецъ растерянно, чтобы только какъ-нибудь прервать тягостное молчаніе.

— Помочь?! Кто вы, я не знаю, заговорила она въ волненіи, захлебываясь отъ слезъ. Помочь мнѣ!? Ахъ, сдѣлайте, если можете, чтобы меня не наказывали за побѣгъ, чтобы меня только не били, ради Христа. И прикажите, дать мнѣ хоть кусокъ хлѣба, я два дня ничего не ѣла!

Какъ два дня? Я чувствовалъ, что задыхаюсь и краснѣю отъ жалости, негодованія и стыда, какъ послѣ пощечины. Я вновь пережилъ то невыразимое, неясное и вмѣстѣ съ тѣмъ непреодолимое чувство, волновавшее меня давнымъ давно еще въ очень юные годы, при воспоминаніи объ ужасахъ крѣпостнаго права, инквизиціи и варѳоломеевской ночи, когда вся кровь кипитъ и слезы выступаютъ на глазахъ. Съ яростью незабвеннаго рыцаря Донъ-Кихота я накинулся на оторопѣвшаго полицейскаго служителя:

— Что это значитъ?

— Гдѣ кормовыя деньги?

— Не могу знать, забормоталъ служитель. Кормовыя находятся у дежурнаго надзирателя г-на Маслова. Я никакихъ денегъ на покупку хлѣба не получалъ. Чѣмъ же я виноватъ... Помилуйте-съ.

— Позвать сюда дежурнаго надзирателя, прервалъ я его оправданія.

— Они теперь у господина Утробина... замялся служитель.

— Знать ничего не хочу. Ступай, скажи, что вновь прибывшій товарищъ прокурора требуетъ его благородіе немедленно по безотлагательному служебному дѣлу.

Вскорѣ явился г-нъ Масловъ и произошло весьма горячее объясненіе: оказалось, что кормовыя деньги были задержаны единственно лишь по забывчивости г. Маслова, страдавшаго, вообще, какъ я потомъ убѣдился, очень странными припадками разсѣянности и забывчивости, благодаря которымъ иногда исчезали цѣнныя вещи, отобранныя у похитителей, безслѣдно пропадали слѣдственныя дѣла и т. п. Я былъ такъ же непочтителенъ въ своихъ объясненіяхъ съ Масловымъ, какъ Сквозникъ-Дмухановскій съ Держимордой: я угрожалъ ввергнуть въ темницу всѣхъ взяточниковъ и корыстолюбцевъ города Утробска. Съ этого достопамятнаго вечера, увы! моя репутація въ дѣловыхъ и свѣтскихъ сферахъ города Утробска была окончательно подорвана. Вскорѣ я получилъ извѣстность, какъ одинъ изъ самыхъ безпокойныхъ и опасныхъ людей въ цѣлой области. Началась упорная, безпощадная борьба съ темными сплоченными силами, борьба, въ которой я безнадежно растратилъ свои силы и чуть не погибъ... Но, впрочемъ, я хотѣлъ здѣсь передать лишь свои воспоминанія о ссыльныхъ женщинахъ и о горькой судьбѣ ихъ на далекой чужбинѣ...

IV.

Женщины въ изгнаніи, что можетъ быть печальнѣе ихъ участи! Мнѣ было суждено видѣть непокрытое человѣческое горе, сталкиваться съ людьми, опустившимися до самыхъ низкихъ ступеней несчастія и зла, встрѣчать на пути и въ острогѣ цѣлыя толпы, чуть не арміи, осужденныхъ на каторгу преступниковъ, закованныхъ въ кандалы и почти потерявшихъ человѣческій обликъ, съ глазу на глазъ бесѣдовать съ настоящими героями человѣконенавистничества и зла, прославленными убійцами, поджигателями и разбойниками, отчеты о дѣлахъ которыхъ печатались во всѣхъ газетахъ. Я близко наблюдалъ силача Аннушкина, 24 лѣтъ, успѣвшаго уже звѣрски зарѣзать на большой сибирской дорогѣ десятки людей, осужденнаго въ безсрочную каторгу,—въ то время, какъ онъ, пойманный чуть не въ десятый разъ, метался, звеня цѣпями, по тѣсной камерѣ и дрожалъ отъ ужаса при мысли, что его предадутъ военному суду и повѣсятъ. Встрѣчалъ я и нѣкоего, осужденнаго на каторгу за истязаніе киргизовъ съ цѣлью вымогательства, полковника съ остзейской баронской фамиліей, который и въ тюрьмѣ находилъ своеобразное утѣшеніе въ томъ, что за умѣренную плату нанялъ въ прислужники къ себѣ жалкаго арестанта и съ важностью хлебалъ изъ грязной миски жидкія арестантскія щи въ то время, какъ его мнимый лакей стоялъ позади, вытянувъ руки по швамъ. Приходилось мнѣ читать невыразимо печальныя, трогательныя, воз-

мутительныя, а подчасъ и уморительныя письма заключенныхъ. Одинъ изъ нихъ, въ самыхъ беззаботныхъ и непринужденныхъ выраженіяхъ, сообщалъ своему другу, какъ онъ во время ссоры въ кабакѣ зарѣзалъ своего собутыльника и въ заключеніе, посылая поклонъ всѣмъ роднымъ и знакомымъ, заявлялъ, что „живетъ онъ, слава Богу, хорошо, только въ каторгу попалъ“. Надежда вырваться когда-нибудь на волю и пожить еще въ свое удовольствіе такъ и сквозила въ каждомъ словѣ его письма и съ наступленіемъ весны эта надежда, дѣйствительно, осуществилась. Другой высокообразованный каторжникъ, осужденный за изнасилованіе ребенка, сообщая пріятелю, что онъ нашелъ уроки и письменныя занятія у начальника тюрьмы, просилъ выслать ему для услажденія невольныхъ досуговъ Шекспира и Гомера. Мнѣ пришлось перечитать сотни подобныхъ писемъ, но никогда ни одно изъ нихъ не произвело на меня такого неизгладимаго впечатлѣнія, какъ письмо простой деревенской бабы, сосланной въ каторжныя работы за убійство изверга и мучителя мужа, въ которомъ эта несчастная просила свою престарѣлую мать какъ-нибудь раздобыть и прислать ей фотографическіе снимки съ ея дѣтокъ, оставшихся тамъ далеко на родинѣ. Каждое слово этого простого письма, какъ ударъ молота, отражалось на моемъ сердцѣ, и я не могъ удержаться отъ слезъ. Но эта женщина была все-таки осуждена за совершенное ею преступленіе, а такихъ въ Сибири вы встрѣтите сравнительно мало. Женскія отдѣленія сибирскихъ тюремъ переполнены лишь во время

прохода такъ называемыхъ „семейныхъ партій"— женами и дѣтьми, добровольно слѣдующими за осужденными въ каторжныя работы мужьями и отцами семействъ и несущими наказаніе за чужія преступленія, отчасти въ силу всеобщаго закона любви и безсознательной взаимной поруки, отчасти потому, что женамъ и дѣтямъ отверженныхъ и осужденныхъ преступниковъ въ сущности негдѣ преклонить голову. Наказаніе за преступленіе главной своей тяжестью падаетъ не на голову прямого ихъ виновника. а на ни въ чемъ неповинныхъ женъ и дѣтей преступниковъ, этихъ безвинно виноватыхъ страдальцевъ и безотвѣтныхъ мученицъ.

Каторга для преступника, въ сущности, не такъ страшна, въ сравненіи съ мученіями, выпадающими на долю жены какого нибудь поджигателя и убійцы, покорно и безотчетно слѣдующей за своимъ осужденнымъ мужемъ въ невѣдомый край и безропотно несущей за тысячи верстъ свой тяжкій крестъ. Страдать за чужую вину, быть рабой каторжника-раба, сносить отъ него побои, жить съ дѣтьми среди невыразимыхъ ужасовъ и грязи сибирскихъ тюремъ и этаповъ, подвергаться на каждомъ шагу соблазну и насиліямъ, а по прибытіи на каторгу быть выброшенной съ дѣтьми на безработицу, стужу и голодъ и питаться лишь жалкими крохами отъ казеннаго пайка, выдаваемаго мужу-каторжнику, это такое горе-злосчастіе, такое тяжкое испытаніе, выносить которое способна лишь простая русская баба съ неистощимымъ запасомъ долготерпѣнія, всепрощенія и любви въ душѣ.

Однажды, въ страшно морозное утро, за полчаса до отправки семейной партіи, во дворѣ утробинской тюрьмы, среди звона цѣпей и галдѣнія выстраивавшихся въ шеренги толпы каторжниковъ, я вдругъ съ удивленіемъ услышалъ звонкій дѣтскій смѣхъ. Хохоталъ мальчикъ лѣтъ семи, протягивая рученки къ матери—кряжистой и неуклюжей бабѣ, съ добродушнымъ круглымъ лицомъ, прятавшейся отъ него за спины варнаковъ-убійцъ, съ сумрачными блѣдными лицами. Мальчикъ захлебывался отъ смѣха, а на глазахъ у него еще сверкали слезы послѣ только что испытанной, скоропроходящей дѣтской обиды. Признаться, я залюбовался этой сценой, столько въ ней было глубокой всепроникающей красоты.

— Обратите вниманіе, г-нъ прокуроръ, подошла ко мнѣ, вся блѣдная отъ негодованія, ссыльная особой категоріи, вѣдь это ужасно; несчастная смѣется, забавляетъ своего сынишку, а того не можетъ понять, что она обречена на смерть, а ея ребенокъ на сиротство. Неужели, здѣсь не вѣдаютъ, что творятъ, посылая беременную женщину на вѣрную смерть.

— Какъ такъ? недоумѣвалъ я, напрягая свое недреманное прокурорское око. Конечно, при взглядѣ на фигуру несчастной женщины мнѣ стало ясно, что ее не слѣдовало отправлять съ партіей, но что же дѣлать?

— Да очень просто, волновалась ея заступница, неужели еще не понятно. До Читы она ни въ какомъ случаѣ не дойдетъ: осталось отсюда болѣе двадцати переходовъ, то есть слишкомъ двадцать сутокъ, а она на этой недѣлѣ должна родить.

Я вѣдь сама акушерка, и иду съ нею изъ Тюмени. Я удивляюсь, какъ она до сихъ поръ еще жива...

— Да что же ея мужъ молчитъ?

— Посмотрите на него: вѣдь это совсѣмъ безотвѣтный мужиченко, да, кажется, еще жертва судебной ошибки. Совсѣмъ убитъ судьбой. Она тоже безотвѣтная. Но я вамъ ручаюсь, что она и пяти дней пути не выдержитъ. Если она родитъ на дорогѣ при сорока-градусномъ морозѣ, неужели вы думаете, изъ за нея партію остановятъ, будутъ съ нею няньчиться. Да ее насильно поволокутъ, конвойные прикладами затолкаютъ; а родитъ она на этапѣ, все равно среди этапнаго угара, холода, грязи, при отсутствіи какой бы то ни было помощи и надзора и при необходимости на другое утро продолжать путь съ партіей, ей не сдобровать.

— Я понялъ наконецъ: какъ все это просто и вмѣстѣ съ тѣмъ ужасно! Никто не подумалъ о томъ, что нельзя давить человѣка какъ ничтожную букашку, не замѣчая даже этого.

— Эту беременную женщину нельзя отправлять сегодня съ партіей, обратился я къ начальнику тюрьмы. Вы справлялись у доктора и тюремной акушерки можно ли ее отправить въ такомъ положеніи?

— Какъ не справляться!

— И что же?

— До родовъ, дѣйствительно, осталось не болѣе недѣли, понизилъ голосъ начальникъ тюрьмы, а все-таки задерживать изъ за такихъ пустяковъ

всю семью, право-же, неловко: вѣдь цѣлый мѣсяцъ придется съ ними няньчиться. Подумайте, сколько безпокойства доктору и тюремной акушеркѣ. А Марія Ивановна теперь занята, вотъ Иванъ Ивановичъ и просилъ ее не безпокоить безъ особой надобности.

— Пусть Иванъ Ивановичъ вмѣстѣ съ Маріей Ивановной вонъ убираются, если ихъ нельзя безпокоить, не выдержалъ я. Передайте, пожалуста, доктору, что я постараюсь, чтобы его прогнали, если онъ не явится немедленно для исполненія своихъ обязанностей.

Въ сущности, утробинскій врачъ Иванъ Ивановичъ Ивановъ, долговязый верзила, съ черной бородой чуть не до пояса, съ длинными подвижными и цѣпкими руками, съ добродушнѣйшимъ лицомъ и нѣсколько нахальными манерами, былъ, что называется, *„добрый малый"* и *„душа человѣкъ"*, почему и пользовался всеобщими симпатіями въ городѣ Утробскѣ. Никому, конечно, и въ голову не приходило, что на совѣсти у этого добраго малаго, быть можетъ, больше загубленныхъ жизней, чѣмъ у любого каторжника. Вѣдь у насъ уже такъ заведено, что величайшія гадости и совершаются этими милѣйшими весельчаками, какъ то невзначай, единственно благодаря ихъ полной безхарактерности. Ивана Ивановича за его покладливость всѣ любили за исключеніемъ развѣ арестантовъ, ненавидѣвшихъ доктора за то, что онъ, по возможности, урѣзывалъ число подводъ для перевозки слабосильныхъ и больныхъ, въ угоду поставщику подводъ, имѣвшему съ нимъ какіе-то таинствен-

ные счеты, сбавлялъ при случаѣ порціи и, когда требовалось медицинское засвидѣтельствованіе для рѣшенія вопроса можетъ ли бѣглый каторжникъ или ссыльный вынести наказаніе плетьми безъ вреда для здоровья, то Иванъ Ивановичъ, не утруждая своихъ мыслительныхъ способностей, неизмѣнно, съ легкимъ сердцемъ, какъ и подобаетъ доброму малому, отвѣчалъ на этотъ вопросъ утвердительно. И теперь Иванъ Ивановичъ, прибывшій по моему требованію за нѣсколько минутъ до отхода партіи, никакъ не могъ понять, почему нельзя отправить больную бабу съ партіей каторжниковъ чуть ли не на вѣрную смерть, но сейчасъ же согласился въ угоду мнѣ отмѣнить свое распоряженіе.

А когда несчастная, помилованная имъ, мать, прижавъ своего ребенка, заплакала и стала благодарить доктора, то онъ былъ даже изумленъ и растроганъ.

V.

Но въ странѣ Макара жизнь человѣческая ничего не стоитъ, и очень часто ссыльныя женщины не выносятъ трудностей пути и умираютъ на этапахъ или въ тюремныхъ больницахъ, оставляя, на произволъ судьбы, крошечныхъ дѣтей. Участь ихъ печальна свыше всякой мѣры. Однажды, во время дневки семейной партіи, заглянувъ въ камеру пересыльныхъ арестантовъ, я былъ очень удивленъ: среди убійцъ, бродягъ и поджигателей, давнимъ давно потерявшихъ всякій человѣческій образъ, оказалась дѣвочка лѣтъ 12, прямо поразительной

красоты, съ блѣднымъ не по дѣтски вдумчивымъ лицомъ и съ пытливыми свѣтлыми глазами, цвѣта васильковъ. Я пришелъ въ ужасъ, когда узналъ, что, со времени смерти матери, на дневкахъ въ большихъ тюрьмахъ, гдѣ разъединяютъ мужчинъ и женщинъ, несчастный ребенокъ не разъ уже оставался съ отцемъ-убійцей въ общей мужской камерѣ. Чего только она не наслушалась и не насмотрѣлась въ ужасномъ обществѣ этихъ людей не только преступныхъ, но и одержимыхъ очень часто гнуснѣйшими пороками. Замѣтивъ, что я разспрашиваю о ней, встревоженная дѣвочка крѣпко прижалась къ отцу и обвила его шею руками. Напрасно я убѣждалъ ихъ, что нельзя дѣвочкѣ оставаться на цѣлыя сутки въ мужской арестантской камерѣ, что ее необходимо хоть во время дневокъ помѣщать на женской половинѣ, отецъ упрямо стоялъ на своемъ, что лучше его, отца, никто не сумѣетъ сберечь его единственнаго ребенка, что, пока Маша съ нимъ, никто не посмѣетъ ее тронуть, что онъ готовъ изъ за нея всякому горло „перервать“ и даже на начальство не посмотритъ, если вздумаютъ насильно разлучить его съ дочерью. Сочувствіе арестантовъ замѣтно было на сторонѣ отца, въ рядахъ ихъ раздался даже ропотъ, а испуганная Маша начала громко рыдать. Съ большимъ лишь трудомъ мнѣ удалось ее успокоить и при помощи надзирательницы и тюремной стражи перевести ее на ночь въ женское отдѣленіе тюрьмы. Сцена вышла настолько тяжелая, что я потомъ всю ночь не могъ глазъ сомкнуть, обдумывая, какъ выйти изъ ужаснаго положенія. Крики несчастной

Маши, ея искаженное отъ страха лицо, мольбы отца долго не давали мнѣ покоя. Но я такъ и не могъ, да и теперь, много лѣтъ спустя, не могу рѣшить вопроса, какъ спасти ни въ чемъ неповинныхъ дѣтей, погибающихъ не по своей винѣ въ далекой Сибири, какъ оградить ихъ отъ тлетворнаго вліянія каторги. Я съ болью въ сердцѣ сознавалъ, что 12 лѣтняя Маша, съ такимъ привлекательнымъ и милымъ лицомъ, идущая на каторгу за отцемъ, раньше или позже станетъ жертвой грубаго насилія со стороны какого-нибудь бродяги-каторжника, или тюремнаго надзирателя и окончательно погибнетъ среди ужасовъ и соблазновъ каторги, но въ то же время я долженъ былъ понять, что я не въ правѣ насильно разлучить ее съ отцемъ, хотя бы и убійцей и каторжникомъ, и что для спасенія такихъ несчастныхъ, какъ она, необходимо было бы измѣнить всю систему наказанія и ссылки. А на другое утро Маша ушла со своимъ преступнымъ отцемъ дальше и, надо было видѣть, какъ она обрадовалась при встрѣчѣ съ нимъ, какъ прижалась къ нему. И сердце мое болѣзненно сжалось при мысли, что для нея этотъ отверженный убійца—единственный любимый человѣкъ, неразрывно связанный съ нею на всю жизнь.

VI.

Встрѣчая и провожая семейныя партіи, при видѣ истомленныхъ женщинъ и больныхъ дѣтей, идущихъ за осужденными на каторгу, я невольно задавался вопросомъ: кому и зачѣмъ нужны эти жертвы?—и не находилъ отвѣта, а въ душѣ все

поднималось и росло чувство негодованія и жалости. Меня до глубины души возмущали и безсмысленная жестокость мучителей и безотвѣтная покорность жертвъ, и то,—что люди, казалось бы, несчастные свыше всякой мѣры, сами, съ какимъ то непостижимымъ ожесточеніемъ, растравляютъ свои раны и отягощаютъ свою участь; и всѣ мои усилія образумить ихъ, какъ нибудь помочь имъ, сплошь и рядомъ ни къ чему не приводятъ. Но вступивъ на этотъ путь, несмотря на всѣ терзанія и разочарованія, я чувствовалъ, что я не могу съ него сойти, что я не въ правѣ пропустить ни одной партіи, что я долженъ слѣдить за исправной выдачей арестантамъ положеннаго по закону платья и обуви, и внимательно выслушивать ихъ просьбы и жалобы. На моихъ глазахъ, зимой—въ громадномъ тюремномъ корридорѣ, а въ теплую погоду—на дворѣ, эти несчастные перемѣняли платье и бѣлье. Я видѣлъ ихъ изуродованныя отъ тренія кандаловъ ноги, слѣды отъ наказанія плетьми и застарѣлыя язвы, покрытыя слоемъ грязи. Грязь наполняла всю тюрьму, проникая въ видѣ тонкихъ ядовитыхъ испареній въ носъ, ротъ, глаза, какъ пыль на столбовой дорогѣ въ лѣтній знойный день. А вмѣстѣ съ этой грязью и людской скорбью сострадание широкой волной врывалось въ мое сердце, пока я не понялъ, какъ ничтожно мое личное горе въ сравненіи съ мученіями и бѣдствіями человѣческой толпы. И настало время, когда я точно прозрѣлъ и постигъ наконецъ все величіе безсмертной человѣческой души въ ея борьбѣ со зломъ.

Въ шесть съ половиною часовъ утра, какъ теперь

помню, я прибылъ въ тюремный замокъ, расположенный верстахъ въ двухъ отъ города Утробска. Семейная партія, уже снаряженная въ путь, выстраивалась, позвякивая цѣпями, на тюремномъ дворѣ. Стоялъ такой морозъ, что, казалось, даже всемогущее солнце въ этотъ день не посмѣетъ выглянуть изъ за густаго багроваго тумана, скрывшаго алую зарю, и представлялось непонятнымъ, какъ люди могутъ еще двигаться, не обращая никакого вниманія на 45 градусовъ холода. А переходъ до слѣдующаго этапа по направленію къ Нерчинску предстоялъ ни болѣе ни менѣе, какъ въ 35 верстъ. Всѣ были, не исключая и конвойныхъ, въ какомъ-то особенно угрюмомъ настроеніи и какъ будто еле двигались, а я досадовалъ на себя за то, что опоздалъ и въ такой особенно тяжелый день не досмотрѣлъ, какъ слѣдуетъ, за снабженіемъ арестантовъ въ путь-дорогу. На мой вопросъ: нѣтъ ли какихъ нибудь заявленій, никто не отзывался, и лишь въ заднихъ рядахъ раздался слабый пискъ груднаго ребенка и убаюкиванья матери. Ребенокъ былъ крошечный, но женщина съ блѣднымъ, какъ у мертвеца, лицемъ, одѣтая въ потертый рваный полушубокъ, державшая дитя на рукахъ, была до того истощена и слаба, что, казалось, вотъ вотъ она упадетъ подъ бременемъ своей ноши, а за ея юбку уцѣпилось еще двое ребятъ. Подойдя къ ней ближе, я замѣтилъ на платкѣ и на волосахъ слѣды запекшейся крови, просачивавшейся изъ ея уха.

— Вы больны?—обратился я къ ней съ вопросомъ.

Женщина лишь какъ то тревожно вздрогнула и ничего не отвѣтила.

— Да какъ же ей и быть-то здоровой. Въ чемъ только душа держится,—вмѣшалась стоявшая съ ней рядомъ баба, замѣтно возмущенная.—Вчера, на этапѣ, ее, сердечную, ни за что, ни про что мужъ чуть не прикончилъ. Должно быть въ ухѣ жила отъ побоевъ лопнула. Кровь то, кровь кинулась, бѣды! До сихъ поръ еще никакъ унять не можетъ.

— Ври, ври больше, такъ тебѣ и повѣрятъ, захрипѣлъ на нее подавленнымъ отъ злобы голосомъ виновникъ этой сцены, верзила въ полномъ нарядѣ каторжника, съ бубновымъ тузомъ на спинѣ, въ кандалахъ, съ большой всклокоченной бородой, съ блестящими глазами на выкатѣ,—настоящій и несомнѣнный типъ человѣка-звѣря.

— Онъ бьетъ тебя на этапахъ?—обратился я опять къ несчастной матери.

— Въ отвѣтъ женщина только съежилась, испуганно взглянувъ на мужа. Ея молчаніе было краснорѣчивѣе самыхъ жалкихъ словъ.

— Какъ звать тебя? за что идешь на каторгу?—обратился я къ ея мужа.

— Да самъ не знаю за что, вашъ вскородь, отвѣчалъ онъ хриплымъ голосомъ. Нашли, значитъ, покойника, а я тутъ не при чемъ. Все напраслина одна. А звать меня Безгодовымъ.

Я потребовалъ статейный списокъ Безгодова; тамъ значилось убійство съ корыстною цѣлью. Онъ былъ приговоренъ въ каторгу на двѣнадцать лѣтъ.

— А жену за что изводишь, Безгодовъ?—попытался я его усовѣстить. Не за то ли, что она съ

тобою въ каторгу на двѣнадцать лѣтъ идетъ? Тебѣ не жаль ея? За что она страдаетъ? ты только посмотри на нее, вѣдь краше въ гробъ кладутъ.

Въ рядахъ арестантовъ послышался сдержанный ропотъ. Было замѣтно, что поведеніе Безгодова возмущаетъ даже закоренѣлыхъ каторжниковъ, или, можетъ быть, роптали на меня за то, что я задерживаю отправленіе партіи.

Я взглянулъ на Безгодова и мнѣ стало жутко: лицо его, какъ онъ ни крѣпился, исказилось отъ злобы, и въ глазахъ его, неподвижныхъ глазахъ убійцы, заискрились зловѣщіе огоньки. Онъ украдкой взглянулъ на жену, и мнѣ сразу стало ясно, что на первомъ-же этапѣ, подальше отъ глазъ начальства, произойдетъ ужасная расправа, и несчастной Безгодовой раньше или позже не сдобровать. Что-бы спасти ее отъ мученій, чтобы спасти ея дѣтей, необходимо было сейчасъ же обуздать ея звѣря мужа, обуздать разъ навсегда. Но какъ обуздать? Что дѣлать?! Мнѣ предстояла, въ сущности, неразрѣшимая задача, а раздумывать и медлить было невозможно, такъ какъ малѣйшій признакъ слабости могъ быть истолкованъ Безгодовымъ чуть ли не въ смыслѣ полной безнаказанности насилія и произвола съ его стороны.

Но я рѣшился на отчаянную попытку.

— Такъ ты намѣренъ и дальше жену бить и въ гробъ вколачивать?! обратился я къ Безгодову.

Онъ промолчалъ, но весь насторожился, какъ дикій звѣрь, почуявшій охотника.

— Господинъ Вернъ, обратился я къ начальнику тюрьмы, тщедушному, юркому и злобному, какъ

хорекъ, человѣчку, неопредѣленнаго происхожденія и сомнительнаго прошлаго. Тутъ, кажется, безъ крайнихъ мѣръ обузданія не обойдетесь. У васъ на то есть власть: распорядитесь, если вамъ угодно.

— А...! ха, ха, ха, вотъ вы наконецъ и сами признали, господинъ прокуроръ, что съ этимъ народомъ нѣжничать не приходится и что безъ розогъ вы ничего съ ними не подѣлаете, замѣтилъ не безъ ехидства господинъ Вернъ, все еще дувшійся на меня за то, что я на дняхъ помѣшалъ ему наказать розгами нѣсколькихъ каторжниковъ за полчаса до отхода партіи, подъ предлогомъ,— что наказанные не вынесутъ перехода въ 35 верстъ. Безгодовъ, слышишь, продолжалъ ехидничать господинъ Вернъ, тебя необходимо обуздать, а кстати я тебя немножко и согрѣю на дорогу, чтобы ты меня не забылъ, по крайней мѣрѣ, до Нерчинска.

— Эй, возмите его!—обратился онъ къ тюремной стражѣ. Безгодова схватили и поволокли, а я дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ. Признаться, я не вѣрилъ въ цѣлительную силу розогъ даже при исключительныхъ обстоятельствахъ. Не розгами я надѣялся образумить Безгодова, а лишь хотѣлъ затронуть и пробудить его дремавшую совѣсть. Я ждалъ иной развязки. Неужто я ошибся, подумалъ я съ ужасомъ и позорнѣйшее изъ наказаній станетъ неизбѣжнымъ.

Я взглянулъ на Безгодову: она точно остолбенѣла отъ ужаса, но вдругъ опомнилась и съ рыданіями бросилась умолять, чтобы пощадили ея мужа, а глядя на нее, заплакали и дѣти.

— Батюшки, родимые, вопила несчастная, пожалѣйте вы его, ради Христа помилуйте, ослобоните. И безъ того горько ему.

Я этого и ждалъ, я не ошибся въ своихъ расчетахъ на всепрощеніе и доброту измученной несчастной женщины.

— Ну, Безгодовъ, тебя на этотъ разъ спасла отъ наказанія твоя жена, обратился я къ нему. Неужто и послѣ этого ты ее не пожалѣешь и не поймешь своей вины? Помни, что тогда тебѣ не сдобровать. Эй, ребята, обратился я къ конвойнымъ, если онъ станетъ обижать свою жену, такъ бейте его прямо по головѣ прикладами, какъ звѣря.

Безгодовъ, блѣдный и дрожащій, что то прохрипѣлъ въ отвѣтъ: отъ волненія онъ былъ не въ силахъ говорить. Подѣйствовалъ-ли на него этотъ урокъ? Не знаю.

Нѣсколько минутъ спустя партія тронулась въ дальнѣйшій путь, а съ нею навсегда ушла и несчастная Безгодова.

Что сталось съ нею? Жива ли она, или нашла, наконецъ, успокоеніе въ холодной и сырой могилѣ, все равно: я вспоминаю о ней, какъ объ умершей, и кажется мнѣ, какъ будто бы я даже присутствовалъ на ея похоронахъ, ибо она на моихъ глазахъ отдала всю свою горькую жизнь безъ остатка преступному отцу своихъ дѣтей, а ссылка была для нея лишь долгой, невыразимо-мучительной агоніей.

И цѣлая вереница такихъ же безотвѣтныхъ жертвъ за чужіе грѣхи и преступленія проносится въ моемъ воображеніи. Печальныя тѣни усопшихъ

и схороненныхъ въ странѣ изгнанія, подобно грознымъ призракамъ, преслѣдуютъ меня.

И я навсегда въ глубинѣ сердца сохраню память о нихъ, за то, что среди невыразимыхъ ужасовъ каторги я, наконецъ, постигъ, благодаря лишь имъ, всю несокрушимую силу любви и извѣдалъ горькую радость состраданья.

—※—

ПАДШІЕ АНГЕЛЫ.

(*Изъ воспоминаній Неволина*).

Гамлетъ: Данія—тюрьма.
Розенкранцъ: Тогда и весь міръ тюрьма.
Гамлетъ: И превосходная! съ разными отдѣленіями, участками и трущобами. Данія—одна изъ худшихъ.

Гамлетъ, трагедія В. Шекспира. Актъ II.

На далекомъ сѣверѣ, среди угрюмыхъ хвойныхъ лѣсовъ и мертвыхъ унылыхъ болотъ, гдѣ даже грибы не растутъ, выросъ вдругъ цѣлый городъ... По настоящему, городу тамъ рѣшительно нечѣмъ жить: промышленности и торговли никакой; и точно: странный городъ не живетъ, а прозябаетъ; прокисъ онъ, обрюзгъ, словно старый грибъ, изъѣденный червями, а всетаки прозябаетъ, безпощадно засасывая жизнь несчастныхъ обывателей, заброшенныхъ туда случаемъ или преступленіемъ. Это своего рода загробный міръ, населенный по большей части людьми, уже умершими гражданской смертью, или потомками живыхъ мертвецовъ. Труденъ и тернистъ путь, ведущій въ этотъ міръ,

а возвратъ назадъ еще труднѣе, особенно для человѣка, избалованнаго цивилизаціей и привыкшаго къ удобнымъ желѣзнодорожнымъ сообщеніямъ. Словомъ, до удивительнаго города Хавронска очень далеко, гораздо дальше, чѣмъ отъ земли фараоновъ до страны обѣтованной. Когда я поѣхалъ туда, солнце еще ярко сіяло на блѣдноголубомъ небѣ, воробьи задорно чирикали, какъ самые неугомонные фельетонисты, и розы цвѣли. Когда же я прибылъ въ мѣста самыя отдаленныя,—стояла суровая сибирская зима; въ снѣговой пустынѣ было тихо и глухо, какъ въ самой благоустроенной тюрьмѣ.

Я не буду разсказывать, какъ я ѣхалъ туда, какъ я мчался на перекладныхъ и днемъ, и ночью, въ стужу и слякоть, черезъ болота, лѣса, горы и овраги; какъ черезъ Барабинскую степь меня везли по мерзлымъ кочкамъ въ саняхъ, потому что колеса почтовыхъ тарантасовъ разбивались; какъ черезъ Обь я перебрался въ досчаникѣ во время сплошнаго ледохода, а черезъ Енисей пѣшкомъ по свѣжему, еще хрупкому льду, ведя подъ устцы выпряженныхъ лошадей, въ то время какъ ямщикъ перекатывалъ сани руками.

Втеченіе многихъ недѣль, неугомонно звенѣлъ почтовый колокольчикъ, раздавались щелканье бича и крики: „трогай! пошелъ! э-эхъ“! Прибывъ, наконецъ, въ Хавронскъ, я почувствовалъ такую страшную усталость, что рѣшилъ остановиться на нѣсколько часовъ, отдохнуть по пути, развлечься отъ гнетущихъ путевыхъ впечатлѣній. Я вышелъ на улицу около полудня. День выдался теплый,

мягкій, по здѣшнему даже удивительный: съ крышъ капало. Я пришелъ въ самое благодушное настроеніе и пытался было вступить въ разговоръ съ первымъ попавшимся мнѣ навстрѣчу, обывателемъ.

— Скажите, почтеннѣйшій, какъ называется эта улица?—началъ я.

— Улица.

— Вижу, что улица, да какъ она называется?

— Улица—улицей и называется, чаво еще?—отвѣчалъ онъ, причемъ на лицѣ обывателя, спокойномъ, какъ изваяніе, выразилось вдругъ нѣкоторое недоумѣніе и даже неудовольствіе.

Разговоръ оборвался. Я наудачу побрелъ по невѣдомой улицѣ, обладавшей удивительнымъ свойствомъ вдругъ исчезать, такъ что я по неволѣ останавливался среди обширнаго пустыря, въ недоумѣніи вопрошая: гдѣ же улица? Ничего похожаго на городъ, въ европейскомъ смыслѣ, не было. Виднѣлись лишь группы въ безпорядкѣ разбросанныхъ домиковъ; кругомъ пусто, тихо, глухо; прохожихъ почти не видно; жизнь какъ будто куда-то спряталась. Мнѣ пришла на мысль исторія многихъ подобныхъ городовъ.

Вотъ выстроили, для благоустройства, острогъ въ глухомъ селѣ, соорудили нѣсколько казенныхъ желтыхъ домовъ да полосатыхъ будочекъ; пустили, какъ водится, инвалидную команду и нѣсколько штукъ секретарей да регистраторовъ,—и городъ готовъ. Вскорѣ объявились кулаки, налетѣли цѣловальники съ водкою — народъ спаивать, возникли лавочки и кабаки. Понемногу начали обстраиваться. Секретари соорудили себѣ весьма

недурные домики; кулаки устроились еще лучше; глядя на нихъ, и регистааторы обрѣли тихій пріютъ. Все это начало плодиться и множиться, и городъ въ нѣкоторомъ родѣ даже процвѣлъ, Хавронскъ не являлся блестящимъ исключеніемъ въ этомъ случаѣ; онъ въ большей даже степени, чѣмъ другіе города, носилъ на себѣ печать „надлежащаго усмотрѣнія", вслѣдствіе своего положенія вдали отъ большаго торговаго пути. Впрочемъ, въ Сибири есть даже такой городъ, гдѣ почта получается раза два въ годъ, а газета выписывается всего одна. Получающій газету священникъ складываетъ ее по нумерамъ и акуратно читаетъ, въ соотвѣтствующія числа, только годомъ позже, каждый день по нумеру.

Хавронскъ, надо полагать, тоже не особенно много выписывалъ книгъ и газетъ, не интересовался міровыми событіями и, забытый, заброшенный, прозябалъ только потому, что надо же какъ нибудь жить. Впрочемъ, на первый взглядъ, онъ не казался особенно жалкимъ и хворымъ... Не было въ немъ избушекъ на курьихъ ножкахъ, какимъ-то чудомъ сохраняющихся въ теченіе многихъ годовъ. Постройки были по большей части основательныя, крѣпкія, но убожество все-таки сказывалось: въ нѣкоторыхъ домахъ окна были составлены изъ мелкихъ потускнѣвшихъ стеклышекъ а кое-гдѣ даже задѣланы пластинками слюды и пузыремъ. Растительности почти никакой: нѣсколько чахлыхъ деревьевъ на весь городъ. Но я напрасно искалъ выдающихся характерныхъ чертъ, которыми Хавронскъ отличался бы отъ другихъ

захудалыхъ городовъ,—хотя день былъ ярмарочный, и мѣстная жизнь должна была проявляться особенно ярко. Ближе къ базарной площади, изрѣдка стали мнѣ попадаться навстрѣчу въ высшей степени своеобразные люди,—такъ и видно было, что вышли они изъ глухихъ сибирскихъ дебрей; но городъ, самъ по себѣ, не представлялъ ничего исключительнаго. Такія же неправильныя улицы съ неказистыми домами, сплошь деревянными; острогъ, окруженный чрезвычайно высокимъ частоколомъ; нѣсколько казенныхъ желтыхъ домовъ, въ которыхъ возсѣдаютъ мѣстныя власти. На заборахъ, какъ водится, на самыхъ видныхъ мѣстахъ были начертаны замысловатыя изрѣченія нецензурнаго свойства и краткія, но вразумительныя эпиграммы на именитыхъ представителей Хавронска, что краснорѣчиво свидѣтельствовало о существованіи и въ отдаленныхъ мѣстахъ чего-то въ родѣ первобытной оппозиціонной прессы и указывало на преуспѣяніе народнаго просвѣщенія. Я даже пустился въ нѣкоторыя утѣшительныя соображенія по этому поводу, какъ вдругъ меня кто-то окликнулъ:

— Извините, что обезпокоилъ, не имѣя удовольствія знать васъ лично, да представить жаль некому... Впрочемъ, чертъ возьми, все равно. Я васъ прошу на пару словъ, только на пару словъ.

Я оглянулся: шагахъ въ 20 отъ меня, на грудѣ бревенъ, согнувшись, сидѣлъ какой-то странный человѣкъ въ безобразной мѣховой шапкѣ и въ дахѣ, изорванной до такой степени, что кое-гдѣ просвѣчивало побагровѣвшее отъ холода тѣло.

„Неужели этотъ оборвышъ изъясняется такимъ языкомъ",—съ удивленіемъ подумалъ я. Въ эту минуту, на улицѣ никого не было. Я еще разъ пристально вглядѣлся въ него. Онъ скорчилъ ротъ въ какую-то странную болѣзненную усмѣшку, всталъ и не твердыми шагами подошелъ ко мнѣ:

— Позвольте представиться: падшій ангелъ, угасшая звѣзда столичной адвокатуры, бонвиванъ и брехунецъ Аполлоновъ. Смѣю думать, вы слышали мою фамилію?

Какъ не слышать!.. Я невольно отшатнулся отъ падшаго ангела, поразившаго меня своеобразнымъ букетомъ сивухи. Мнѣ вспомнились его темныя дѣла. Обобралъ онъ, между прочимъ, и по міру пустилъ, путемъ ловкихъ кляузъ, одну честную, знакомую мнѣ, семью. Но, наконецъ, попался — и послѣ громкаго скандальнаго процесса, взволновавшаго на нѣсколько дней наше сонное общественное мнѣніе, ушелъ въ „мѣста отдаленныя".

— Ага!—воскликнулъ онъ злорадно,—вы меня таки признали! Ну, еще бы! Вѣдь я въ свое время тысячъ сто проживалъ въ годъ. Всѣ просто задыхались отъ зависти. Разъѣзжалъ, знаете, на резиновыхъ шинахъ, давилъ народъ. Танцовщицъ содержалъ, „да не одну—двухъ разомъ". Впрочемъ, я не объ этомъ... Коротко и ясно: дайте мнѣ рубль на водку.

Онъ просто поразилъ меня своею внѣшностью; на ней отразились—страданіе, униженіе, порокъ, злоба въ странномъ какомъ-то, болѣзненномъ сочетаніи. Передо мной былъ одинъ изъ ужасовъ

дня, и я съ трусостью человѣка, уже напуганнаго жизнью, попытался, было, закрыть глаза, пройти мимо, отвернуться отъ тяжелаго впечатлѣнія.

— Вы напрасно ко мнѣ обратились: помочь я вамъ не могу, и не дамъ ни гроша.

— Послушайте, — схватилъ онъ меня тревожно за рукавъ, — послушайте! Я не то вовсе сказалъ. Эхъ, вы не поняли! Я вижу, вы изъ Петербурга, непремѣнно изъ Петербурга; вы поймите, вы должны меня понять. Я погибаю и прямо вамъ говорю: дайте мнѣ хоть на минуту забыться. Не врите разной ерунды про свободу воли, а дайте мнѣ выпить. Это будетъ разумно и гуманно съ вашей стороны. Должны же вѣдь вы понять, что я тутъ не при чемъ. Все обстоятельства... Ахъ, Боже мой, никто не хочетъ вѣрить, что я—жертва идеи. Да знаете ли вы, къ чему я стремился? къ наживѣ? къ богатству? или къ страшной власти, которую богатство даетъ? да, именно только къ власти. Поймите, что деньги были для меня лишь средствомъ, чтобы всѣхъ поразить, покорить, прибрать къ рукамъ и двинуть впередъ. У меня была великая затаенная цѣль... Но больше объ этомъ ни слова. Я унесу свою идею въ могилу. Я даже присяжнымъ, меня судившимъ, не открылъ ея. Да развѣ эти тупые чиновники и мужики способны постигнуть что нибудь великое... А между тѣмъ, имѣя сто, двѣсти милліоновъ, я могъ бы всемірную исторію передѣлать... Но сорвалось! И я погибъ! я умираю, непонятый, въ изгнаніи, отъ тоски. И особенно сегодня. Мнѣ надо опохмѣлиться. Знаете, что это такое? Если знаете, то дадите рубль. Это ваша обязан-

ность. Я вправѣ требовать во имя идей братства и свободы. Слышите: я требую!

— Если вы требуете, то, конечно, я вамъ не дамъ, не могу вамъ дать, — повернулся я, чтобы идти.

— Нѣтъ, вы дадите, если у васъ есть хоть капля здраваго смысла въ башкѣ, — заторопился онъ ужасно. — Эй! кто вы? Но, чортъ, мнѣ все равно: чиновникъ, ученый, путешественникъ? По рожѣ видно—вы имущій. Дайте же мнѣ рубль. Вы, быть можетъ, жизнь свою спасете. Скажите, какъ васъ звать. Я запомню, я узнàю ваше лицо и спасу, быть можетъ, отъ разъяренной толпы...

Онъ совсѣмъ заврался, почти растерялся отъ опасенія, что я ему откажу въ подачкѣ. Страхъ, плохо скрытый подъ цинической улыбкой, ясно выразился на его лицѣ.

Меня, наконецъ, вывело изъ терпѣнія это наглое вранье. Мнѣ не хотѣлось вѣрить, чтобы человѣкъ съ какими-нибудь убѣжденіями, могъ пасть такъ низко. Въ эту минуту я забылъ, что передо мной—больной, безумный.

— Нѣтъ, это ужъ слишкомъ! — воскликнулъ я въ негодованіи.—Какая наглость вымогать подачку. Но вы ошиблись на мой счетъ...

Я вырвалъ руку и пошелъ.

— Послушай: только гривенникъ,—догналъ онъ меня.

— Отстань, не дамъ.

— Не дашь?!

— Нѣтъ.

Онъ загородилъ мнѣ дорогу и лицо его искази-

лось. Будь у него ножъ, быть можетъ, онъ пустилъ бы его въ ходъ. Онъ сжалъ кулаки и приблизился. Я ждалъ нападенія. Нѣсколько мгновеній мы простояли, глядя другъ на друга въ упоръ. Вдругъ его лицо передернулось, какъ будто онъ собирался заплакать; подбородокъ задрожалъ, руки опустились, и онъ молча, опустивъ голову, отошелъ въ сторону. Какъ я ни крѣпился, но сердце больно сжалось. Я понялъ, что отказать ему въ выпивкѣ— это почти тоже, что отнять кусокъ хлѣба у умирающаго съ голоду, да въ сущности онъ и умиралъ съ голоду, потому что даже при сильномъ желаніи трудно найти работу въ такомъ захолустьѣ.

— Вотъ возьмите,—сунулъ я ему нѣсколько серебряныхъ монетъ, попавшихся подъ руку, и поспѣшилъ уйти.

II.

Вскорѣ я очутился на обширной немощеной площади, запруженной санями и народомъ. Попалъ я на ярмарку; мѣстная жизнь, значитъ, сразу предстала передо мной во всей своей первобытной красѣ. Я испытывалъ непріятное ощущеніе, какъ будто попалъ на бойню или на поле битвы. На обширной площади были навалены груды мяса во всѣхъ его видахъ, а кровь и мясо имѣютъ свой особенный запахъ. Иные даже не замѣчаютъ этого запаха, но для меня въ немъ есть что-то противное, одуряющее. Мнѣ стало гадко отъ массы грязныхъ, забрызганныхъ кровью, слегка оттаявшихъ на солнцѣ, тушъ, окороковъ, потроховъ, языковъ,

битой птицы, вывороченныхъ внутренностей. Повидимому, на ярмаркѣ закупался годовой запасъ всякой провизіи не только для города, но и для окрестныхъ золотыхъ пріисковъ, куда предметы первой необходимости доставляются иногда за сотни верстъ.

Съ перваго же взгляда на ярмарочную площадь, мнѣ стало очевидно, что въ этой мѣстности жизнь не ушла дальше первобытныхъ потребностей. Почти весь товаръ былъ на нихъ разсчитанъ. Было немного пушнины, выдѣланныхъ кожъ, грубой деревянной и глиняной посуды, да жалкіе остатки отъ ирбитской ярмарки—разная московская, никуда не годная, гниль. Но суть состояла въ мясѣ: вокругъ него вертѣлась разнородная толпа: инородцы, съ ихъ типическими первобытными лицами, чиновники, прикащики съ золотыхъ пріисковъ, мѣщане и, наконецъ, выходцы каторги, которыхъ можно узнать по особенному забитому, злобному выраженію истощеннаго землистаго лица, выраженію, которое трудно описать,—до того оно болѣзненно. Передо мной промелькнуло и нѣсколько евреевъ, которые попали сюда также, вѣроятно, путемъ каторги. Около часу проходилъ я по базару, съ волненіемъ вглядываясь и вслушиваясь въ чуждую мнѣ, мрачную, суровую жизнь. Тутъ я понялъ, что̀ значилъ для „падшаго ангела“ гривенникъ, т. е. глотокъ водки. Здѣсь, подъ мрачнымъ небомъ далекаго сѣвера, гдѣ жизнь чахнетъ отъ стужи и насилія, живая душа гибнетъ съ отчаянія. Быть можетъ, и тутъ есть люди счастливые, но только по своему—животнымъ, первобыт-

нымъ счастьемъ. Здѣсь поражаетъ полное отсутствіе человѣческой радости, всего того, чѣмъ живъ человѣкъ. Въ этой пустынѣ глухо, душно и мрачно, какъ въ заколоченномъ гробу. На необитаемомъ островѣ лучше: тамъ приходится вести борьбу съ дикими звѣрьми, а здѣсь... Меня охватила тихая, страстная тоска, и какъ-то странно, именно теперь, вспомнилось одно мгновеніе въ моей скитальческой жизни. Это было ненастнымъ вечеромъ, давно. Я пробирался по грязнымъ улицамъ глухаго уѣзднаго города, за нѣсколько тысячъ верстъ отсюда. Дождь лилъ, какъ изъ ведра. Слышался однообразный шумъ падающей воды. Нѣсколько жалкихъ керосиновыхъ фонарей уныло мерцало во мракѣ, отражаясь въ уличныхъ лужахъ. Всѣ двери были уже заперты. Вслѣдствіе дурной погоды, улицы совершенно опустѣли. Я шелъ одиноко по глухому, словно вымершему, городу на почтовую станцію—нанимать лошадей. На душѣ стало вдругъ скверно, какъ вотъ и теперь. Мнѣ было грустно, но не за себя, нѣтъ,—тогда передъ мною мерцала еще надежда,—мнѣ было грустно за этотъ городъ, погрязшій въ скукѣ и мракѣ, за сотни подобныхъ городовъ. И вотъ тогда, въ минуту душевной тревоги, на грязной улицѣ, подъ проливнымъ дождемъ, послышались звуки фортепьяно и тихая больная пѣсня. Она доносилась, точно изъ гроба, сквозь окно, закрытое ставнями. Оттого, быть можетъ, она и показалась мнѣ такой тихой и грустной. Я простоялъ у окна лишь нѣсколько минутъ и поспѣшно ушелъ, даже не зная, что уношу съ собой эти звуки и что они вспом-

нятся мнѣ много лѣтъ спустя... Но дѣйствительность пробудила меня сейчасъ же отъ пустыхъ мечтаній... Изъ сосѣдней улицы послышались отчаянные, хриплые вопли. Я оглянулся; въ толпѣ не было замѣтно волненія; люди не кинулись на крикъ.

— Что это?—спросилъ я у какого-то заскорузлаго подъячаго, въ отрепаномъ платьѣ, стоявшаго рядомъ со мною.

— Да ничего; вѣрно, дуютъ кого-нибудь за воровство,—отвѣчалъ онъ флегматически, съ видомъ спокойнаго и довольнаго наблюдателя.

— Вѣрно, опять какой-нибудь каторжный проворовался. То есть, что за народъ, и Боже упаси!—продолжалъ онъ, видимо обращаясь къ кружку своихъ знакомыхъ. Намедни сидимъ это мы какъ слѣдуетъ, по дружески, въ кабакѣ и пьемъ водку. Вдругъ входитъ этотъ варнакъ Аполлоновъ, повертѣлся, точно полуумный, и прямо эдакъ нахально ко мнѣ:—ты что жь, говоритъ, не потчуешь меня?—Убирайся, говорю, пока рожа не въ крови, да бока цѣлы. А онъ даже съ лица измѣнился и прямо на меня претъ; я думалъ—драться. Только онъ хвать полуштофъ съ водкой, да на улицу. Мы за нимъ, а онъ свернулъ въ переулокъ и не утерпѣлъ—лакаетъ водку. Осерчалъ я; только что съ женой разругался, а тутъ какъ разъ онъ подвернулся, окаянный.—Держите, братцы, говорю, а ужь я самъ съ нимъ раздѣлаюсь. Билъ я его, билъ,—и по скуламъ, и по бокамъ, просто руки обломалъ объ него, проклятаго; а онъ хоть бы что: сжалъ зубы, закрылъ глаза, поблѣднѣлъ и ни

слова, только вздрагиваетъ, какъ его хватишь. Въ анбицію, видно, вломился, купецкаго, вѣрно, роду или изъ чиновниковъ.

— Нѣтъ, коли у тебя анбиція,—вмѣшался одинъ изъ слушателей.—а попалъ къ намъ, такъ ужь не взыщи: у насъ по этой части строго. Мы не знаемъ—купецъ ты тамъ или чиновникъ, а у насъ ты всего—варнакъ, и ужь не замай, не балуй!

— Ну-съ, тутъ подошелъ, какъ разъ, нашъ, значитъ, надзиратель; далъ ему еще плюхи двѣ, и повели мы его въ управленіе,—продолжалъ разсказчикъ, а тамъ ужъ извѣстно: ссыльнаго вора по головкѣ не погладятъ. Идемъ мы, а я ему въ спину промежъ лопатокъ дую — иди, молъ, скорѣе, да что жъ ты задумываешься? И что жъ бы вы думали, братцы: стало мнѣ жаль выпустить его, проклятаго, такъ легко изъ рукъ, жалко разставаться, какъ бы съ роднымъ сыномъ! Хоть бы закричалъ, а то молчитъ—окаянный! Изловчился я, да какъ вдарю ему по шеѣ. Тутъ онъ упалъ, чуть не скатился съ лѣстницы, да поддержали. Поднялся—вся рожа въ крови. Закричалъ, заругался: „палачи вы, говоритъ. опричники! Вы привыкли къ побоямъ: не только брата роднаго, а сами себя, какъ унтеръ-офицерша, высѣчь готовы“!

— Про унтеръ-офицершу какую-то вспомнилъ, должно быть, была такая же баба дура?—замѣтилъ одинъ изъ слушателей, видимо заинтересованный.

— Должно быть,—подтвердилъ разсказчикъ.—Только онъ какъ вспомнилъ про эту самую унтеръ-офицершу, такъ даже себя сталъ ругать:—„дуракъ.

говоритъ, я: жилъ прежде, какъ въ раю, и палъ такъ низко, а нѣтъ у меня силы покончить съ собой. Неужто нѣтъ у меня ни чести, ни совѣсти, ни убѣжденій? Вѣдь я когда-то много всякихъ хорошихъ книгъ прочелъ и вѣрилъ искренно тому, что̀ въ нихъ написано. Куда же все это подѣвалось? Что я теперь? Боленъ, забитъ совсѣмъ, такъ добивайте же меня, плюйте на меня, вѣдь я варнакъ", говоритъ.—Сначала кричалъ и ругался, а какъ вспомнилъ про эти самыя книжки, вдругъ какъ заплачетъ, да тонкимъ такимъ плачемъ, словно вотъ ребенокъ. Нашло на него смягченіе. „Пропащій, говоритъ, я человѣкъ!" Сѣлъ на полъ, голову обхватилъ руками и плачетъ. Вчужѣ, и то какъ будто жалко стало. Да писецъ правленскій — большой шутникъ — насъ тутъ распотѣшилъ: „не троньте, говоритъ, его, онъ баринъ: иностранныя книжки читаетъ!" Мы разсмѣялись, а онъ все плачетъ, сидитъ на полу и ровно ничего не примѣчаетъ. Только въ это самое время входитъ Анатолій Ивановичъ:—Кто это, говоритъ, смѣетъ здѣсь шумѣть, такъ что даже у меня слышно, и нѣтъ мнѣ дома покоя?—Такъ и такъ, отвѣчаетъ писецъ: вотъ грабить вздумалъ почтенный господинъ Аполлоновъ.—Исправникъ осерчалъ, да какъ крикнетъ на него:—Не ревѣть здѣсь, каналья!—А тотъ прежде какъ бы не замѣтилъ, что вошелъ исправникъ, а теперь взглянулъ на него, замоталъ головой эдакъ укоризненно и хоть бы слово... не всталъ даже, совсѣмъ какъ полоумный. — Въ каталагу! — закричалъ исправникъ и затопалъ ногами. Просто удивительно: стоило ли такъ сердиться. Мало ли ихъ,

таких-то,—на всѣхъ не насердишься, заключилъ разсказчикъ.

III.

— Ну, теперь еще ничего, а вотъ при прежнемъ начальникѣ такъ настоящій разбойничій былъ городъ: какъ стемнѣло, просто хоть на улицѣ не показывайся,—замѣтилъ одинъ изъ слушателей.

— Это ужъ что и говорить: одно слово—молодчина Розовъ... скрутилъ! Распорядительный, это вѣрно, — отозвался заскорузлый подъячій объ исправникѣ, надо полагать, чтобы щегольнуть передъ слушателями своею фамильярностью съ нимъ.

— Розовъ, говорите вы? Анатолій Ивановичъ Розовъ? Да неужели онъ у васъ исправникомъ?!.— воскликнулъ я въ изумленіи.

— Какъ же, какъ же—лѣтъ шесть будетъ. А вы, значитъ, знакомы, что ли?

— Да, знаю, если только онъ. Ему теперь лѣтъ подъ сорокъ будетъ, росту небольшаго, бѣлокурый, глаза на выкатѣ?

— Вотъ, вотъ, — вѣрно, онъ самый. Хорошій исправникъ, одно слово; крутъ развѣ для купцовъ, и во хмѣлю дикъ, ну, да по нашему мѣсту безъ этого нельзя. А вы что же сродни ему?

— Нѣтъ—земляки; росли, учились вмѣстѣ.

— Тэкъ-съ, а хорошій начальникъ...

Я былъ просто пораженъ: Розовъ—исправникъ! Конечно, исправниковъ довольно, слава богу; попадаются между ними всякіе люди. Дѣло понятное: служить на пользу отечества прекрасно, служить надо, ну, и служатъ... Но я зналъ Розова: онъ не

могъ служить „какъ слѣдуетъ“ — очень ужъ непріятна ему была всякая служба, а тѣмъ болѣе полицейская. Что же его вынудило служить? Да еще такъ странно. Конечно, немногіе люди попадаютъ на свое мѣсто и сохраняютъ вполнѣ свой обликъ. Особенно послѣ освобожденія крестьянъ, когда прошла пора привилегированной лѣни, и надо было приниматься за настоящій подневольный трудъ, многіе, даже очень многіе, сплоховали. Видалъ я немало самыхъ удивительныхъ превращеній; однако, Розовъ, въ роли исправника, все-таки поразилъ меня. Онъ, онъ—краснорѣчивый ораторъ бурныхъ „студенческихъ сходокъ“, смѣлый мыслитель, общественный дѣятель чуть не съ пеленокъ! Ему сулили самую великую будущность, и вдругъ онъ снисходитъ до самаго скромнаго положенія, чтобы не сказать болѣе. И какъ все это скоро свершилось. Въ 70-хъ годахъ я помню Розова еще студентомъ. Онъ былъ на три курса старше меня. И, даромъ что студентъ, онъ стоялъ тогда во мнѣніи своихъ товарищей выше любаго профессора: очень ужъ забористый былъ парень. Всѣ тогдашнія „хорошія слова“ зналъ наперечетъ. Надо было видѣть, съ какою гордостью онъ относился къ тогдашнимъ передовымъ людямъ. Отзывался онъ о нихъ съ нѣкоторымъ пренебрежительнымъ почтеніемъ. Отдаю, дескать, должное великимъ мыслителямъ, но погодите, то ли еще будетъ, когда я воспарю. Впрочемъ, это пренебрежительное почтеніе было лишь скромностью съ его стороны. На самомъ дѣлѣ, онъ уже и тогда парилъ. Онъ сразу и блистательно разрѣшалъ самые запутанные обще-

ственные вопросы, надъ которыми люди напрасно мучились въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ. И, главное, все выходило у него удивительно популярно, ясно, какъ дважды два четыре. Всѣ несчастія людскія произошли, по его мнѣнію, отъ глупости и мистицизма. Стòитъ лишь стремиться къ своему „личному счастію“, къ удовлетворенію своихъ „реальныхъ потребностей“, и благополучіе человѣчества—въ шляпѣ. Все остальное—пустяки, надъ которыми и задумываться не стòитъ. Судьбу Россіи онъ тоже выяснилъ двумя-тремя словами, безпощадно осудилъ настоящее и предсказалъ будущее. А сколько міровыхъ вопросовъ онъ сдалъ въ архивъ! Другіе спорятъ, бывало, волнуются, а онъ только пробаситъ: „ерунда“, и вдругъ окажется, что и спорить больше не о чемъ. Правда, въ его тогдашнихъ умозрѣніяхъ было больше смѣлости, чѣмъ логики. Враждебные скептики и тогда замѣчали, что изъ такой, ужъ очень безразсудной, смѣлости ничего, кромѣ чепухи, не выйдетъ. Но никто не предполагалъ, что, воспаривъ такъ смѣло и высоко, Анатолій Ивановичъ достигнетъ лишь исправницкаго поста. Интересно, однако, какъ онъ себя чувствуетъ? Вспоминаетъ ли былое? Едва ли. Вотъ, говорятъ, — хорошій исправникъ, немного только тяжелъ для купцовъ, да безъ этого, дескать, нельзя. Неужели „цапаетъ“? Быть можетъ, привычная рука даже при этомъ не дрогнетъ, но все-таки червячокъ воспоминаній вѣрно шевелится въ сокровенной глубинѣ сознанія. Жизнь иногда очень зло шутитъ...

Любопытство мое было затронуто. Я рѣшилъ непремѣнно повидаться съ исправникомъ и, разспросивъ, гдѣ онъ живетъ, сейчасъ же къ нему направился. Мнѣ не пришлось долго искать,—его квартира и полицейское управленіе помѣщались въ единственномъ двухъэтажномъ каменномъ домѣ. Полусгнившая, полинявшая вывѣска указала мнѣ входъ. Я попалъ какъ разъ во-время, чтобы насладиться лицезрѣніемъ исправника во всемъ блескѣ его сана. Еще на лѣстницѣ я услышалъ его нѣсколько крикливый голосъ: очевидно, онъ былъ „при исполненіи служебныхъ обязанностей", и въ первой же комнатѣ я наткнулся на сцену.

— Ты что это выдумалъ, каналья? Къ митрополиту прошенія посылать? Опять за прежнее!—послышались мнѣ свирѣпые возгласы исправника.

Онъ до такой степени разгорячился, что не обратилъ на меня ни малѣйшаго вниманія. Я могъ спокойно наблюдать. Распекаемый молчалъ, являя изъ себя краснорѣчивое воплощеніе какого-то ужъ совсѣмъ болѣзненнаго ужаса. Его замѣчательно несуразная фигура какъ-то неестественно согнулась. На крайне своеобразномъ худощавомъ лицѣ застыла не то безсмысленная, не то восторженная улыбка, какая бываетъ только у очень нервныхъ и напуганныхъ людей. Чрезвычайно широкій ротъ его перекосился; полузакрытыя блѣдныя и тонкія губы чуть-чуть дрожали. Длинные рыжіе волосы, слипшіеся отъ пота и грязи, въ безпорядкѣ падали на высокій морщинистый лобъ. Небольшіе желто-сѣрые глаза съ безпокойствомъ слѣдили за движеніями исправника, а безпомощно опущенныя

руки слегка вздрагивали и приподнимались при его выкрикахъ, какъ будто несчастный хотѣлъ закрыть свое лицо отъ ударовъ.

- „Его высокопреосвященству, митрополиту, хранителю православія и заступнику, крестьянина новотроицкой волости, Петра Кузьмича Желтобобова, вопіющее прошеніе“, — насмѣшливо-злобно прочиталъ исправникъ заглавіе какой-то бумаги и ткнулъ ею въ носъ несчастному.—Ахъ ты, безмозглый! понимаешь ли ты самъ, что̀ тутъ написалъ? Станетъ митрополитъ читать твой безумный вздоръ! Ишь ты—порядкомъ двухъ словъ связать не умѣетъ, пишетъ какимъ-то тарабарскимъ языкомъ, а жаловаться тоже вздумалъ... на меня!!.. — прогремѣлъ исправникъ.

Молчаніе.

— Да понимаешь ли ты, что̀ это за священное лицо, и кого ты осмѣлился безпокоить? Да если бы даже тебѣ удалось переслать эту мерзкую бумажонку въ Петербургъ, — ея бы не стали тамъ читать: сейчасъ видно, что полоумный настрочилъ. Только вотъ срамъ мнѣ за тебя, -- что не досмотрѣлъ, не запретилъ писать. Хочешь, видно, чтобы за тебя какъ слѣдуетъ приняться? Тебѣ, вѣрно, мало, что тебя, пакостника, по приговору крестьянъ, за которыхъ ты ходатайствовать тоже вздумалъ, да писать безъ толку и счету вотъ такія же прошенія,—сослали въ Сибирь, какъ послѣдняго негодяя; мало, видно, что тебя за твою идіотскую пачкотню перевели подальше, вотъ сюда, подъ строгій надзоръ, — мало, мало тебѣ?!.. Хочешь, вѣрно, чтобы тебя въ кандалы по рукамъ и по

ногамъ заковали, въ желѣзную клѣтку посадили?!..

Молчаніе.

— Ну, говори же, будешь еще писать такія пакости?

Молчаніе.

— А, такъ ты еще молчишь, да еще усмѣхаешься! Вотъ я же съ тобой расправлюсь, заговоришь ты у меня,—загремѣлъ исправникъ.

Было ясно, что все его краснорѣчіе истощилось, что теперь должны послѣдовать тѣлодвиженія и междометія, и что окончательно оторопѣвшій Желтобобовъ не сумѣетъ даже слова вымолвить, чтобы смягчить разсвирѣпѣвшаго исправника. Мнѣ стало жаль, этого запуганнаго, несчастнаго...

— Здравствуйте, Анатолій Ивановичъ, — поспѣшилъ я прервать постыдную сцену.

Исправникъ остолбенѣлъ. Онъ не привыкъ, чтобы ему становились на дорогѣ. Я удержалъ его въ минуту сильнѣйшаго раздраженія.

— Что нужно тебѣ?—спросилъ онъ все еще довольно грубо; я былъ одѣтъ въ простую дорожную даху.

— Неужели не узнали земляка?

— Ахъ, Степанъ Ѳедоровичъ, пристально всмотрѣвшись, узналъ, наконецъ, исправникъ. — Вотъ случай! Ну, я радъ, очень радъ. Лѣтъ десять никого изъ прежнихъ товарищей не встрѣчалъ.

Онъ полѣзъ цѣловаться, причемъ меня такъ и обдало тонкимъ запахомъ гнили изъ его сочнаго рта. Онъ замѣтно опустился, обрюзгъ. Его прежде интеллигентное, нѣсколько злобное лицо, какъ будто покрылось слоемъ жира, отчего и приняло

болѣе добродушное, хотя все-таки плотоядное выраженіе. Довольно густая борода нѣсколько повылѣзла, какъ у скопца.

— Да вы какими судьбами сюда попали?—спросилъ онъ, наконецъ, нѣсколько оправившись отъ конфуза, какой я ему причинилъ своимъ появленіемъ въ минуту полнѣйшей разнузданности.

— Да очень просто: интересовался страною, хотѣлось куда-нибудь подальше уѣхать; вотъ и пріѣхалъ сюда при первомъ удобномъ случаѣ.

— Вы теперь изъ Петербурга?

— Да, изъ Петербурга.

— Одни?—замялся онъ.

— Конечно, безъ провожатыхъ,—пояснилъ я ему. Я понялъ его вопросъ.

— Что же, командировка или постоянная служба?—продолжалъ онъ допрашивать.

— Командировка. Я служу.

— Ну, вотъ и прекрасно; я тоже, какъ видите, служу,—скривилъ онъ ротъ въ какую-то двусмысленную, не то ироническую, не то конфузливую улыбку.—И тяжелая, неблагодарная, доложу вамъ, моя служба! Вотъ, напримѣръ, извольте побесѣдовать съ такимъ артистомъ,—указалъ онъ на Желтобобова, какъ будто оправдываясь въ своей недавней вспышкѣ,—да онъ вамъ въ десять минутъ испортитъ десять фунтовъ крови. Маньякъ, помѣшанъ на ябедахъ, пишетъ какую-то галиматью и воображаетъ черезъ галиматью обрѣсти какую-то правду. И ничѣмъ его не уймешь! Жрать нечего, а онъ вмѣсто хлѣба покупаетъ чернила и бумагу. Выучился какъ-то писать, нахватался мудреныхъ

словъ и пошелъ, и пошелъ... Главное — наглость какая. Всѣмъ министрамъ шлетъ прошенія. А я долженъ оправдываться, объяснять что̀ это за гусь. Вотъ полюбуйтесь, если интересно, на его послѣдній шедевръ,—подалъ мнѣ исправникъ четко исписанный кругомъ листъ бумаги. — И можете представить: не имѣлъ онъ возможности по почтѣ отправить въ Петербургъ,—теперь за нимъ надзоръ, такъ передалъ одному проѣзжающему для врученія по адресу. Хорошо еще, что тотъ понялъ, въ чемъ дѣло, и догадался мнѣ передать.

Я просмотрѣлъ шедевръ, какъ выразился исправникъ. Дѣйствительно, странное было это „вопіющее прошеніе". Желтобобовъ жаловался на исправника во имя высшей правды, не только за себя, но и за другихъ. Факты были довольно опредѣленно указаны и, очевидно, не выдуманы, но способъ выраженія, логическая связь въ словахъ... только совсѣмъ забитый и напуганный до сумашествія человѣкъ, могъ написать что-либо подобное! Трудно было даже понять, въ чемъ дѣло. Это былъ точно крикъ нѣмого, котораго безпощадно бьютъ и который не въ силахъ выразить своего горя словами.

— Ну что, ознакомились съ интереснымъ документомъ, все еще злился Анатолій Ивановичъ,— поняли вы тутъ хоть что-нибудь? Въ клѣтку вѣдь надо убрать подобнаго артиста, да спрятать подальше эту клѣтку, иначе онъ все-таки не дастъ минуты покоя, въ клѣткѣ станетъ орать благимъ матомъ. Вѣдь у него тоже своя „идея"... Какъ же! страдалецъ за идею, ха-ха-ха! Вы посмотрите, ка-

кую онъ страдальческую рожу скорчилъ. А эта улыбка, восторженная, безсмысленная, вѣдь она хоть кого взорветъ. Не хватитъ терпѣнія смотрѣть на эту харю!

Онъ даже сплюнулъ отъ негодованія. Очевидно, при всемъ своемъ ничтожествѣ, Желтобобовъ успѣлъ-таки нагадить полнокровному исправнику: даже нелѣпыя прошенія компрометировали его — надо было оправдываться. При одной мысли объ этомъ, толстякъ приходилъ въ ярость. Но мое присутствіе сдерживало его; онъ сдѣлалъ надъ собою усиліе и умолкъ. Этимъ сейчасъ же и воспользовался Желтобобовъ съ назойливостью истиннаго фанатика. Онъ смекнулъ, что при постороннемъ исправникъ не перейдетъ къ дѣйствіямъ.

— Воля ваша, а противъ закона идти нельзя,— заговорилъ онъ вдругъ къ моему величайшему удовольствію.—Всякій человѣкъ можетъ жаловаться. На то законъ царскій есть, ваше высокоблагородіе. Хоть убейте меня, а я управу долженъ найти. Я за міръ стоялъ какъ есть по правдѣ, а что меня безвинно сослали, да въ волостномъ правленіи приговоръ на меня составили, больше по угощенію кабачика и отъ угрозъ господина становаго пристава, это я долженъ объяснить... На то законъ есть, чтобы дѣло свое объяснить; истязать за это нельзя. Я буду жаловаться, ваше высокобрагородіе....

— Молчать! Пошелъ вонъ!—прервалъ его торопливую рѣчь побагровѣвшій исправникъ.

Полицейскій стражъ догадался, наконецъ, вытолкать непреклоннаго Желтобобова.

IV.

— Однако, чего мы здѣсь стоимъ? Адмиральскій часъ пробилъ, завтракать пора,—прервалъ молчаніе Анатолій Ивановичъ, замѣтивъ, наконецъ, устремленные на насъ взоры писцовъ изъ сосѣдней комнаты и желая загладить непріятное впечатлѣніе предъидущей сцены. Онъ все еще пыхтѣлъ. Не привыкъ онъ, видно, сдерживать порывы своего гнѣва.

— Эй, Никита!—крикнулъ онъ уже съ лѣстницы полицейскому,—ступай ты сейчасъ же на почту и перетащи вещи доктора сюда.

— Вы у меня, конечно, гость на нѣсколько дней?—обратился онъ ко мнѣ.

— Но я тороплюсь, хочу сегодня же ѣхать...

— Ничего, ничего... Ай да школьный товарищъ, другъ дѣтства,—чуть встрѣтились, уже объ отъѣздѣ думаетъ. Посмотримъ, какъ это вы у меня вырветесь такъ скоро. Ну, да что объ этомъ толковать. Завтракать пора.

При одной мысли о завтракѣ, грозный блюститель порядка превратился въ добраго, гостепріимнаго малаго. Есть же такіе счастливцы, для которыхъ самыя тяжелыя впечатлѣнія ни почемъ, все равно какъ съ гуся вода. Вѣдь какъ онъ злился за минуту передъ тѣмъ, сумасшедшаго даже не пощадилъ, а теперь вотъ позавтракаетъ съ аппетитомъ...

Онъ радушно ввелъ меня въ свое жилище. И какъ у него все уютно, весело... Рядъ свѣтлыхъ, просторныхъ комнатъ, устланныхъ разноцвѣтными

половиками и очень сносно меблированныхъ, говорилъ о жизни тихой, сытой, спокойной. Пахло въ этихъ комнатахъ, точно у старосвѣтскихъ помѣщиковъ, не то печенымъ хлѣбомъ, не то резедой, не то пареными вѣниками. Рѣдкій нынѣ запахъ!

— Даша,—позвалъ исправникъ,—я тебѣ петербургскаго гостя привелъ; возрадуйся и угости насъ поскорѣе хорошимъ завтракомъ.

Навстрѣчу намъ выплыла барыня самой очаровательной полноты. Я говорю: „выплыла" потому, что все въ ней, не исключая походки, было удивительно плавно, кругло и мягко. Въ плохо застегнутомъ ситцевомъ платьѣ, едва прикрывавшемъ ея роскошныя формы, она нѣсколько напоминала только что взбитую перину, изъ которой выглядывало сладострастно-томное личико, обрамленное черными растрепанными волосами. При словѣ „петербургскій гость", барыня, вѣроятно, въ видахъ хорошаго тона, выразила нѣкоторое замѣшательство и, слегка взвизгнувъ, поспѣшно удалилась, застегиваясь на ходу.

Вскорѣ появился подносъ. Исправникъ приступилъ къ дѣлу и, моментально проглотивъ нѣсколько рюмокъ очищенной, наполнилъ ротъ свой икрой.

Я отказался отъ водки.

— Что же такъ? У насъ безъ этого и жизнь не въ жизнь,—воскликнулъ онъ, замѣтно взыгравъ.

— Вотъ вино у васъ хорошее!—невольно удивился я, выпивъ рюмку, дѣйствительно, превосход-

наго вина,—здѣсь такое вино, вѣрно, большая рѣдкость?

— У насъ всякаго такого добра довольно, деликатесовъ этихъ разныхъ,—пояснилъ онъ,—везутъ это къ намъ со всѣхъ концовъ свѣта: изъ Европы, сухимъ путемъ да черезъ Ледовитый океанъ и Обь, изъ Америки, черезъ Великій океанъ и Амуръ. Все можно по утробной части достать и, знаете, даже не дорого—только вдвое-втрое противъ настоящей цѣны. Но я, сознаюсь, патріотъ своего отечества,—продолжалъ онъ, подкрѣпляя свое заявленіе новой рюмкой очищенной,—паче всего уважаю нашу мѣстную очищенную: хороша она, матушка, особенно въ сибирскіе морозы. У насъ здѣсь только она и хороша, какъ есть ничего больше не умѣютъ дѣлать. Мѣха даже посылаютъ для выдѣлки въ Москву да въ Казань: здѣшняя выдѣлка никуда не годится. Только вотъ развѣ барнаульскіе полушубки недурны, не хуже, пожалуй, настоящихъ романовскихъ, а больше что? Деготь даже плоховатъ. Пиво, и то везутъ изъ Америки или Россіи: сибирское—дрянь. Но зато очищенная, напримѣръ, вотъ эта пшеничная, чѣмъ не вышла? Да лучше едва ли и найдете. Досадно, что очищенной-то вы и не пьете, а безъ этого у насъ нельзя. Что же вы не закусываете?

Онъ подвинулъ мнѣ жестянку съ закуской. На ней былъ штемпель: „Санъ-Франциско“.

— Стóитъ вамъ покупать закуски изъ-за океана, когда здѣсь всякаго мяса не оберешься,—удивился я.

— Стóитъ, стóитъ! Попробуйте, какова индѣйка;

мясо-то какое! нѣжное, бѣлое, точно у выхоленной барышни—возразилъ онъ, смакуя съ видомъ гастронома.

Я взялъ кусокъ. Дѣйствительно, индѣйка оказалась очень вкусной; сладковатое, сочное мясо такъ и таяло во рту.

— Да-съ, мы здѣсь не ѣдимъ сальныхъ свѣчъ, какъ про насъ думаютъ еще на западѣ; мы знаемъ толкъ въ ѣдѣ. На томъ стоимъ. Вотъ бы вы посмотрѣли на резиденціяхъ...

— Чьи же это резиденціи?—удивился я.

— Такъ у насъ называютъ мѣстопребываніе золопромышленнаго начальства. Вотъ гдѣ умѣютъ пожить! Всякіе деликатесы и вина, крупная картежная игра, все въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Даже поражаетъ съ непривычки: кругомъ пустыня, тайга; бродятъ инородцы, которые даже хлѣба не знаютъ, а питаются протухлой рыбой, — и вдругъ этакій, можно сказать, букетъ цивилизаціи!

Но заманчивая картина сибирскаго раздолья, нарисованная развеселившимся исправникомъ, не восхитила меня нисколько. Я уже успѣлъ до нѣкоторой степени ознакомиться съ этой страной и могъ отчетливо себѣ представить, для кого взлелѣянъ весь этотъ „букетъ цивилизаціи“. Конечно, для какой-нибудь зубастой щуки, въ родѣ петербургскаго франта, загнаннаго сюда не въ мѣру развитымъ аппетитомъ. Пресыщенные, ожирѣвшіе, эти люди жрутъ всякіе деликатесы, подобно тому, какъ Аттила нѣкогда пожиралъ царства, больше ради процесса разрушенія, ради сознанія своей силы. Здѣсь своего рода принципъ—сожрать воз-

можно больше. Я видѣлъ въ одномъ изъ сибирскихъ трактировъ, какъ полупьяный франтъ изорвалъ и бросилъ въ поданныя ему щи нѣсколько сторублевыхъ ассигнацій, потому что щи были очень жидки. Встрѣчалъ я тоже за границей одного сибирскаго золотопромышленника. Пріѣхалъ онъ туда лѣчиться отъ разстроеннаго въ конецъ пищеваренія. Дѣйствительно, страдалъ человѣкъ. Во всѣхъ столицахъ собирались для него консиліумы изъ медицинскихъ знаменитостей. А всетаки онъ не унимался; ѣлъ за десятерыхъ, да такъ и умеръ въ Парижѣ, объѣвшись пельменей, приготовленныхъ по его указаніямъ знаменитымъ поваромъ-французомъ. Нравъ у этихъ людей таковъ: въ тайгѣ они объѣдаются трюфелями и ананасами, а въ Лондонѣ или Мадридѣ вдругъ потребуютъ строганой мерзлой осетрины, или пельменей. Въ Сибири, на просторѣ, аппетитъ разыгрывается, извращается. Именно на просторѣ... Власти много,— оттого больше и прожорливость происходитъ. Здѣсь какой-нибудь Анатолій Ивановичъ можетъ безнаказанно сокрушать скулы на десятки и даже сотни верстъ кругомъ, здѣсь навѣрно самая лучшая рыба и птица изъ окрестныхъ озеръ и лѣсовъ появляется на его столѣ.

— Однако, даже при самыхъ лучшихъ условіяхъ, трудно свыкнуться съ жизнью въ этой сторонѣ? — спросилъ я его, съ цѣлью навести на воспоминаніе о прошломъ.

— Какъ видите, — отвѣчалъ Анатолій Ивановичъ, не задумываясь, — очень нетрудно. Сначала только скучновато было, пока не отвыкъ отъ пе-

тербургской жизни. Теперь же втянулся въ свое дѣло.

— Но вамъ приходится имѣть дѣло больше съ несчастными, осужденными, больными, голодными, въ родѣ Желтобобова, Аполлонова... Я думаю, здѣсь такихъ много?—спросилъ я его, желая узнать, какъ онъ относится къ тѣмъ, кого случай, преступленіе и заблужденія отдали въ его власть.

Очевидно, исправникъ хоть немного, но размышлялъ по этому щекотливому вопросу, ибо рѣчь его была очень опредѣленна и энергична.

— Долженъ сознаться, — продолжалъ онъ,—терпѣть не могу я всѣхъ такихъ господъ, за то, что они сами не живутъ толкомъ, другимъ жить не даютъ и доходятъ, наконецъ, до состоянія невмѣняемости, какъ вотъ Желтобобовъ, котораго вы имѣли удовольствіе лицезрѣть. Я много такихъ видѣлъ и знаю имъ цѣну. Желтобобова сами же крестьяне, которыхъ онъ думалъ облагодѣтельствовать, всѣмъ міромъ порѣшили—въ Сибирь. Онъ говоритъ, что его продали за ведро водки. А спрашивается: отчего такъ дешево продали? Да вотъ отъ того, самаго, что онъ фанатикъ: самъ жить не хотѣлъ и другимъ не давалъ; своими глупыми ходатайствами онъ всю деревню мутилъ, вносилъ разладъ въ мирную жизнь, недовѣріе къ властямъ проповѣдывалъ, ну, вотъ и порѣшили его, и, по моему, вполнѣ справедливо. Вы не подумайте, что я нападаю на подобныхъ людей за то, что у нихъ убѣжденія есть. Мнѣ только глупыя, ненужныя убѣжденія ненавистны. Я не говорю, что человѣкъ долженъ отречься отъ всѣхъ завѣтныхъ стремле-

ній, напротивъ... Я самъ нисколько не измѣнилъ своихъ взглядовъ, — я только ихъ усовершенствовалъ...

Я чуть не расхохотался отъ его наивности, но сдержалъ себя, боясь испортить его откровенное настроеніе.

— Но, оставаясь при своихъ убѣжденіяхъ, я жить долженъ; такъ? Я долженъ найти себѣ дѣло, долженъ работать, а не портить жизнь себѣ и другимъ. Такъ ли?

Въ его словахъ и тонѣ было столько благородства и олимпійскаго спокойствія, что я просто изумился: убѣжденный человѣкъ, да и только!

— Но не всякая работа есть дѣло, — отвѣчалъ я общей фразой, — и не всякая жизнь — цѣль человѣческихъ стремленій.

— То есть, это вы въ какомъ смыслѣ? — спросилъ онъ подозрительно.

— Я хотѣлъ только сказать, что, при вашихъ убѣжденіяхъ, способностяхъ и образованіи, вы могли бы пойти гораздо дальше. Ваше теперешнее мѣсто, напр., совсѣмъ для васъ неподходящее, — поспѣшилъ я его успокоить.

— Что жъ дѣлать: обстоятельства! — отвѣчалъ онъ, видимо, польщенный. — Еще у насъ пора не настала для широкой общественной дѣятельности. Я увѣренъ, что родись у насъ Гамбетта, былъ бы онъ какимъ-нибудь поручикомъ и дальше бы не пошелъ за свою непочтительность къ начальству, а Бисмаркъ дослужился бы, пожалуй, до генеральскихъ чиновъ только потому, что онъ нѣмецъ.

Я невольно разсмѣялся вмѣстѣ съ нимъ. Онъ

шутилъ довольно мило, но въ этой шуткѣ все-таки сказывалась нѣкоторая доля уязвленнаго самолюбія. Въ глубинѣ души онъ, пожалуй, считалъ себя въ нѣкоторомъ родѣ непризнаннымъ Гамбеттой.

— Къ тому же, — продолжалъ онъ, видимо развеселившись и становясь развязнѣе, — если смотрѣть на дѣло безъ предубѣжденій, то трудъ мой, конечно, скроменъ, но не безполезенъ. Я вношу сознаніе законности въ этотъ темный міръ; я сокращаю грозныя проявленія преступной воли въ странѣ, гдѣ люди такъ разнузданы, и это вовсе не пустяки, какъ можетъ показаться на первый взглядъ: у насъ больше, чѣмъ гдѣ-либо, возможность жизни заключается въ порядкѣ. Неужели я долженъ упрекать себя въ томъ, что отказался жить мечтами и нашелъ себѣ хоть и небольшое, но все-таки вѣрное дѣло.

— Помилуйте, къ чему упреки?—возразилъ я,— а все-таки сознайтесь, что прошлаго нѣсколько жаль. Сравнительно хорошее было тогда время!

— Оно, конечно, молодость, мечты разныя... а все-таки, что же вышло хорошаго? Люди коверкали свою жизнь въ угоду какой-то сумасбродной идеѣ и, стремясь къ идеалу, дошли до преступленій, до убійствъ и самоубійствъ. А развѣ мы съ вами— помните студенческія-то времена? не были на такомъ пути? Быть можетъ, только по счастливой случайности, мы избѣжали крайностей. Можно же дойти до такого умопомраченія: помните нашу студенческую исторію, въ которой я былъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ,—вѣдь какъ ревѣлъ я во всю молодую глотку, чуть не съ кулаками лѣзъ

во главѣ депутаціи, а когда меня за это изъ университета прогнали, какъ и слѣдовало сдѣлать, то вообразилъ себя великимъ дѣятелемъ, чуть не апостоломъ... Ну, да что объ этомъ разсказывать, вспомнить-то даже смѣшно...

— Нѣтъ, разскажите, разскажите, пожалуйста, очень ужъ интересно.

— Пожалуй... Знаете, иногда пріятно посмѣяться, вспоминая о прошломъ, да жаль, тутъ не съ кѣмъ: вы первый свой человѣкъ за десять слишкомъ лѣтъ. Такъ вотъ-съ, конечно, вы еще помните нашу глупую университетскую исторію. Меня, какъ главнаго дѣятеля, Вильгельма Телля въ нѣкоторомъ родѣ, совсѣмъ удалили изъ университета, выслали на родину подъ надзоръ. Что за жизнь въ грязномъ глухомъ городишкѣ. Кажется, печему было радоваться, такъ нѣтъ же, можете себѣ представить, — весь годъ провелъ я въ глупѣйшихъ мечтахъ и въ восторженномъ сознаніи собственнаго достоинства. Глупое это, но пріятное сознаніе. Тогда оно, точно повальная болѣзнь, охватило всю почти молодежь. Да вы, конечно, помните тогдашнее настроеніе?

— Какъ же, какъ же, — отвѣчалъ я, невольно улыбаясь при воспоминаніи о томъ времени.

— Значитъ, понимаете, почему я ликовалъ: подъ надзоромъ полиціи—шутка сказать! Студентъ тогда въ своемъ мнѣніи стоялъ неизмѣримо высоко, выше доктора, профессора, не говоря уже о неученыхъ смертныхъ. Это настроеніе было такъ сильно, что даже сами старики пасовали передъ молодежью, лебезили... Что значитъ обаяніе великихъ надеждъ!

Ну-съ, а я считалъ себя представителемъ этихъ надеждъ. Какъ же! Теперь только вижу, что эти самыя надежды толкали въ бездну. Быть можетъ, одинъ еще шагъ, и я пропалъ бы.

— Послушать васъ, такъ оказывается, что наше время будто ужъ самое счастливое — никакихъ мечтаній!

— Да, конечно, меньше заблужденій.

— Но вѣдь зато и жизни какъ будто поменьше, даже стремленіе къ ней постепенно угасаетъ...

— Да что проку-то въ этой жизни, въ этихъ стремленіяхъ? Ну вотъ, и я стремился... вѣдь какъ мучился тогда изъ-за пустяковъ, какъ волновался! По прошествіи года, какъ только позволили рабу божьему, разумѣется, полетѣлъ въ Петербургъ на крыльяхъ, такъ сказать, надежды. Конечно, за годъ подневольной жизни, я сильно опустился, все утѣшая себя тѣмъ, что „крылья у меня связаны“, и пути мнѣ „всѣ заказаны“. Но тутъ встрепенулся я... Петербургъ — міръ новыхъ впечатлѣній. Явился я въ этотъ невѣдомый міръ съ грошами, но зато надеждъ милліонъ. Сначала горячо принялся за работу, отчасти изъ страха захлебнуться въ житейскомъ омутѣ, отчасти изъ соблазнительной мысли прославиться. Каюсь, каюсь; впрочемъ, у кого ея не было. Какъ хотите, пріятно воображать, что вотъ всѣ эти озабоченные прохожіе, которые теперь такъ грубо толкаются при встрѣчѣ съ вами, даже не замѣчая васъ черезъ какой-нибудь мѣсяцъ—два, ну, черезъ годъ наконецъ, признаютъ вашу умственную власть, станутъ въ васъ вглядываться съ лестнымъ удивле-

ніемъ. Я тогда былъ почему-то увѣренъ въ этомъ, хотя и не могъ уяснить себѣ, какъ это именно случится; вѣрилъ только, что добьюсь своего. Я мечталъ и о литературной дѣятельности, и о лаврахъ ораторскихъ, и о научныхъ открытіяхъ. Надежды, какъ видите, самыя благія. Для начала я рѣшился въ легкомъ этакомъ популярномъ очеркѣ выяснить современныя стремленія. Мѣсяцъ работалъ, какъ въ лихорадкѣ. Главное, не могъ никакъ кончить своей статьи; наконецъ кое-какъ оборвалъ ее, обѣщая въ послѣдующихъ очеркахъ вполнѣ высказаться. Заглавіе далъ: „Судьбы Европы“ и понесъ въ самую лучшую редакцію... Жаль, затерялась статья! Самому даже назидательно было бы прочесть ее, много лѣтъ спустя, когда человѣкъ сталъ хладнокровнѣе смотрѣть на жизнь. Однако, думаю, что хоть и не особенно умно былъ написанъ мой этюдъ, но все-таки не глупѣе многихъ статей, появляющихся въ нашихъ теперешнихъ „альманахахъ“ и „курантахъ“. Все-таки, кажется, я выдѣлялся своимъ развитіемъ.

— Какъ же, какъ же, — поспѣшилъ я ободрить его.

— Ну-съ, черезъ урочныя двѣ недѣли явился я въ редакцію за отвѣтомъ въ самомъ пріятномъ волненіи. Робости не чувствовалъ никакой. Я зналъ, что моя статья не дурна, и снесъ ее въ редакцію, точно драгоцѣнный перстень ростовщику. Все боялся, чтобы не похитили моихъ мыслей. Даже условіе поставилъ—напечатать скорѣе. И вдругъ, можете себѣ представить, редакторъ даже не счелъ нужнымъ объясняться со мною; вышелъ ко мнѣ

одинъ извѣстный сотрудникъ журнала—лицо его я зналъ по карточкамъ. Меня не узнаютъ, не просятъ садиться, даже не заговариваютъ, а смотрятъ вопросительно. Я нѣсколько растерялся отъ такого пріема. Наконецъ говорю, зачѣмъ пришелъ. Оказывается, статья неудобна. И никакихъ разъясненій, кромѣ стереотипной фразы: „неудобна“, вотъ и все; мы смотримъ, дескать, только на то, годится ли намъ статья· „Позвольте, однако, объясниться, говорю, быть можетъ, здѣсь только недоразумѣніе, такъ я постараюсь его устранить. Вѣроятно, статья не можетъ пройти черезъ цензуру“?—„Нѣтъ, ничего, все такое ужъ не разъ было высказано и даже въ болѣе опредѣленной формѣ“,—отвѣчалъ мнѣ сотрудникъ съ чуть замѣтной, обидной улыбкой.—„Однако, мнѣ кажется, до сихъ поръ еще никто не проводилъ съ такою послѣдовательностью мысли о томъ, что судьба Европы заключается въ замѣнѣ политическихъ учрежденій соціальными и въ постепенной демократизаціи жизненнаго и политическаго строя“,—возразилъ я. Промолчалъ онъ, какъ будто не желая входить въ дальнѣйшія объясненія. „Быть можетъ, моя подпись подъ статьей вредитъ.... по нѣкоторымъ причинамъ. Если такъ, то я готовъ подписаться псевдонимомъ“.—„Нѣтъ, не это“,—ужъ совсѣмъ нетерпѣливо отрѣзалъ сотрудникъ и протянулъ мнѣ тетрадь:—бери, дескать, а то уроню на полъ... чего тутъ еще разговаривать? много васъ такихъ съ претензіями... И, главное, при этомъ еще канальски-тонкая улыбка! Меня передернуло всего. А тутъ еще какой-то неизвѣстный писатель, перелистывавшій книгу, небрежно разва-

лясь въ креслѣ, взглянулъ на меня и тоже скверно улыбнулся. Такъ я и ушелъ, не добившись, почему статья неудобна. Только на улицѣ опомнился и даже рукой по лицу провелъ, какъ будто меня оплевали. Конечно, я и теперь скажу, уже совсѣмъ безпристрастно, что ко мнѣ отнеслись несправедливо. Нѣтъ ничего хуже незаслуженной обиды, презрительнаго невниманія. По неволѣ приходится самому смотрѣть на людей съ негодованіемъ и злобой. Не хныкать же? Вотъ на меня тогда даже швейцаръ на шикарной лѣстницѣ редакціи посмотрѣлъ съ такимъ презрительнымъ любопытствомъ, какъ умѣютъ смотрѣть только сытые лакеи на людей обтрепанныхъ, но образованныхъ. А между тѣмъ я вполнѣ сознавалъ, что стою по своимъ способностямъ неизмѣримо выше всѣхъ этихъ господъ, которые смотрѣли на меня съ такимъ презрѣніемъ... А еще литераторы... пишутъ о свободѣ и равенствѣ! Какое тутъ равенство, — даже сѣсть не попросили, разговора не удостоили, встрѣтили злобно, съ завистью, съ дѣланнымъ презрѣніемъ. Конкуррентъ по ремеслу! Вѣроятно, почувствовали, что я, несмотря на всю неопытность въ литературномъ дѣлѣ, все-таки стою выше ихъ всѣхъ, если не по уму, то по оригинальности.

— Вотъ какъ! неужели у нихъ разгорѣлась зависть?—невольно воскликнулъ я.

— Повѣрьте, что такъ. Иначе, чѣмъ объяснить этотъ высокомѣрный тонъ, — вѣдь все-таки моя статья была хороша, не безъ недостатковъ, конечно, не безъ претензій, а все-таки хороша; почему же меня не пустили? Быть можетъ, даже статьи тол-

комъ не прочли, навѣрно даже не прочли. Сначала я такъ и думалъ, что отказъ принять статью мою— просто случайный недосмотръ, недоразумѣніе. Пошелъ въ другую редакцію, въ третью, наконецъ вездѣ то же невниманіе, странное предубѣжденіе, недоброжелательство даже. Послѣ этого, какъ будто завѣса спала съ глазъ моихъ. Если ужъ въ литературѣ, въ сферѣ, такъ сказать, идеаловъ, меня не захотѣли не только понять, но даже вниманія не удостоили изъ за какихъ-то мелкихъ личныхъ побужденій, то гдѣ-же послѣ этого искать настоящаго равенства и всего прочаго, о чемъ такъ кричатъ люди? Что мнѣ оставалось дѣлать послѣ этого? Наплевать на всѣ громкія слова и уразумѣть, въ чемъ заключается настоящая жизнь. Я такъ и сдѣлалъ.

— И что же, такъ сразу и порѣшили съ „пустыми словами", перешли къ „настоящей жизни"?— спросилъ я.

— Конечно нѣтъ,—знаете, вѣдь эти юношескія колебанія, страданія... Были даже минуты, когда я упрекалъ себя чуть не въ измѣнѣ прежнимъ убѣжденіямъ. Какъ это смѣшно теперь — считать измѣной то, что̀ было лишь благоразуміемъ, естественнымъ выходомъ изъ моего положенія.

— Положимъ, благоразуміе... однако, все-таки странно, какъ это одинъ случай въ редакціи могъ повліять на васъ такъ сильно, что вы повернули въ другую сторону, оставили совсѣмъ литературную дѣятельность, при вашей способности выражаться. Надо было поучиться; сразу трудно хорошо написать.

— Разумѣется, я могъ бы при лучшихъ обстоятельствахъ кое-что сдѣлать, но испытали бы вы все тогдашнее мое горе, такъ не удивлялись бы этому повороту. Я ужъ не говорю объ обидѣ, — у всякаго развитаго человѣка есть самолюбіе, чувство справедливости и своего достоинства, но тутъ какъ разъ подошли матеріальныя лишенія... Знаете, какъ жизнь тѣснитъ русскаго интеллигентнаго человѣка...

— Да, скверные дни пережилъ я тогда, — продолжалъ Анатолій Ивановичъ, задумчиво и въ то же время самодовольно, какъ будто его прошедшее являлось крупнымъ подвигомъ.—Вмѣсто великихъ надеждъ, съ которыми я прибылъ въ Петербургъ и на которыя имѣлъ даже нѣкоторое нравственное право, я вдругъ сознаṅлъ себя хуже, чѣмъ нищимъ и убогимъ. Право, были такія минуты, когда я просто трусилъ за свое существованіе и съ трепетомъ считалъ послѣдніе гроши. Нравственная парша какая-то напала. Чортъ знаетъ, что такое! Съ непривычки, очень ужъ тяжело было остаться безъ великихъ надеждъ и трескучихъ фразъ. Прежде я этимъ добромъ вполнѣ довольствовался, знаете — опьяненіе молодости, кружокъ веселыхъ товарищей-студентовъ. Несмотря на свои дырявые сапоги и пустой желудокъ, все-таки я съ нѣкоторымъ даже презрѣніемъ смотрѣлъ на господъ разъѣзжающихъ въ каретахъ. Очень ужъ самъ былъ богатъ надеждами и высоко себя ставилъ. И вдругъ я убѣдился, что все такое—пуфъ, что за мои хорошія стремленія никто мѣднаго гроша не дастъ, что въ сущности я пролетарій и

помышлять мнѣ о великихъ дѣяніяхъ рѣшительно не приходится. Студентъ, не окончившій курса, безпомощнѣе фабричнаго рабочаго: даже самой тяжелой работы не найти ему. Вотъ и мечтай тутъ о лучшей дѣятельности, пробивай дорогу. Даже геній — и тотъ пропадетъ. Я увѣренъ, что еслибы Шекспиру довелось питаться дрянными кухмистерскими обѣдами,—онъ не написалъ бы ничего путнаго; а я боялся, что и этихъ обѣдовъ скоро мнѣ не хватитъ. Жалкое противорѣчіе—это безпомощное убожество и самонадѣянныя мечты юности. Здѣсь по неволѣ руки опускаются. Случалось мнѣ, „въ минуты жизни трудныя", цѣлыя вечера проводить за бутылкой пива въ притонахъ разврата,— студенческая привычка:—молодежь наша, лишенная семьи, идетъ въ такія мѣста. Прежде, въ компаніи, это не возмущало, грязь не бросалась въ глаза; но теперь я былъ одинъ. По цѣлымъ часамъ я смотрѣлъ, какъ юноши, полные благороднѣйшихъ стремленій, танцуютъ здѣсь въ такой обстановкѣ, и съ кѣмъ же! Вотъ въ эти вечера я особенно сильно чувствовалъ свое убожество; меня сосало какое то скверное чувство, а оторваться отъ всѣхъ этихъ впечатлѣній я не могъ, — пропивая послѣдніе гроши. Вотъ когда, наконецъ, я плюнулъ на всѣ несбыточныя мечты, въ которыхъ столько нелѣпаго презрѣнія къ жизни съ ея насущными задачами...

V.

Анатолій Ивановичъ смолкъ, какъ будто торжествуя. Я тоже молчалъ, глядя на него съ нѣ-

которымъ удивленіемъ. Эти унизительныя воспоминанія, повидимому, нисколько его не печалили, скорѣе—доставляли ему удовольствіе. Лицо его оживилось, онъ даже заговорилъ краснорѣчивѣе. Неужели не стыдно? Меня удивило, какъ онъ могъ высказаться такъ откровенно при своемъ несомнѣнномъ самолюбіи. Но, глядя на его сытое, веселое лицо, я понялъ, что онъ доволенъ жизнью, полонъ сознанія своей правоты, смотритъ, дѣйствительно, съ презрѣніемъ на всякія мечты, а потому и не конфузится выкладывать свое нутро. Къ тому же, люди довольные любятъ посмѣяться подчасъ даже надъ собой. Если онъ и вспомнилъ о прошломъ, то единственно потому, что ему пріятно было поболтать за стаканомъ хорошаго вина со школьнымъ товарищемъ. Правда, въ его разсказѣ, при всемъ спокойствіи, звучала нѣкоторая непріятная нотка, — онъ какъ будто оправдывался, но больше ради меня, ради ходячихъ понятій, осуждающихъ вообще такія рѣзкія перемѣны, какъ переходъ отъ литературной дѣятельности къ полицейской службѣ.

— Но скажите, однако, какъ вы сюда попали?— прервалъ я молчаніе.

— Просто счастливый случай и, какъ разъ, во̀время: безъ него едва ли жизнь моя сложилась бы такъ хорошо. Въ самый разгаръ голодухи, узналъ я изъ газетъ, что генералъ-губернаторомъ восточной Сибири назначенъ старый сослуживецъ моего отца, и меня осѣнила мысль похлопотать у него насчетъ мѣстечка. Приходила мнѣ эта благоразумная мысль и прежде, но — можете себѣ представить — я отвергалъ ее даже съ негодованіемъ: о

лаврахъ все еще мечталъ! Теперь же, когда эта мысль являлась такой удобоисполнимой, я ухватился за нее и почувствовалъ нѣкоторое успокоеніе. Рѣшилъ на другой же день идти. Оставалось только, во что бы то ни стало, раздобыть черную фрачную пару. Почему-то я вдругъ постигъ, что безъ фрака нельзя. Страхъ какой-то заговорилъ,— очень ужъ боялся потерять хорошій случай. А это была бы непростительная глупость. И какъ я безпокоился, когда не могъ раздобыть злополучнаго фрака послѣ цѣлаго ряда хлопотъ! Наконецъ, дѣло какъ-то уладилось—на прокатъ досталъ. Явился съ докладной запиской. Генералъ тутъ-же просмотрѣлъ ее, вспомнилъ про отца и пожелалъ узнать, кончилъ ли я курсъ въ университетѣ. Мое дѣло приняло хорошій оборотъ, но студенческая исторія чуть было не испортила всего. Я, впрочемъ, догадался, по возможности, замять ее. Генералъ, видимо, колебался, дать ли мнѣ мѣсто; осмотрѣлъ меня съ головы до ногъ, и вотъ тутъ-то меня фракъ и выручилъ. Ясно, что безшабашный нигилистъ фрака не надѣнетъ. Я сразу получилъ мѣсто чиновника особыхъ порученій. Прослужилъ я на этой должности лѣтъ пять, а потомъ перешелъ вотъ сюда, сначала помощникомъ, а года черезъ полтора въ исправники вышелъ. Знаете, спокойнѣе; кстати, успѣлъ въ это время жениться, да и генералъ мой уходилъ, — пора было уйти и мнѣ на покой. Одно только плохо: ходу нѣтъ съ этого мѣста, впереди больше ничего не предвидится...

— Пожалуйте обѣдать,—послышался голосъ хозяйки.

Посреди свѣтлой, просторной комнаты, подобно жертвеннику, возвышался столъ, обильно уставленный закусками и бутылками. Горячее блюдо дымилось передъ привѣтливо улыбавшеюся хозяйкою. Въ улыбкѣ этой проглядывало нѣкоторое смущеніе. Барыня даже слегка покраснѣла, причемъ на ея нѣжномъ, пухленькомъ лицѣ, замѣтно обозначились три самыхъ очаровательныхъ ямочки, и на краю одной изъ нихъ темнѣла бархатистая и нѣжная, какъ лепестокъ, родинка. Миленькая! и чего это она смутилась давеча при встрѣчѣ со мной, а вотъ теперь опять? Я напрасно силился рѣшить этотъ вопросъ. Неужели петербуржецъ еще окруженъ ореоломъ въ ея глазахъ, и встрѣча съ новымъ человѣкомъ волнуетъ ее? Неужели она такъ наивна? О, непостижимыя тайны женственности! Я попытался разъяснить эти тайны и заговорилъ съ Дарьей Александровной, пока Анатолій Ивановичъ поспѣшно глоталъ супъ и водку. Но я получалъ лишь односложные отвѣты и скоро долженъ былъ понять, что, кромѣ этой милой женственности, Дарья Александровна и не въ силахъ ничего обнаружить; что она рождена лишь для поцѣлуевъ, для „звуковъ сладкихъ“, для любви, то есть, какъ разъ подъ стать полнокровному исправнику. Оставался еще вопросъ: вошла ли она, такая стыдливая, женственная, въ роль исправницы и цапаетъ ли исправно? Всмотрѣвшись въ нее ближе и узнавъ, что все ея развитіе ограничилось лишь прочтеніемъ нѣсколькихъ сентиментальныхъ и скабрезныхъ романовъ, я рѣшилъ, что она непремѣнно цапаетъ и даже не безъ азарта. Мнѣ живо представилось,

какъ просители пробираются къ исправнику съ чернаго хода, черезъ кухню, гдѣ ихъ изрядно щиплютъ, послѣ чего ихъ участь рѣшается въ спальнѣ подъ покровомъ ночи, въ интимной бесѣдѣ между супругами. Вѣроятно, самъ по себѣ, Анатолій Ивановичъ сіяетъ во всемъ блескѣ своего исправническаго безкорыстія и неподкупности. Я съ наслажденіемъ смотрѣлъ на эту парочку, столь круглую и законченную. Вотъ только дѣтей за столомъ недоставало, но даже, казалось, такъ и должно быть; казалось, дѣти нарушили бы чудную гармонію и законченность парочки. Мнѣ оставалось лишь разсыпаться въ похвалахъ ихъ жизни, и я наговорилъ комплиментовъ Дарьѣ Александровнѣ по поводу превосходнаго обѣда.

— Она у меня на этотъ счетъ не мастерица, — вмѣшался въ нашъ разговоръ Анатолій Ивановичъ, — у меня есть прекраснѣйшій поваръ-французъ.

— Неужели вы его выписали?—удивился я.

— Нѣтъ... изъ ссыльно-каторжныхъ. Былъ поваромъ у какого-то посла, да зарѣзалъ, кажется, свою любовницу, попалъ въ каторгу, со снисхожденіемъ, впрочемъ, ненадолго. Вотъ недавно вышелъ на поселеніе. Какъ видите, даже въ каторгѣ не утратилъ своего таланта...

— А вамъ, Анатолій Ивановичъ, обѣдая, не приходитъ въ голову, что руки вашего повара обагрены человѣческою кровью? — полюбопытствовалъ я.

— Какъ вы нервны, а еще врачъ! — возразилъ Анатолій Ивановичъ: знаете вѣдь, что кровь смы-

вается. Къ тому же, въ Сибири на этотъ счетъ господствуетъ спокойный взглядъ. Отъ самаго отчаяннаго разбойника не бѣгутъ и даже жмутъ ему руку, если богатъ. Да и сторониться не приходится: тутъ преступникъ на каждомъ шагу попадается. Онъ въ нѣкоторомъ родѣ здѣсь излюбленный человѣкъ. Онъ здѣсь и ремесленникъ, и чиновникъ. На Амурѣ, напримѣръ, вся почти прислуга изъ каторжныхъ; другой и не сыскать.

— Вы хотѣли сказать: изъ отбывшихъ каторгу?

— Нѣтъ, часто изъ каторжныхъ прямо. Нужно прислугу, такъ и обращаются къ смотрителю тюремнаго замка,—берутъ на поруки, на выборъ. У моего знакомаго была даже подруга каторжная; попалась въ грѣхѣ, который судится при закрытыхъ дверяхъ—нецензурный такой грѣхъ—вотъ и присудили въ каторгу. И можете представить, довольно даже образованная, недурна собой; прельстила товарища. Прожила она у него что-то годика два—каторгу отбывала,—разсмѣялся исправникъ

— Да какъ же это такъ?—удивился я.

— Да очень просто, обыкновенное житейское дѣло. Кого только жизнь не сближаетъ? Самые непримирные враги черезъ нѣсколько лѣтъ могутъ встрѣтиться друзьями. Здѣсь даже судья и преступникъ могутъ пожать другъ другу руку, какъ хорошіе знакомые. Константина Александровича помните?

Я старался вспомнить, но напрасно.

— Начальникъ въ нашемъ городѣ, должны помнить: онъ былъ притчею во языцѣхъ всего студенчества.

— Да, да, теперь вспомнилъ...

— Ну, вотъ, всѣ мы его считали злымъ человѣкомъ. И какъ я его ругалъ, будучи студентомъ! А вотъ въ Сибири друзьями встрѣтились. Жизнь научила меня уму-разуму. Я его теперь понялъ: добрѣйшій старикъ, увѣряю васъ; мы его тогда глупѣйшимъ образомъ осуждали. Ну что-жъ, онъ ревностно служилъ, да вѣдь всякій человѣкъ такъ или иначе служитъ. Конечно, въ его положеніи нельзя безъ строгости... Ну-съ, встрѣтилъ я его на пароходѣ,—въ Томскъ по какому-то дѣлу ѣхалъ. Я его сразу узналъ. Подхожу, спрашиваю:—„Не узнаете, ваше превосходительство, стараго знакомаго"? Онъ удивился:—Не узналъ.—„А помните, говорю, студента Розова,—вотъ я самъ и есть. Вы же со мною и вели тогда сепаратную бесѣду, и угостили хорошимъ обѣдомъ отъ своего стола".

„А, теперь вспомнилъ"—улыбнулся старикъ хорошей такой улыбкой. — „Вижу, — говоритъ, — по формѣ, что вы на службѣ, молодой человѣкъ. Слава Богу, слава Богу. А огорчали вы меня тогда. Откровенно вамъ скажу, не думалъ я, что изъ васъ выйдетъ прокъ и что вы успѣете сдѣлать карьеру, да вижу теперь—ничего, остепенились, молодой человѣкъ"! — Повѣрьте, въ этомъ добродушномъ тонѣ, въ его улыбкѣ, въ его нѣсколько ироническомъ: „молодой человѣкъ"—чувствовалось столько теплоты, точно онъ лучшаго ученика своего встрѣтилъ. Разговоръ нашъ принялъ сразу самый дружескій, почти родственный характеръ. Я даже слегка подшутилъ надъ нимъ. — „Поздравляю съ генеральскимъ чиномъ,—говорю.—Я помню васъ

еще полковникомъ; еще мы всѣ называле васъ „ваше превосходительство“, чтобы задобрить, да и подшутить, а вы на насъ смотрѣли сквозь пальцы“ — „Да что же мнѣ съ вами было дѣлать? вѣдь вы больше тогда языкомъ болтали, а рукамъ все-таки воли не давали; зачѣмъ же губить молодое поколѣніе“? — „А помните, ваше превосходительство, наши танцовально-музыкальные вечера“?—„Какъ же, какъ же, вѣдь какъ веселились“!—„А помните, однажды въ разгарѣ этого веселья, мы васъ качали“?—Ухмыляется старикъ отъ воспоминаній.— „Такъ вотъ, если изволите помнить, это я, грѣшный человѣкъ, булавкой-то васъ тогда нѣсколько разъ ужалилъ; я же и товарищей подвыпившихъ надоумилъ васъ покачать. Простите окаяннаго; каюсь теперь, каюсь“. Мой собесѣдникъ такъ и покатился со смѣху.—„Вотъ оно что! Такъ это вы тогда надо мной подшутили, да еще какъ больно: я думалъ шиломъ, а вы булавкой,—вѣдь какъ укололъ, даромъ что рейтузы были толстыя. Хе-хе-хе! Ну, говоритъ, теперь я долженъ, въ виду вашего сознанія, сейчасъ же васъ и подъ сюркупъ. Простить нельзя — помилуйте — посягательство! Вотъ я вамъ покажу, гдѣ раки зимуютъ, какъ говоритъ Щедринъ (представьте, Щедрина цитируетъ). Теперь вы у меня ужъ не увернетесь, нѣтъ-съ! На такія преступленія нѣтъ давности“. — „Ну, если такъ, говорю, то я васъ тоже подведу, ваше превосходительство. Если я преступникъ, то вы виновны въ „укрывательствѣ“ и „попустительствѣ“ (эти слова я подчеркнулъ): вы не только не взыскали съ меня тогда, но даже скрыли самый фактъ пре-

ступленія, притворившись, что не замѣтили булавочныхъ уколовъ, и принявъ качаніе за чистую монету. Вы даже шампанскаго потребовали и роспили съ нами нѣсколько тостовъ: за русское просвѣщеніе, за процвѣтаніе университетовъ, за молодежь. Помните, помните, не отпирайтесь"! — „Правда,—говоритъ,—правда: мы оба съ вами виноваты, а потому забудемъ прошлое и лучше отобѣдаемъ вмѣстѣ". Нахохотались мы тогда, вспоминая прошлое. Пріятно, знаете, взглянуть на свою жизнь просвѣтленными глазами. Умнѣйшій человѣкъ, увѣряю васъ. „Вотъ,—говоритъ,—мы съ вами дружески беседуемъ, вѣдь это важный, знаменательный фактъ. Да-съ! Мы теперь отлично понимаемъ другъ друга, а прежде... хе, хе, хе!.. Какая то бездна раздѣляла стариковъ и молодежь... Совсѣмъ было юноши отъ рукъ отбились, да ничего, слава Богу, научила ихъ теперь жизнь уму-разуму; видно, она сильнѣе пустыхъ вѣяній. Хе, хе, хе! Всякому жить хочется".

IV.

Въ эту минуту исправнику принесли какія-то весьма нужныя бумаги. Мимо оконъ провели большую партію арестантовъ. Внезапно прерванный разговоръ естественно принялъ другой оборотъ и коснулся дѣйствующей системы наказаній.

— Еслибы вы лучше знали мѣстныя условія,— замѣтилъ Анатолій Ивановичъ,— то, вѣрно, согласились бы со мной, что въ иныхъ случаяхъ плеть положительно необходима. Тутъ попадаются такіе „варнаки", которымъ и плети нипочемъ. Въ Си-

бири народъ выносливый, нѣжностей не любитъ. Въ каторгѣ особенно вырабатываются изумительные характеры. Я тутъ долго велъ борьбу со всякими бѣглыми и, слава Богу, сократилъ ихъ порядкомъ. Почему-то мой городъ служилъ сборнымъ для нихъ пунктомъ. Одного каторжника я два раза здѣсь поймалъ. Второй разъ, какъ вырвался съ каторги и пришелъ сюда,—изволилъ объявить, что дни мои сочтены: раздѣлаться, дескать, со мной порѣшилъ. Я, признаться сказать, даже немного струхнулъ. Наконецъ, арестовалъ таки. Ну, разумѣется, по состоявшемуся въ полицейскомъ управленіи приговору, прежде всего плетьми его, какъ бродягу-бѣглаго. Самъ я при наказаніи не присутствовалъ, а мой помощникъ. Я не досмотрѣлъ; но, кажется, ему дали нѣсколько больше положеннаго, по штату, числа ударовъ,—въ счетѣ ошиблись, хе, хе, хе! И что же вы думали? Всталъ, какъ ни въ чемъ не бывало, а черезъ недѣлю совсѣмъ оправился. Вотъ такихъ-то развѣ только плетью и проймешь; гладить тутъ по головкѣ не приходится.

— И вамъ не страшно такъ *пронимать* людей?— освѣдомился я.

— Привыкнуть надо,—ничего не подѣлаешь. Конечно, я понимаю необходимость извѣстныхъ мѣръ при условіяхъ здѣшней жизни, а все-таки въ началѣ было непріятно. Разъ, знаете, мнѣ пришлось арестовать молодую бабенку, такъ вѣрите ли, чуть не заболѣлъ отъ жалости; я еще тогда помощникомъ былъ и холостякомъ и, какъ водится, увлекался. Долго мнѣ потомъ мерещилась бѣдняжка:

тѣло бѣлое, нѣжное, точно у аристократки какой, удивительно даже! Потомъ изъ слѣдствія оказалось, что она каторжная, закаленная, значитъ, а происходитъ изъ благородной фамиліи и попала въ каторгу за дѣтоубійство. Какъ-то ухитрилась она бѣжать: деньги, вѣрно, были. Одна, конечно, недалеко ушла, должна была поневолѣ связаться съ бѣглымъ варнакомъ, на котораго прежде не могла бы взглянуть безъ отвращенія. Такъ и втянулась совсѣмъ въ варнацкую жизнь, всѣ человѣческія чувства притупились, удивительно еще, какъ видъ приличный сохранила: вѣдь въ каторгѣ да въ бѣгахъ чего только не вынесла! Послѣ двухъ-трехъ такихъ случаевъ, я совсѣмъ успокоился.

— Однако, это ужъ просто ужасы, что вы разсказываете, - прервалъ я его.

— Эхъ, вы, мечтатель! Не хотите взять въ соображеніе, гдѣ мы живемъ. Однихъ процессовъ объ истязаніи сколько! Опекуны, родители на смерть засѣкаютъ дѣтей своихъ. Чего ужъ тутъ хныкать: дѣлу все равно не поможешь.

— Но можно вѣдь устранить себя!..

— Зачѣмъ? Вѣдь все-таки я вполнѣ сознаю необходимость наказанія въ современной жизни. Наказывать—вовсе не значитъ бить. Въ первомъ случаѣ дѣйствуетъ законъ, сознаніе неизбѣжности; во второмъ же случаѣ—произволъ, личныя страсти. Наказаніе, если хотите, это прогрессъ въ дѣлѣ избіенія. Оно необходимо, если люди въ жизни привыкли къ побоямъ,—вѣдь произволъ долженъ быть ограниченъ закономъ, карой.

— Все-таки видѣть, какъ человѣка бьютъ, хотя бы и по закону, не утѣшительно.

— Да вѣдь человѣка бьютъ не по закону, а по особо предназначенному для сего мѣсту. Это еще не такъ обидно,—съострилъ исправникъ и расхохотался.—Но что это мы съ вами ведемъ такіе меланхолическіе разговоры, да еще за обѣдомъ? Знаете, докторъ, вредно это... А все вы виноваты; втянули и меня. Дурная студенческая привычка. Помните, какъ мы, бывало, спорили до поздней ночи...

Я тоже хотѣлъ ему кое-что напомнить, но удержался: зачѣмъ? вѣдь онъ человѣкъ положительный, давно порѣшившій со всякими воспоминаніями.

Я же вспомнилъ, какъ мы еще дѣтьми, забравшись на чердакъ одного дома, сквозь окно видѣли чудовищную сцену обыкновенной „торговой казни“.

Это было въ то еще время, когда плеть съ почетнымъ карауломъ, съ барабаннымъ боемъ, появлялась на площадяхъ. Я вспомнилъ черный эшафотъ, палача въ красной русской рубахѣ; блѣднаго отъ страха и злобы преступника; сверкающую въ лучахъ солнца, цѣпь штыковъ кругомъ и грозное море обнаженныхъ человѣческихъ головъ. Это море глухо ревѣло и вдругъ смолкло. Раздалось чтеніе приговора, грохотъ барабановъ, а потомъ наступила тишина, грозная, мучительная. Вотъ тѣло преступника постыдно обнажено. Раздался отвратительный возгласъ палача — угроза злодѣю,—ударъ плетью и отвѣтный крикъ. Страшная тишина — и опять возгласъ палача и взмахъ

плети. Кровь брызнула. Еще и еще ударъ, и чудовищные, безумные крики оглашаютъ площадь. Море головъ трепещетъ. Еще и еще ударъ... крики оборвались дикой, нечеловѣческой нотой, и среди воцарившейся тишины еще грознѣе, еще отвратительнѣе раздаются возгласы палача.

Но нѣтъ силъ примириться съ этими мрачными впечатлѣніями, и, повторяясь, они еще усиливаются, доходятъ до крайняго напряженія, почти до физической боли. Слушая теперь глумленія Анатолія Ивановича надъ своимъ прошлымъ, надъ своими юношескими упованіями и надъ страной, гдѣ, къ его величайшей утѣхѣ, расточается столько побоевъ, я невольно вспомнилъ, какъ поблѣднѣлъ онъ тогда, при видѣ кровавой расправы, какъ задрожалъ, заплакалъ, какъ искренно и глубоко возмутился. Но все прошлое исчезло безслѣдно, какъ сонное видѣніе. Настали другія времена, перемѣнилось и настроеніе Анатолія Ивановича. А, въ сущности, онъ не измѣнилъ нисколько своимъ убѣжденіямъ, потому что ихъ у него никогда и не было. Просто плылъ человѣкъ „по теченію“, и оно увлекло его въ гнилое болото. Когда у людей нѣтъ ничего своего за душой, когда убѣжденія исходятъ изъ чрева, а не изъ сердца, и зависятъ отъ скоропреходящихъ настроеній и случайныхъ событій, тогда вполнѣ возможны самыя безобразныя превращенія, и то, что̀ вчера казалось лишь нелѣпымъ сномъ, сегодня становится печальною дѣйствительностью...

Мои размышленія были прерваны гостепріимной Дарьей Александровной. Замѣтивъ, что я скучаю,

она постаралась развлечь меня занимательнымъ разговоромъ. Мнѣ пришлось отвѣчать на разспросы о томъ, какъ ѣдятъ, одѣваются, выѣзжаютъ и спятъ петербургскіе дамы и кавалеры. Разсудительная, но нѣсколько легкомысленная барыня бредила свѣтской жизнью, особенно послѣ того, какъ прочитала „Нана̀“ въ русскомъ переводѣ, въ чемъ и не замедлила сознаться съ подобающею скромностью. Этотъ романъ до крайности затронулъ ея любопытство. Она стремилась въ столицу, какъ мотылекъ къ свѣту, и выразила большое огорченіе по поводу того, что супругъ ея, вслѣдствіе своего благороднаго образа мыслей и крайней непрактичности, надо полагать, вѣчно останется нищимъ, и ей придется прожить свой вѣкъ въ трущобѣ, не испытавъ, хотя бы на мгновеніе, настоящей жизни.

Анатолій Ивановичъ выслушалъ упрекъ въ излишнемъ благородствѣ мыслей съ легкой улыбкой, преисполненной чувства собственнаго достоинства. Онъ тяжело дышалъ послѣ сытнаго обѣда и обильныхъ возліяній въ честь Вакха. Лицо его потемнѣло, а въ глазахъ появилось какое-то дикое выраженіе. Супруга уже начинала съ тревогой поглядывалъ на него и отодвигать подальше бутылку съ виномъ. А мнѣ вдругъ стало до такой степени невыносимо скучно въ обществѣ этихъ милыхъ людей, что, отговорившись головной болью и усталостью, я поспѣшилъ вернуться на почтовую станцію, чтобы хоть немного отдохнуть передъ дальнею дорогой. Я насилу отдѣлался отъ усиленныхъ приглашеній Дарьи Александровны

еще посидѣть и покалякать—обѣщаніемъ еще разъ зайти къ нимъ передъ отъѣздомъ. Конечно, я больше не пошелъ, но съ Анатоліемъ Ивановичемъ мы еще разъ встрѣтились при самыхъ удивительныхъ условіяхъ, причемъ я убѣдился, что въ душѣ его далеко не все обстоитъ такъ благополучно, какъ можно было бы судить по его самодовольному и плотоядному виду.

VII.

Выйдя на улицу, я вздохнулъ съ замѣтнымъ облегченіемъ и порѣшилъ немедленно оставить городъ Хавронскъ; но оказалось, что всѣ почтовыя лошади, по случаю ярмарки, въ разгонѣ. Приходилось ждать на станціи нѣсколько часовъ. Въ глубокомъ уныніи отъ пережитыхъ впечатлѣній я опустился на ветхій продавленный диванъ въ комнатѣ для проѣзжающихъ и устремилъ безнадежный взглядъ на лубочныя картинки и гравюры 40—50-хъ годовъ, въ избыткѣ украшавшія противоположную стѣну. Какъ водится, были тамъ и портреты кавказскихъ и севастопольскихъ героевъ, съ грозными лицами, точно потемнѣвшими отъ пороха, и вольное изображеніе какой-то голубоокой дамы, съ букетомъ изъ неимовѣрно пунцовыхъ розъ, и картина страшнаго суда, съ поверженными въ адское племя грѣшниками и гостепріимно суетящимися вокругъ нихъ лукавыми чертями. Въ глубокомъ раздумьѣ, усталый, я продолжалъ разсѣянно смотрѣть на лубочныя картинки, какъ вдругъ точно мягкая, прозрачная пелена упала на мои глаза. Мнѣ почудилось, что у

поверженныхъ грѣшниковъ, и даже у чертей, какъ будто знакомыя лица, что я гдѣ-то уже ихъ видѣлъ; что тутъ же вертятся и полнокровный Розовъ, и „падшій ангелъ“ Аполлоновъ; что далѣе мелькаютъ давно забытыя, встревоженныя тѣни, а севастопольскій герой со стѣны смотритъ на меня насмѣшливо-прищуренными глазами. И вдругъ вся эта вереница призраковъ, точно сброшенная злой, ужасной силой съ громадной высоты, упала въ бездну... Я сдѣлалъ надъ собой усиліе, чтобы опомниться, но не успѣлъ глазъ протереть, какъ тутъ же на диванѣ забылся болѣзненнымъ, тяжелымъ сномъ. Снилось мнѣ, что въ сумерки я пробирался по топкому болоту. Кругомъ кусты тальника уныло шумѣли подъ напоромъ вѣтра... Таинственно шныряли летучія мыши... Вдали дико стонала какая-то ночная птица, и во всей окружающей природѣ чувствовалось не то ожиданіе, не то тревога, какъ передъ надвигающейся грозой. Со мной шелъ Розовъ; онъ указывалъ мнѣ путь, но я не поспѣвалъ за нимъ. Ноги мои вязли въ болотѣ. Онъ протянулъ мнѣ холодную и липкую, какъ у лягушки, руку. Я съ отвращеніемъ оттолкнулъ ее, взглянулъ въ его большіе на выкатѣ глаза и тутъ только замѣтилъ, что передо мной совсѣмъ не мой школьный товарищъ, а толстая лягушка съ отвислымъ сѣроватымъ брюхомъ. Я хочу бѣжать, но отъ ужасныхъ гадовъ и отвратительныхъ лягушекъ нѣтъ спасенья. Они кишатъ кругомъ и жалобное, страстное кваканье ихъ доносится издали изъ громаднаго озера, уснувшаго въ вечерней холодной мглѣ... Вдругъ раздался выстрѣлъ! Въ испугѣ я вскочилъ

и бросился къ окну. Мимо съ крикомъ, гамомъ, пронеслись двѣ тройки. Въ темнотѣ я успѣлъ разглядѣть лишь каски и блестящія пуговицы у сѣдоковъ. Мнѣ показалось, что больше всѣхъ кричалъ исправникъ, Въ комнатѣ было очень темно, свѣчи догорѣли. Должно быть, я проспалъ часовъ шесть и съ просонокъ не могъ найти выходныхъ дверей. Я позвалъ станціоннаго писаря. Онъ вошелъ, держа свѣчу въ дрожащихъ старческихъ рукахъ и прищуривъ заспанные глаза.

— Что случилось? Кто выстрѣлилъ сейчасъ? Зачѣмъ кричали?

— А это нашъ баринъ Анатолій Ивановичъ съ нынѣшняго дня изволили закуралесить. А ужъ коли начали, такъ запьютъ мертвую чашу-съ. Теперь недѣли на три пойдетъ потѣха. Иной разъ ночью подымется такой переполохъ и пальба изъ револьверовъ, точно вотъ непріятель подступилъ къ городу. А то еще пожарныхъ по тревогѣ соберетъ и примутся какъ будто тушить пожаръ. Сегодня Анатолій Ивановичъ на домъ купца Хабардина съ пожарными нагрянули,—тутъ по близости; только черезъ улицу. Ну, теперь шабашъ! побьютъ стекла въ домѣ купчишки и напугаютъ бабъ. Вотъ пошла работа! Изволите слышать?

Что за безобразіе?! Я просто не вѣрилъ своимъ ушамъ: съ улицы доносились женскіе крики, позвякиваніе колокольчиковъ, слова команды, стукъ разбитыхъ стеколъ, говоръ народа. Зарева не было видно, и это еще усиливало непріятное впечатлѣніе отъ безобразной сцены.

— Вамъ, должно быть, съ непривычки это ка-

жется страннымъ, а мы, здѣшніе старожилы, и удивляться такимъ дѣламъ перестали,—замѣтилъ станціонный писарь, точно угадавъ мои мысли.

— То ли еще бывало. Однажды господинъ Розовъ съ пожарными изволили-съ нагрянуть на домъ, гдѣ играли свадьбу, такъ, вѣрите-ли, такой переполохъ вышелъ, что чуть смертоубійствомъ дѣло не кончилось. Съ перепугу, подвыпившіе гости стали бить окна и прыгать на улицу. Одного уже за городомъ поймали безъ фуражки и налегкѣ одѣтаго, а морозъ былъ градусовъ въ сорокъ. Невѣста въ обморокъ упала. Лампу въ суматохѣ опрокинули, и на женѣ казначея платье загорѣлось. Хорошо еще, что скоро потушили. А нашему барину все нипочемъ: „хочу, говоритъ, испытать исправность пожарной команды... Я въ городѣ хозяинъ. Я за все отвѣчаю". Вотъ и говорите съ нимъ послѣ этого!

— Да есть же у васъ и на него начальство,— возразилъ я. — Какъ же терпятъ подобныя безобразія?

— Начальство-то есть, какъ не быть, только далеко оно, и опять же...—Тутъ писарь хитро улыбнутся и замолчалъ. По выраженію его лица я понялъ, что онъ видалъ виды на своемъ вѣку, случайно, по волѣ злой судьбы, очутился въ городѣ Хавронскѣ и умѣетъ держать языкъ за зубами. Мнѣ захотѣлось поближе взглянуть на странную сцену тушенія воображаемаго пожара, и я отправился къ дому купца Хабардина.

Тамъ переполохъ былъ страшный. Анатолій Ивановичъ неистовствовалъ, размахивая нагайкой,

оралъ на публику и пожарныхъ, заставляя ихъ ломать двери и окна и заливать внутренность дома водой. Въ нѣсколько часовъ этотъ спокойный толстякъ превратился въ какого-то бѣсноватаго. Лицо его побагровѣло, глаза налились кровью. Хриплымъ голосомъ онъ отдавалъ безумныя приказанія. Какая-то полуодѣтая женщина пыталась удержать его. Рядомъ плакала молоденькая перепуганная дѣвушка и ругался „потерпѣвшій" купецъ. Въ собравшейся толпѣ раздавались крики негодованія и смѣхъ. Прибѣжалъ городской голова, съ виду, по странной игрѣ природы, очень напоминавшій изображеніе Дмитрія Самозванца, и вступилъ въ ярыя пререканія съ блюстителемъ порядка, оспаривая его право самовольно распоряжаться городскимъ пожарнымъ обозомъ. Дѣло чуть не дошло до рукопашной, но въ это время Анатолій Ивановичъ замѣтилъ меня и съ распростертыми объятіями кинулся ко мнѣ.

— Школьный другъ, старина, приди ко мнѣ на грудь!—завопилъ онъ:—эти скоты меня не понимаютъ, ты одинъ видишь мою душу насквозь... Пойми, какой я несчастный человѣкъ! Я здѣсь одинъ стою на стражѣ порядка и прогресса. Такъ погодите же, я всѣмъ вамъ такой прогрессъ покажу, что чертямъ тошно станетъ... „Соберемтесь, друзья, въ эту ночь веселѣй!" — заоралъ онъ вдругъ хриплымъ голосомъ старинную студенческую пѣсню.

Я поспѣшилъ скрыться отъ школьнаго товарища. Скоро потомъ утихли крики, и пожарные, позвякивая колокольчиками, проѣхали обратно.

VIII.

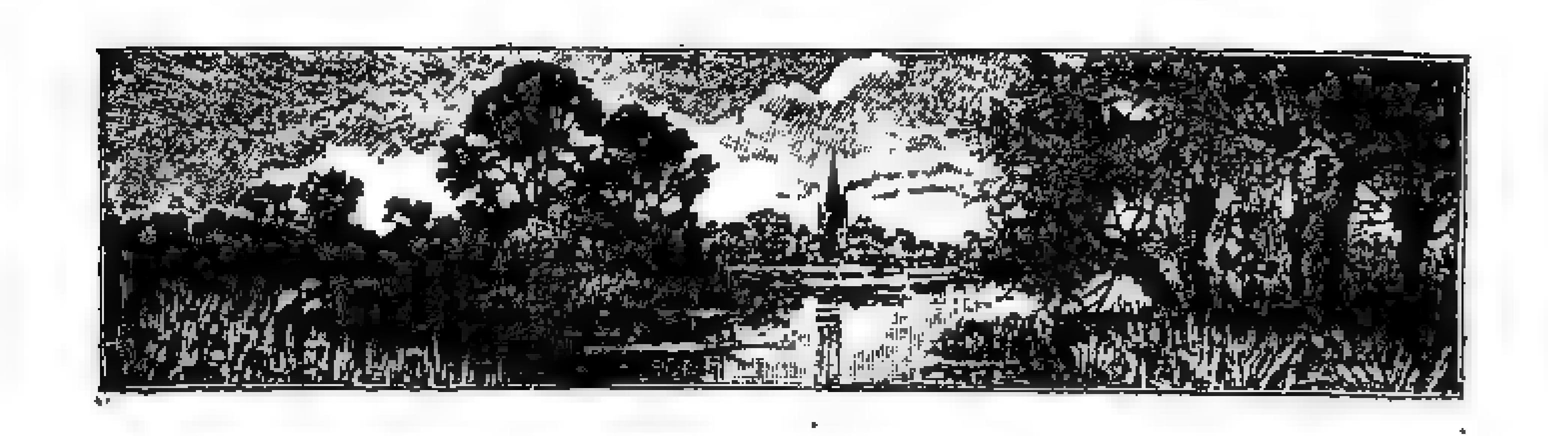
На зарѣ я уѣхалъ и въ дальнѣйшихъ моихъ странствіяхъ мнѣ не довелось ни разу заглянуть въ Хавронскъ; но корреспонденціи изъ этого богоспасаемаго города изрѣдка появляются и понынѣ въ газетахъ, и всякій можетъ съ удовольствіемъ убѣдиться изъ нихъ, что все тамъ идетъ по старому и что городъ Хавронскъ, въ смыслѣ твердости и солидности, не чета какому-нибудь Парижу. гдѣ что ни день, то новость, гдѣ министерства мѣняются, какъ перчатки, и гдѣ совершается столько легкомысленныхъ поступковъ. Что̀ сталось съ Розовымъ, Аполлоновымъ и Желтобобовымъ, не знаю. Можно, однако, впередъ предсказать, что ни въ характерѣ ихъ, ни въ судьбѣ не произойдетъ особенной перемѣны. Пѣсня ихъ спѣта...

Уѣзжая, я въ послѣдній разъ съ любопытствомъ взглянулъ на злополучный городъ. Кругомъ царило печальное безмолвіе, какъ на заброшенномъ кладбищѣ. Даже на ярмарочной площади не было еще движенія. Изрѣдка лишь сквозь снѣговой флеръ поднимавшейся вьюги, въ бѣлесоватомъ полумракѣ пробуждающагося зимняго дня, словно тѣни, мелькали молчаливые, закутанные прохожіе. Продрогшій часовой уныло стоялъ, прислонившись къ полосатой будкѣ, у воротъ острога. Черезъ нѣсколько мгновеній, городъ навсегда исчезъ изъ глазъ моихъ. А въ чистомъ полѣ меня встрѣтила со стонами настоящая сибирская пурга̀ и забросала лицо снѣговыми хлопьями. Окрестность словно подерну-

лась туманнымъ покровомъ и закружилась въ порывахъ бѣшенаго бурана. Лошади съ трудомъ бѣжали по плохо протоpенной дорогѣ. Сани ныряли въ сугробахъ, подобно утлому челну среди расходившихся морскихъ волнъ. Кругомъ, на десятки верстъ, тянулись извилистые громадные хребты снѣговыхъ валуновъ. Мѣстами, среди нихъ, подобно одинокому утесу, возвышался обнаженный вѣтромъ холмъ; виднѣлся вдали угрюмый лѣсъ, обрызганный серебристымъ инеемъ и хлопьями снѣга. По временамъ изъ мутной, глухой дали выплывала невѣдомая деревня, полузавѣянная снѣгомъ и словно уснувшая послѣ страды тяжелымъ сномъ. Изрѣдка лишь попадался навстрѣчу проѣзжій; слышался отдаленный людской говоръ, да рѣзкое карканье запоздалой вороны, ищущей ночлега. Какой-то дикой, меланхолической нотой раздавался лай деревенскихъ собакъ. И опять все замирало въ безбрежной снѣговой пустынѣ; звуки терялись; рѣзкія очертанія тонули въ снѣговыхъ волнахъ и густомъ свинцовомъ туманѣ. Вьюга прошла лишь на другой день, и со стонами ея точно угасли послѣдніе проблески жизни. Какое безмолвіе въ степи, какъ все неподвижно! Вечеромъ, при мрачномъ багровомъ отблескѣ заката, и ночью, когда окрестность засверкала въ холодномъ синеватомъ полусвѣтѣ луны, на все легъ еще болѣе грустный отпечатокъ, еще неопредѣленнѣе стали очертанія и оттѣнки, еще рѣзче чувствовалась безпощадная, подавляющая сила стужи, еще привѣтливѣе сверкали огни сквозь тусклыя окна почтовыхъ станцій

и крестьянскихъ избъ, словно напоминая о жизни тихой, незамѣтной, придавленной. А дальше опять мракъ, безлюдье, холодъ... Оледенѣвшій колокольчикъ звенитъ отрывисто, глухо, и отзвукъ его тихимъ, надорваннымъ стономъ раздается въ снѣговой пустынѣ...

АМУРСКІЕ ЛИХАЧИ.

(*Изъ путевыхъ воспоминаній Неволина*).

I.

У Сибири есть своя Сибирь, куда ссылаютъ провинившихся сибиряковъ, и своя Аркадія, страна непочатыхъ богатствъ и необузданнаго веселья для беззаботныхъ амурскихъ лихачей. Мѣста отдаленныя даже отъ мѣстъ отдаленныхъ, настоящая Сибирь даже для сибиряковъ, это — Гижига, Вилюйскъ, Туруханскъ: сибирская Аркадія — это Амурскій и Уссурійскій край. Глухо и тихо на берегахъ Амура зимой, осенью и ранней весной. Какъ будто невѣдомая исполинская рука загромоздила эту страну на тысячи верстъ горами, крутыми, громадными утесами и глыбами льда. Усталаго путника охватываетъ странное чувство чего-то невыразимо-печальнаго и грознаго при видѣ гранитныхъ стѣнъ, посеребреныхъ инеемъ и отвѣсно поднимающихся надъ скованными стужей струями быстрой рѣки. Тамъ даже нѣтъ настоящей колес-

ной дороги; приходится съ трудомъ пробираться верхомъ, по узкой тропинкѣ, чрезъ высокія горы, овраги, рытвины, горные ручьи и первобытные лѣса, или же—по льду замерзшихъ рѣкъ. Но лѣтомъ, когда ледъ стаетъ, когда могучій Амуръ величественно зашумитъ въ крутыхъ берегахъ и засверкаетъ широкой, безконечной лентой, въ сіяніи лучезарныхъ знойныхъ дней, когда горы и утесы изукрасятся зеленью,—тогда можно подумать, что это и въ самомъ дѣлѣ Аркадія, страна тихаго счастія и беззаботной любви, особенно, если глядѣть издали, въ бинокль, съ рубки парохода...

Какъ живописно разбросаны по горамъ большія села и станицы въ роскошной ярко-зеленой рамѣ лѣсовъ; какъ красиво глядятъ группы людей, одѣтыхъ подчасъ въ жалкіе лохмотья, издали кажущіеся яркимъ, живописнымъ нарядомъ; какъ торжественно звучитъ въ праздники надъ широкой зеркальной поверхностью рѣки звонъ церковныхъ колоколовъ; какъ интересны появляющіяся изрѣдка группы дикарей, съ серьгами въ носу, на своихъ первобытныхъ лодкахъ! Ахъ, если бы можно было всегда созерцать жизнь, какъ сцену, издали, въ бинокль, лишь слегка волнуясь ея болѣзнями и радостями!..

II.

Но мнѣ, по неволѣ, пришлось взглянуть поближе на жизнь приамурскихъ селъ въ самую тяжелую пору, ранней весной, въ мартѣ мѣсяцѣ, и грозный видъ убогой, глухой, заброшенной страны поразилъ меня. Въ иныхъ селахъ нельзя было достать

даже куска съѣдобнаго хлѣба; такъ и видно, что разумный человѣчный бытъ здѣсь еще только зарождается: лѣса еще расчищаются подъ пашни; села, построенныя на заранѣе указанныхъ мѣстахъ, очень часто заливаетъ водою; поселенцы, бо̀льшею частію, загнаны сюда злосчастною судьбою; мѣстные казаки, это—потомки штрафованныхъ солдатъ, которые цѣлой массой, въ нѣсколько тысячъ, были присланы сюда, по занятіи Амура, изъ Европейской Россіи. Изрѣдка лишь мнѣ попадались большія богатыя села свободныхъ переселенцевъ да сектантовъ, крѣпкихъ своей духовною связью.

Я ѣхалъ на перекладныхъ, изъ Чпты во Владивостокъ, по льду рѣкъ Ингоды, Шилки и Амура. Эта первобытная дорога съ каждымъ днемъ ста новилась ненадежнѣе, а вьючная тропа, проложенная по берегу, до такой степени непроходима, что странствовать по ней можно только развѣ ради сильныхъ ощущеній. Я торопился, чтобы избавиться отъ этого удовольствія.

Въ одно прекрасное теплое утро, я прибылъ на почтовую станцію Хлобыстово, потребовалъ самоваръ, и расположился отдохнуть въ станціонной комнатѣ. Какъ хорошъ такой роздыхъ! Иной разъ. во время труднаго пути, свиданіе наединѣ съ меланхолически шумящимъ самоваромъ, пріятнѣе любовной встрѣчи. Чтобы испытать всю сладость подобныхъ свиданій, надо проѣхать предварительно тысячи четыре верстъ на перекладныхъ. Невольно я замечтался, тѣмъ болѣе, что и вся обстановка, живо напоминавшая тѣ безхитростные годы, когда ѣзда на перекладныхъ процвѣтала повсюду и стан-

ціонные смотрители нещадно избивались лихими гусарами,—увлекала подъ таинственную сѣнь прошлаго. Комната отличалась стариннымъ своеобразнымъ комфортомъ, который поражалъ въ такой отдаленной глуши: какая-то вычурная ветхая мебель, очевидно, привезенная издалека; на окнахъ горшки съ тощей зеленью, на стѣнахъ—старинныя гравюры изъ „Евгенія Онѣгина" и „Кавказскаго плѣнника". Мое раздумье прервалъ старичокъ, станціонный смотритель, съ лицомъ, словно выхваченнымъ изъ давно минувшаго, совсѣмъ подстать всему убранству комнаты. Онъ вошелъ тихо, какъ тѣнь, и какъ-то встревоженно, нерѣшительно объявилъ, что лошадей наготовѣ нѣтъ.

Я потребовалъ станціонную книгу, чтобы провѣрить это заявленіе.

— То есть лошади есть,—совсѣмъ перепугался старикъ,—но дать вамъ ихъ не могу, ни за что не могу, хотѣлъ бы очень, да никакъ этого невозможно.

— Почему?—удивился я.

— Да вотъ сами посмотрите...

— Чего же мнѣ смотрѣтъ?

— Нѣтъ, посмотрите, посмотрите, а то мнѣ большая непріятность бываетъ изъ-за лошадей отъ господъ проѣзжающихъ.

Онъ повелъ меня во дворъ, гдѣ я увидѣлъ поистинѣ печальное зрѣлище.

На обширномъ, огороженномъ пространствѣ, въ грязи, валялось около 20 лошадей, тощихъ, какъ знаменитыя коровы фараона. Съ голоду онѣ изгрызли даже ограду и хвосты другъ у друга.

Сердце мое невольно сжалось: видно, не только людямъ, но и лошадямъ жутко приходится въ Сибири!

— Нѣсколько штукъ павшихъ я ужъ вывезъ,— заявилъ со слезами на глазахъ старичокъ-смотритель.

Я долженъ былъ убѣдиться въ томъ, что сѣно, овесъ, хлѣбъ, мясо, яйца нерѣдко, въ неурожайныя годы, достигаютъ въ селѣ Хлобыстовѣ цѣнъ, баснословныхъ даже для Лондона и Парижа. Содержатель почтовой станціи сбѣжалъ, потерпѣвъ, вслѣдствіе несообразныхъ цѣнъ, значительные убытки и бросивъ на произволъ судьбы лошадей и повозки. Особенно, вновь открытые по близости, золотые пріиски въ конецъ подорвали хозяйство: жители бросились на легкую наживу.

— Чего жъ еще?—негодовалъ старичокъ, самъ вѣрно голодавшій вмѣстѣ съ лошадьми, — если хорошая партія пріисковыхъ рабочихъ оставитъ въ селѣ по лавкамъ да кабакамъ тысячъ десять рублей?! Зачѣмъ имъ работать, проклятымъ мужланамъ, при такой торговлѣ!

Онъ рѣзко выразилъ свое нерасположеніе къ мѣстному крестьянству. Старикъ помнилъ еще крѣпостное право, служилъ лѣтъ тридцать, сначала— въ Россіи, а потомъ, соблазнившись прогонами, уѣхалъ на службу въ мѣста отдаленныя. Какъ всѣ старые служаки, онъ былъ насквозь пропитанъ аристократизмомъ. Сибирь больше всего возмущала его, какъ страна, по преимуществу, демократическая.

— По нашей смотрительской должности, вся-

кія непріятности бываютъ отъ господъ проѣзжающихъ, — заключилъ онъ свои жалобы, — ну, да прежде, вотъ какъ я служилъ въ русскихъ губерніяхъ, все же проѣзжающіе были почище, а здѣсь всякій мужикъ норовитъ оскорбить. Вотъ тутъ, только что передъ вами, пріѣхалъ золотопромышленникъ съ приказчикомъ, такъ чего только я отъ нихъ не перенесъ! Того не хотятъ понять, что если лошадей нѣтъ, то я тутъ не виноватъ.

Замѣтивъ, что я не собираюсь ни ругать его, ни бить за неимѣніе лошадей, бѣднякъ совсѣмъ развеселился и повѣдалъ мнѣ всѣ свои безхитростныя печали и радости.

Наконецъ, я долженъ былъ прервать его болтовню: надо было торопиться. Я послалъ за такъ называемыми вольными лошадьми. Послѣ двухчасовыхъ поисковъ, нашли крестьянина, который соглашался ѣхать, но потребовалъ за перегонъ въ 23 версты—20 рублей. Это почти по рублю за версту. Я послалъ къ другому.

— Сколько хочешь за пару лошадей подъ мои сани до слѣдующей станціи? Только, братъ, не запрашивай, говори прямо настоящую цѣну, – предупредилъ я.

— Меньше пятнадцати рублей никакъ невозможно,—отвѣчалъ тотъ рѣшительно.

Я былъ просто пораженъ такимъ несообразнымъ требованіемъ.

— Ничего не подѣлаете: меньше, какъ за пятнадцать рублей, теперь никто не поѣдетъ, — сегодня ужъ день такой,—злобно замѣтилъ смотритель по уходѣ изъ комнаты несговорчиваго крестьяни-

на.—Народъ ужъ въ нашемъ селѣ такой. Зачѣмъ ему трудиться везти васъ, когда, примѣрно, мужъ отдастъ пріисковому рабочему жену свою на прокатъ дня на два,—вотъ у него и есть 40 рублей въ карманѣ, не считая угощенія, да и лошадь гонять не надо. Ну, ужъ эти пріиски. Одно слово—язва.

III.

— Вздоръ ты, братецъ, говоришь,—вмѣшался въ нашъ разговоръ вошедшій въ это время золотопромышленникъ, тотъ самый, про котораго такъ непріязненно отозвался смотритель:—не язва—пріиски, а богатство для края. Заработокъ какой! Хорошій рабочій тысячу рублей съ подъемнымъ *) золотомъ выработаетъ на хозяйскихъ харчахъ. По 100, 200, а то и 300 рублей задатку получаютъ. Вотъ извольте взглянуть на улицу, какъ гуляютъ пріисковые,—обратился онъ ко мнѣ.—Кстати, позвольте познакомиться, мы, кажется, въ одну сторону ѣдемъ. У меня тамъ, въ низовьяхъ Амура, дѣльце маленькое затѣялось, пожалуй, милліонъ-другой очистится. Вотъ ѣду устроить его. Я—золотопромышленникъ Сусаловъ.

Я тоже назвалъ себя.

— Служите? Хорошее это дѣло—служба,—спокойно, во всемъ порядокъ... А вотъ у меня сколько хлопотъ съ моими пріисками... Къ слову сказать, приказчикъ мой запилъ, оттого и сижу здѣсь, а

*) *Подъемнымъ золотомъ* называется то золото, которое рабочій найдетъ въ видѣ куска.

тутъ каждый день, быть можетъ, тысячу рублей стоитъ. Что подѣлаете? По настоящему, прогнать бы его надо за это. Не одну ужъ онъ мою тысячу пропилъ! А все какъ будто жалко, ну, и прощаешь... Э, да это никакъ онъ и оретъ,—прервалъ вдругъ Сусаловъ свои разглагольствованія, заслышавъ крики съ улицы;—вотъ натрескался, извергъ, и все на мои денежки!

Мы вышли на крыльцо почтовой станціи.

У противоположнаго кабака въ это время разыгралась отчаянная драка. Побѣда нѣкоторое время колебалась. Наконецъ, двое побѣжденныхъ стремглавъ скатились съ крыльца и увязли въ уличной грязи, а торжествующіе побѣдители поспѣшили вернуться въ вертепъ.

Дверь съ трескомъ захлопнулась за ними.

— Ракаліи! — оралъ одинъ изъ побѣжденныхъ, весь перепачканный, съ искаженнымъ отъ ярости лицомъ:—кто смѣетъ меня гнать?! Я самъ ма-а-гу уйти... Я въ Сербіи подъ Дюнишемъ былъ, да ушелъ, и отсюда уйду. За-а-хочу и уѣду... Въ Москву... У меня тысяча рублей есть—ма-а-гу я уѣхать, али нѣтъ? Сказывай!

— Пойдемъ, — тащилъ его товарищъ, по виду мѣстный обыватель, — къ женѣ моей пойдемъ... Сдѣлай твою милость, пойдемъ. Жена не смѣетъ намъ препятствовать... всякое удовольствіе сдѣлать должна... Такъ ли я говорю?

— Нѣтъ, стой. Ѣду. Прощай, братъ!.. Въ Москву... Все въ дрребезги!.. Покидаю дѣтей маленькихъ, сиротъ, жену раскра-а-савицу, рррумынку!.. Уважь, братъ, не оставляй хоть ты ихъ, си-и-ротъ

горремычныхъ!.. — разразился вдругъ говорившій хриплыми воплями.

Его спутникъ, сильно растроганный, что-то сочувственно промычалъ въ отвѣтъ. Отъ избытка чувствъ и крайне неожиданнаго поворота мыслей, оба даже остановились посреди улицы и вытаращили другъ на друга недоумѣвающіе глаза.

— Вотъ, будьте свидѣтелемъ, каковъ мой приказчикъ, какъ онъ мои тысячи швыряетъ, варнакъ! Съ кѣмъ я связался, а? – едва переводя духъ отъ ярости, пробормоталъ злополучный золотопромышленникъ.

Видно было, что онъ вовсе не чувствуетъ особенной жалости къ своему приказчику, какъ увѣрялъ меня за минуту до этого; а, напротивъ, готовъ не только прогнать его при первой возможности, но даже сжить со свѣта. Толстое, на первый взглядъ, добродушно-лукавое лицо Сусалова, вдругъ приняло такое хищное выраженіе, а въ блѣдно-сѣрыхъ рыбьихъ глазахъ выразилось столько непримиримой ненависти къ гулящему молодцу, что у меня возникло невольно подозрѣніе насчетъ ихъ отношеній. Тутъ чувствовалось что-то неладное. Являлось сомнѣніе, дѣйствительно ли одинъ изъ нихъ золотопромышленникъ, а другой — его приказчикъ, трудно было рѣшить, что это за люди.

Вся сцена чрезвычайно меня заинтересовала, особенно пропитанный насквозь алкоголемъ и пылкими чувствами „доброволецъ“, онъ же и приказчикъ золотопромышленника, словомъ, загадочная личность во всѣхъ отношеніяхъ, о чемъ краснорѣчиво свидѣтельствовала и его мощная, нѣсколько даже

разбойничья внѣшность,—лицо замѣчательной животной красоты, хотя и искаженное порокомъ, глаза блестящіе; густые вьющіеся волосы... Одѣтый въ дорогое платье, совсѣмъ не какъ приказчикъ, и въ то же время оборванный и перепачканный, какъ спившійся съ круга рабочій... Но что̀ всего удивительнѣе, — несмотря на покрывавшую его грязь, въ немъ сказывался человѣкъ, пожившій всласть и вполнѣ извѣдавшій прелесть богатства. Подобную черту удается иногда подмѣтить даже у промотавшихся и окончательно опустившихся кутилъ.

Видно было сразу, что этотъ человѣкъ потерся немало по свѣту и привыкъ подкрѣплять свои силы водкой, беззаботно странствуя по тернистымъ путямъ жизни. Надо полагать, больше съ пьяныхъ глазъ онъ попалъ и подъ Дюнишъ, — благо тогда не жалѣли угощенія. Сколько съ тѣхъ поръ прошло лѣтъ, сколько всевозможныхъ мытарствъ прошелъ онъ, пока наконецъ очутился здѣсь, на другомъ концѣ свѣта! Отъ Дюниша до Хлобыстова не близко. Но, впрочемъ, есть у насъ такія беззаботныя птицы, которыя не сѣютъ, не жнутъ, а шмыгаютъ по Россіи и сыты, и пьяны, ибо благодѣтельная длань не оскудѣваетъ. Для нихъ ровно ничего не сто̀итъ забраться на другой конецъ свѣта. Маховъ (такъ звали приказчика), несомнѣнно принадлежалъ къ подобной беззаботной породѣ. Я поинтересовался узнать, неужели у этой птицы есть жена и дѣти, о которыхъ онъ плачетъ, вспоминая о разлукѣ съ глубокой тоской, и спросилъ объ этомъ Сусалова.

— Вретъ онъ, собачій сынъ: никакой жены нѣтъ и не было никогда; у чужихъ женъ, можетъ и есть его дѣти, — вѣдь рожа смазливая, а совѣсти нечего и спрашивать, ему легко, проклятому, къ чужой женѣ подмазаться.

Я по неволѣ расхохотался,—чего человѣкъ плачетъ о женѣ и дѣтяхъ?

— А вотъ спросите его,—отвѣчалъ мнѣ въ сердцахъ Сусаловъ.—Надо полагать, по трогательности своихъ чувствъ. Теперь бѣда ужъ, если заговорилъ о румынкахъ да гречанкахъ,—значитъ, сейчасъ на стѣну полѣзетъ, на людей станетъ кидаться. Я его нравъ знаю. Опять вязать надо, а то и не довезу даже на мѣсто. Вѣрите ли, вотъ такъ всю дорогу съ нимъ маюсь. Сколько разъ вязать приходилось! Соберешь это человѣкъ десятокъ, дашь имъ нѣсколько рублей, скажешь — вяжите его да бока ему хорошенько намните, окаянному, не жалѣйте. Ну, прибьютъ, —потомъ охаетъ, недѣли на двѣ притихнетъ; вотъ тутъ его и везешь, а какъ оправился, — опять за прежнее: засядетъ къ кабакѣ и ни съ мѣста... не ѣдетъ! Бросилъ бы его давно, да жаль: пропадетъ человѣкъ. По добротѣ своей прощаю...

— Скажите, что онъ, дѣйствительно былъ подъ Дюнишемъ?—прервалъ я ламентаціи Сусалова.

— Да что — подъ Дюнишемъ! Въ Парижѣ, въ Римѣ былъ, вотъ онъ каковъ! — махнулъ тотъ досадливо рукой.

Въ эту минуту Маховъ увидѣлъ злополучнаго золотопромышленника и устремился къ нему.

— Деньги давай!

— Что ты со мной дѣлаешь! - взмолился тотъ:— мало я тебѣ далъ развѣ?

— Мало! Давай еще. А! тебѣ жалко? такъ вотъ плевать мнѣ на твои деньги, кровопивецъ! вотъ!

Маховъ съ яростью вытащилъ изъ кармана горсть ассигнацій, швырнулъ ихъ въ грязь и затеръ ногою.

— Господи! и за что жъ ты меня покаралъ?— воскликнулъ въ отчаяніи Сусаловъ, забывъ при такомъ поруганіи денегъ свою роль богатаго и великодушнаго золотопромышленника.— Нѣтъ, видно, ничего съ нимъ не подѣлаешь, опять вязать надо,— порѣшилъ онъ дрожащимъ отъ злобы голосомъ и побѣжалъ отыскивать охотниковъ скрутить молодца.

А Маховъ, доказавъ вполнѣ свое пренебреженіе ко всѣму на свѣтѣ: и къ деньгамъ, и къ хозяину, и къ своей собственной особѣ, и испуская по этому случаю радостные крики, направился въ сопровожденіи своего товарища въ сосѣдній кабакъ.

Тамъ, вѣроятно, и разыгралась развязка странной сцены. Мнѣ не удалось быть ея очевидцемъ, и разгадку удивительныхъ отношеній золотопромышленника къ его беззаботному приказчику поневолѣ пришлось отложить до слѣдующей встрѣчи съ ними.

Въ ожиданіи лошадей, я долго просидѣлъ на крыльцѣ почтовой станціи, отъ нечего дѣлать глазѣя на крошечную, но шуструю жизнь невѣдомаго, глухаго села. Наступилъ тихій весенній вечеръ, до такой степени тихій и свѣтлый, что даже житейская грязь захолустья какъ-то скрасилась, словно проникнутая ласковыми лучами заходящаго солнца.

Село Хлобыстово, по случаю прохода разгульныхъ пріисковыхъ партій, приняло оживленный, праздничный видъ. По длинной улицѣ, протянувшейся версты на три по берегу Амура, сновали толпы рабочихъ; говоръ и крики звонко раздавались въ вечернемъ воздухѣ. Печальные, болѣзненные образы мрачной, разгульной жизни шумной вереницей проносились передо мною...

Вотъ на крыльцѣ кабака усѣлся какой-то парень, съ раскраснѣвшимся лицомъ, въ состояніи полнѣйшаго блаженства, и безжалостно теребя хрипѣвшую гармонію, характернымъ пьянымъ фальцетомъ затянулъ разудалую пѣсню:

Жилъ я въ Брестѣ и въ Одестѣ,
Много денегъ прокутилъ...

Пѣсня совсѣмъ не сибирская. Какъ она прошла черезъ необъятную матушку-Русь изъ одной страны свѣта въ другую? Быть можетъ, ее принесъ сюда какой-нибудь неугомонный парень, пожившій всласть на своемъ вѣку и скованный, наконецъ, за свое удальство по рукамъ и по ногамъ; быть можетъ, въ послѣдній разъ спѣлъ онъ ее съ отчаяннымъ варнацкимъ весельемъ въ глубокомъ тяжеломъ мракѣ рудниковъ...

А вотъ другая картина: по улицѣ, взбивая грязныя брызги, несутся дровни, запряженныя тройкой лошадей, увѣшанныхъ желтыми, голубыми и пунцовыми лентами; рослые бородачи съ крикомъ и хохотомъ гонятъ ихъ во всю прыть по уличной грязи... А дальше показалась странная процессія: нѣсколько рабочихъ, еще не пропившихся до конца. усѣлись верхомъ на своихъ товарищей, уже спу-

стившихъ все до послѣдней полушки, и ѣдутъ торжественно по улицѣ, распѣвая что-то и съ наслажденіемъ наигрывая на гармоникѣ. Шумъ, гвалтъ, хохотъ, ревъ и восторгъ... Не правда ли, такъ могутъ веселиться или беззаботныя дѣти, или люди глубоко, страшно несчастные. Мнѣ вспомнилась вдругъ „пляска смерти". Въ грозные, давно минувшіе годы, когда чума, язва и холера опустошали цѣлыя страны, люди, которыхъ еще не успѣла коснуться рука смерти, въ изступленіи отъ ужаса и горя, съ хохотомъ отчаянія старались забыться въ чудовищной оргіи. И вотъ теперь я увидѣлъ людей, которые также безумно жаждутъ забвенія во что бы то ни стало. Да, эта пьяная толпа рабочихъ доживаетъ свои послѣдніе красные дни: ихъ ждетъ чудовищный, не человѣческій трудъ, который до такой степени тяжелъ, что является лишь медленной, насильственной агоніей,—трудъ пріисковаго рабочаго, продающаго себя за глотокъ водки и мгновеніе безшабашнаго разгула. Этотъ трудъ созданъ неумолимыми горными постановленіями, не признающими ни праздниковъ, ни отдыха,—ничего, кромѣ золота; постановленіями, уравнивающими человѣка съ рабочими животными. Ради золота здѣсь все приносится въ жертву. Пусть гибнутъ люди, пусть надрываются ихъ внутренности отъ лошадинаго труда и льется кровавый потъ,—золото дороже крови!

И вотъ, чѣмъ ближе роковой день, тѣмъ безумнѣе веселье пріисковыхъ рабочихъ. Вотъ, наконецъ, пропита и послѣдняя копѣйка, прошла послѣдняя минута безумной свободы и веселья;

рабочіе собрались на пріиски; ихъ окружаютъ кордономъ казаковъ, съ нагайками и шашками, для того, чтобы задержать контрабандный спиртъ, прогнать даже тѣнь свободы, отнять у рабочаго всякую возможность напиться, забыть горе въ винѣ, за которое онъ готовъ расплатиться своею кровью. Начинается трудъ, который непрерывно, не исключая воскресеній, тянется втеченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Многіе не выдерживаютъ и задыхаются подъ его гнетомъ, а остающіеся въ живыхъ уже не въ силахъ перенести свободы, какъ узникъ, привыкшій къ непрерывному мраку каземата, не переноситъ свѣта. Они сознаютъ отдыхъ лишь въ изступленіи и, при первой возможности, спѣшатъ напиться. Водка для нихъ тоже, что кровь для тигра, вырвавшагося изъ клѣтки. Дорвавшись до нея, они приходятъ въ ярость. Извѣдавшій пріисковую жизнь рабочій уже не способенъ къ другой жизни и къ другому труду: онъ привыкъ къ мучительнымъ смѣнамъ дикаго разгула и неволи.

Долго длилось безшабашное веселье въ селѣ Хлобыстовѣ. Уѣзжая поздно вечеромъ, я еще слышалъ пѣсни и ликованіе толпы.

IV.

Послѣ двухнедѣльнаго утомительнаго странствованія, я прибылъ наконецъ въ городъ „Загорскъ" и остановился въ лучшей гостиницѣ „Римъ". Мнѣ казалось, будто я вышелъ на берегъ послѣ опаснаго морскаго переѣзда. Я до такой степени усталъ, что при одной мысли о теплой комнатѣ,

о мягкой постели, о самоварѣ и обѣдѣ — испытывалъ блаженную дрожь. Только бы доѣхать до города, а тамъ отдохну мѣсяцъ—два, утѣшалъ я себя въ трудныя минуты, когда сани погружались въ „наледь“ [1]), а не унывающій ямщикъ прибѣгалъ къ нецензурнымъ заклинаніямъ, какъ будто желая прогнать ими грозящую намъ опасность провалиться подъ ледъ. Наконецъ, послѣ многихъ опасностей, я попалъ въ давно желанную пристань. „Какъ пріѣдете — прямо въ „Римъ“, — совѣтовалъ мнѣ проѣзжающій, у котораго я разспрашивалъ, гдѣ лучше всего остановиться: — славная гостиница! Главное — уютно тамъ, весело, а хозяинъ, продувная бестія, всякому сумѣетъ угодить“. Затѣмъ, обыкновенно, слѣдовали заманчивые разсказы о пріятно проведенномъ времени.

Я убѣдился, что хозяинъ, дѣйствительно, „продувная бестія“, изъ породы сибирскихъ авантюристовъ. На счетъ же пріятныхъ свойствъ прославленной гостиницы я съ перваго шага долженъ былъ разубѣдиться. Мнѣ отвели жалкую конуру, съ однимъ окномъ, отгороженную отъ другаго такого же „номера“ тонкой досчатой перегородкой, оклеенной грязными и рваными обоями. Мебели почти никакой: крошечный досчатый столъ и стулъ, да простая кроват безъ матраца—вотъ и все.

— Какъ же я буду спать на доскахъ? Вы бы хоть матрацъ завели,—обратился я къ пріятному хозяину.

---

[1]) „Наледью“ называется вода, выступающая поверхъ льда во время сильныхъ морозовъ.

— Зачѣмъ матрацъ? — удивился тотъ. — Всякій спитъ, какъ ему хочется; другому, можетъ, еще на доскахъ-то пріятнѣе будетъ.

Я колебался, остаться ли здѣсь, или поискать комнату поудобнѣе въ другой гостиницѣ. Но, по общему отзыву, „Римъ“ считался лучшей гостиницей, а хозяинъ поспѣшилъ меня увѣрить, что у него я найду всегда самое избранное и пріятное общество, что матрацъ—это пустяки, а главное—буфетъ, гдѣ всегда можно выпить и закусить въ свое удовольствіе. Я рѣшилъ остаться.

Общество, дѣйствительно, оказалось самое избранное. Прежде всего я съ удовольствіемъ встрѣтилъ старыхъ знакомыхъ—Махова и Сусалова. Рядомъ съ ними жилъ какой-то угрюмый морякъ, которому пришла гибельная мысль проѣхать черезъ Сибирь на службу въ восточно-океанскую флотилію. Онъ давно спустилъ всѣ деньги и всякіе поверстные сроки и дошелъ почти до полнаго пренебреженія ко всему на свѣтѣ, такъ что и выражался больше всего междометіями и мычаніемъ. Затѣмъ, былъ еще какой-то французъ изъ Парижа, загнанный на Амуръ страстью къ наживѣ и приключеніямъ. Вслѣдствіе такого разнороднаго и страннаго общества, въ „Римѣ“, точно въ Бедламѣ, раздавались по временамъ какіе-то дикіе крики и царилъ лирическій безпорядокъ.

Я старался уединиться, забыть обо всемъ и спать какъ можно больше, избѣгая встрѣчъ даже съ интереснымъ золотопромышленникомъ и его приказчикомъ, изъ боязни какого-нибудь скандала. Особенно Маховъ смущалъ меня. Правда, я не видѣлъ

его теперь въ состоянiи полнѣйшей невмѣняемости, какъ недѣли двѣ тому назадъ на праздникѣ прiисковыхъ рабочихъ. Одѣтый въ чистое бѣлье и хорошее черное платье, онъ имѣлъ видъ вполнѣ приличный и даже представительный, такъ что, по внѣшности, его можно было принять за сибирскаго джентльмена, но въ его манерахъ чувствовалось что-то загадочное и даже угрожающее. Къ хозяину своему онъ выражалъ какое-то злобное презрѣнiе, при всякой возможности, не стѣсняясь присутствiемъ другихъ и не заботясь нисколько объ изяществѣ своей рѣчи. А Сусаловъ, хотя и блѣднѣлъ отъ злобы при его выходкахъ, но, видимо, заискивалъ въ немъ, стараясь замять ссору и скандалъ. Вслѣдствiе такихъ странныхъ отношенiй, по городу даже разнеслись слухи, что Маховъ—извѣстный разбойникъ, проживающiй по подложному виду, а мнимый золотопромышленникъ—не болѣе, какъ его пособникъ, слѣпое орудiе въ его рукахъ. Когда же, вскорѣ послѣ ихъ прiѣзда, ночью, въ одномъ изъ притоновъ было совершено звѣрское убiйство, и виновники, какъ водится, выскользнули изъ неумѣлыхъ рукъ полицiи, то разсказы о фантастической личности Махова достигли геркулесовскихъ столбовъ нелѣпости. Но самъ герой не обращалъ на нихъ ни малѣйшаго вниманiя и велъ себя съ самой восхитительной беззаботностью, то слишкомъ весело, то черезчуръ мрачно.

Вечеромъ его можно было видѣть уединенно сидящимъ въ углу общей залы, пьющимъ сосредоточенно рюмку за рюмкой и по временамъ испускающимъ какiя-то таинственныя яростныя воскли-

цанія: „душегубцы вы, іезуиты, прощалыги несчастные!“

Что онъ хотѣлъ этимъ выразить, угрожалъ ли кому, или просто щеголялъ бранными словами и наслаждался процессомъ крика—трудно рѣшить. А то вдругъ онъ погружался въ сугубое молчаніе и дремоту. Точно обдумывая труднѣйшіе философскіе вопросы, сидѣлъ онъ безмолвно по цѣлымъ часамъ, низко понуривъ голову, и затѣмъ внезапно выпрямлялся и, хлопнувъ по столу рукой съ видомъ великаго изобрѣтателя, произносилъ многознаменательную фразу: мудрецъ сказалъ: да!—и съ необыкновеннымъ глубокомысліемъ и даже вдохновеніемъ тутъ же выпивалъ большую рюмку очищенной, не удостаивая при этомъ слушателей объясненія, что именно хотѣлъ сказать мудрецъ. Одно было ясно, что онъ скучаетъ отъ бездѣйствія и готовится къ рѣшительнымъ подвигамъ.

Недоставало лишь искорки, чтобы загорѣлась исторія. Такая искорка вскорѣ нашлась. Однажды, въ общую залу гостиницы вошелъ только-что пріѣхавшій офицеръ. Какъ и всякая новая личность, онъ сразу обратилъ на себя вниманіе, тѣмъ болѣе, что и во внѣшности его, и въ манерахъ чувствовалось что-то фатовское и въ то же время болѣзненное. Словомъ, на первый взглядъ человѣкъ очень интересный. Лицо замѣчательное: глаза большіе, голубые, какъ-то странно свѣтлые; черты изящныя и правильныя; на щекахъ нѣжный пушокъ юности; на вискахъ, сквозь нѣжную кожу, просвѣчивали тонкія синеватыя жилочки. Наружность самая скромная, нѣжная, свѣжая, привле-

кательная, а движенія порывистыя, нервныя, и рѣчь какая-то неестественная, развязная, напряженная...

Всѣ удивились, какъ могъ онъ пріѣхать въ такое время, когда по Амуру нѣтъ почти никакого пути. Онъ отвѣчалъ, что проѣхалъ послѣднія 200 верстъ по вьючной тропѣ верхомъ, и разсказалъ, какъ однажды, ночью, заморенная почтовая лошадь поскользнулась и упала вмѣстѣ съ нимъ въ оврагъ, откуда онъ едва выкарабкался. „Дорога, впрочемъ, не дурна, очень живописна,—заключилъ онъ свой разсказъ, — да на здѣшнихъ жалкихъ лошадяхъ ѣздить верхомъ непріятно. То ли дѣло у насъ въ Туркестанѣ“!..

Болтая такимъ образомъ, онъ усѣлся за столъ и, слегка морщась, выпилъ нѣсколько рюмокъ въ ожиданіи обѣда. Въ это время, съ важнымъ видомъ вошелъ Сусаловъ и, какъ будто не замѣчая пріѣхавшаго, усѣлся къ нему спиной. Нужно замѣтить, что золотопромышленникъ, видимо, чванился своимъ мнимымъ или дѣйствительнымъ богатствомъ, держалъ себя, по возможности, спѣсиво и не упускалъ случая хвастнуть, — впрочемъ, въ отсутствіи Махова,—тѣмъ, что онъ открылъ такіе пріиски въ низовьяхъ Амура, какихъ еще, пожалуй, никто и не открывалъ. Пріѣзжему прапорщику поведеніе и личность Сусалова, вѣроятно, не понравились. Злобно закусивъ губы, онъ подозвалъ хозяина гостиницы.

— Скажите, пожалуйста, что это за оселъ? — спросилъ онъ съ наивной любознательностью, указывая на Сусалова.

— Это золотопромышленникъ одинъ,—понизивъ голосъ, отвѣчалъ перепуганный и растерявшійся хозяинъ, которому Сусаловъ успѣлъ внушить величайшее почтеніе своими разсказами про новооткрытыя богатства.

— А, золотопромышленникъ! — замѣтилъ невозмутимо прапорщикъ.—Извините, пожалуйста,—обратился онъ къ Сусалову, — я принялъ васъ за осла, судя по внѣшности, а между тѣмъ вы золотопромышленникъ... Извините — я всѣхъ вообще золотопромышленниковъ очень уважаю...

Шутка была не замысловата, но веселая компанія разразилась смѣхомъ, и сконфуженный Сусаловъ накинулся на хозяина за то, что тотъ допускаетъ въ свою гостиницу такихъ неприличныхъ господъ.

— Онъ что ли приличный?! — воскликнулъ на это задорный прапорщикъ.

— Господинъ, офицеръ, примите мою чувствительнѣйшую благодарность за то, что вы этого хвастуна такъ ловко отбрили! — воскликнулъ въ восторгѣ Маховъ, подходя къ пріѣзжему.—Люблю молодцовъ, до смерти люблю! Позвольте съ вами выпить.

— Вонзаешь?—спросилъ его тотъ, выразительно щелкнувъ пальцами по горлу.

— Охо, хо, хо! А ты?

— Неукоснительно.

Послѣ такого краткаго, но выразительнаго разговора, они вполнѣ поняли другъ друга, и самое нѣжное, трогательное чувство соединило ихъ неразрывными узами, къ величайшему отчаянію зло-

получнаго Сусалова. Вскорѣ они куда-то исчезли на цѣлыя сутки.

Пріѣзжій прапорщикъ Лялинъ, прозванный въ гостиницѣ „Лялей“, поселился какъ разъ рядомъ со мной, такъ что насъ раздѣляла лишь тонкая досчатая перегородка, не доходившая даже до потолка. Къ нему переселился и его новообрѣтенный пріятель Маховъ. Дружба ихъ заключалась преимущественно въ совмѣстномъ веселіи. Для бо́льшаго удобства, изъ комнаты была вынесена кровать, а на полу, устланномъ сѣномъ и сверху коврами, было устроено довольно своеобразное логовище. Вслѣдствіе такихъ остроумныхъ приспособленій, веселые пріятели на пространствѣ въ нѣсколько квадратныхъ аршинъ успѣли нагрѣшить гораздо больше, чѣмъ, напр., всѣ жители какого-нибудь благочестиваго нѣмецкаго княжества, пространствомъ въ нѣсколько квадратныхъ верстъ. Я былъ невольнымъ и невидимымъ свидѣтелемъ всего ихъ безобразья; сквозь тонкую перегородку, то и дѣло, слышалось щелканье пробокъ, смѣхъ, шопотъ, брань, храпѣнье, нѣжныя изліянія и любопытныя воспоминанія о пережитыхъ приключеніяхъ. Повидимому, оба пріятеля пользовались самымъ лестнымъ вниманіемъ со стороны прекраснаго пола. Лялинъ увѣрялъ, что, по крайней мѣрѣ, въ сорока городахъ онъ пріобрѣлъ самыя аристократическія связи и знакомства. Въ Туркестанѣ онъ даже дрался на дуэли съ мужемъ одной весьма интересной барыньки и былъ раненъ, въ доказательство чего показывалъ прострѣленный и заштопанный рукавъ сюртука.

Онъ вздыхалъ о томъ времени. Дуэль была самая пріятная, по его словамъ; послѣ дуэли барынька, не справляясь даже у докторовъ, признала мужа своего сумасшедшимъ, и въ теченіе трехъ недѣль, пока Лялинъ лежалъ больной въ постели, съ замѣчательнымъ самопожертвованіемъ ухаживала за нимъ. У Махова любовныя похожденія, тоже многочисленныя, были реальнѣе, проще и оканчивались прозаически — кулачной расправой. Вскорѣ воспоминанія эти какъ будто воплотились, и въ веселой комнатѣ послышались нѣжные голоса и серебристый смѣхъ. Очевидно, за неимѣніемъ приличной гостиной, пріятели нисколько не стѣснялись принимать своихъ гостей въ спальнѣ. Словомъ, я не имѣлъ ни минуты покоя. Иногда среди ночи меня будилъ Маховъ своимъ диковиннымъ голосомъ, въ которомъ чудесно совмѣщались: пѣнье пѣтуха, звукъ охотничьяго рога и хрипѣнье умирающаго. Онъ затягивалъ одну неизмѣнную пѣсню.

„Полно, братъ, молодецъ, ты вѣдь не дѣвица,
„Пей, пей, пей! Тоска пройдетъ!

И жалкая перегородка до такой степени дрожала отъ мощныхъ взмаховъ его руки, что мнѣ казалось — вотъ она упадетъ, и я вдругъ увижу себя въ веселой компаніи. Я рѣшился, наконецъ, уйти отъ нея и поискать гдѣ нибудь болѣе подходящую комнату, но, проходивъ совершенно напрасно нѣсколько часовъ, долженъ былъ убѣдиться, что „Римъ“—до нѣкоторой степени образецъ порядочности и комфорта въ сравненіи съ другими гостинницами, напоминавшими скорѣе

подозрительные притоны, гдѣ навстрѣчу мнѣ, то и дѣло, попадались какія-то чудовищныя женщины,—личности, точно заклейменныя каторгой, или же пьяная толпа пріисковыхъ рабочихъ. Такимъ образомъ, я прожилъ въ „Римѣ“ около четырехъ недѣль, надо сознаться, не особенно весело. За это время одинъ изъ обитателей веселой гостиницы — загадочный морякъ, который такъ неудачно странствовалъ по сухому пути, — скончался отъ удара, къ ужасу своего кредитора-хозяина. Это печальное событіе, однако, не произвело особенно тягостнаго впечатлѣнія на веселыхъ пріятелей. Они удовольствовались краткими размышленіями о бренности всего земнаго, о ничтожности человѣческой жизни въ сравненіи съ вѣчностью и о ничтожествѣ вѣчности въ сравненіи съ соленымъ огурцомъ; а затѣмъ, уже въ день похоронъ, вечеромъ, я услышалъ ихъ беззаботный смѣхъ и многозначительное щелканье пробокъ...

V.

Наконецъ, ледъ на Амурѣ тронулся. Втеченіе цѣлой недѣли громадныя льдины, словно стаи бѣлыхъ лебедей, плыли внизъ по широкой, быстрой рѣкѣ. Манило въ голубую, свѣтлую даль. Я считалъ дни въ ожиданіи отъѣзда.

— Завтра, я слышалъ, первый пароходъ отправляется, — заявилъ какъ-то разъ одинъ изъ посѣтителей гостиницы.

— А что, братъ, намъ бы и въ путь пора, — обратился заискивающимъ тономъ находившійся тутъ Сусаловъ къ Махову.

— Поѣзжай, если хочешь, а мнѣ и здѣсь пока хорошо,—отвѣчалъ тотъ невозмутимо, не обращая вниманія на то, что всѣ присутствующіе слушаютъ его съ любопытствомъ.

— Да какъ же такъ?—перепугался Сусаловъ.

— Да такъ. Подожди еще, чего торопишься! На все есть свое время. Намъ не на службу. Вотъ господину офицеру, — указалъ онъ на Ляллина,—такъ надо торопиться: съ военныхъ строго взыскиваютъ за просрочку, а онъ и то опоздалъ. Вотъ что, милліонеръ, дай ты ему за мой счетъ рублей 200. Да что, Вася, хватитъ съ тебя двухъ радужныхъ доѣхать до мѣста?—обратился онъ къ пріятелю.

— Оставь, оставь...—пробормоталъ сконфуженный и покраснѣвшій, какъ школьникъ, Лялинъ.

— Чего — оставь? Ты, Вася, не стѣсняйся; у насъ вотъ съ этимъ богатымъ золотаремъ свои счеты, а сколько я съ него ни возьму, все будетъ мало, и по гробъ онъ долженъ быть мнѣ благодаренъ. Что 200 рублей? — пустяки! а тебѣ надо же доѣхать. Я тебѣ, какъ другу, хочу службу сослужить. Самъ знаешь: жаль мнѣ съ тобой разстаться, вѣкъ бы свой вмѣстѣ прожилъ, да понимаю, что тебѣ ѣхать надо! Опоздалъ вѣдь?

— Оставь, оставь, не нуждаюсь я въ твоей услугѣ,—чуть не до слезъ растерялся Лялинъ.

Во время этихъ пріятельскихъ переговоровъ, Сусаловъ вздумалъ было благоразумно улизнуть.

— Ни съ мѣста! — остановилъ его Маховъ. — Помни мое слово — не дашь 200 рублей сейчасъ, такъ прощай, больше я не хочу никакого съ то-

бой дѣла имѣть. Найду я такихъ, что и тысячъ мнѣ не пожалѣютъ, а не то что какихъ нибудь двухъ жалкихъ радужныхъ, Должно быть—условіе наше позабылъ, что ли? Такъ не пеняй послѣ этого. Прощай!!

— Бери, разоритель, бери, — вытащилъ Сусаловъ дрожащими руками толстый бумажникъ.

— Такъ-то, братъ! выкладывай деньги на столъ. Да радуйся, что хорошее дѣло дѣлаешь: благородному офицеру содѣйствіе оказываешь...

— Я вамъ отдамъ, непремѣнно отдамъ, — пробормоталъ Лялинъ, окончательно уничтоженный.

— Ну, а теперь, великодушный золотопромышленникъ, скомандуй ты намъ бутылочки четыре шампанскаго, да кисленькихъ огурчиковъ на закуску. Надо же намъ сугубо выпить съ Васей передъ разлукой,—заявилъ преспокойно Маховъ.

— Что это—дневной грабежъ!?—не выдержалъ, наконецъ, Сусаловъ.

— Ну, не хочешь угостить, такъ мы и на свои выпьемъ. Эй, человѣкъ, полдюжины шампанскаго! Господа, кому угодно съ нами за компанію. Да послушайте, я вамъ разскажу потѣшную исторію, какъ я однажды ночью къ женѣ сусаловской пробирался...

— Не вѣрьте ему! Онъ все вретъ, — закричалъ побагровѣвшій Сусаловъ.

— Ладно! а ревешь-то чего, если это не правда?—продолжалъ безжалостно Маховъ.—И красавица же у него жена, я вамъ скажу; пожалуй, что и не видалъ я другой такой: тѣло нѣжное, кожа—настоящій бархатъ, а на шеѣ родимое пятнышко, да та-

кое хорошенькое, что вотъ цѣловалъ бы его безъ счету. И любитъ же онъ ее, въ бархатъ да въ шолкъ одѣваетъ. Понятно, долженъ расположеніе ея снискивать: лицомъ не взялъ, такъ хоть деньгами... Сами видите, какой красавецъ—настоящій мамелюкъ!

Сусаловъ внѣ себя, съ угрозами и ругательствами, выбѣжалъ изъ залы, при дружномъ хохотѣ веселой компаніи.

— Что ты ему рога наставилъ, это хорошо,—у мужей на то и лбы существуютъ; но зачѣмъ ты его еще обижаешь?—вступился, задыхаясь отъ смѣха, Лялинъ.

— Ничего, помиримся! Ужь на что мы поссорились, когда онъ меня у жены своей какъ есть въ натуральности засталъ, да и то помирились. У меня для него такая приманка есть, что онъ все броситъ и за мной пойдетъ... И потѣха же была, братцы, когда онъ меня у жены тогда засталъ! Заслышавъ шаги, спрятался я въ часовой шкафъ, сижу да потихоньку маятникъ рукой подталкиваю,—съ переполоху думалъ, что это я остановилъ ходъ, а часы-то ужь нѣсколько лѣтъ стояли и вдругъ — тикъ, тикъ... Онъ удивился, что за чудо, да въ шкафъ,—началъ Маховъ разсказывать ко всеобщей потѣхѣ старую избитую исторію со всѣми пикантными подробностями.

Мнѣ стало наконецъ противно, и я ушелъ къ себѣ на верхъ.

Въ коридорѣ я столкнулся съ Сусаловымъ, расхаживавшимъ въ величайшемъ волненіи.

— Вы ему не вѣрьте, все вретъ,—намекнулъ онъ

на скандальный разсказъ Махова:—еслибы вы видѣли мою жену, вы убѣдились бы сами, что это невозможно.

— Конечно, вранье,—постарался я его успокоить.

— Что онъ тамъ еще разсказывалъ?—спросилъ растерянно Сусаловъ, причемъ, дрожавшій, какъ въ лихорадкѣ, подбородокъ его краснорѣчиво свидѣтельствовалъ о томъ, что несчастный уже не вѣритъ больше въ добродѣтель своей жены.

— Кажется, ничего особеннаго: впрочемъ, я не слышалъ.

— Что мнѣ съ нимъ дѣлать?!.

— Вызовите его на дуэль...

— Нѣтъ, вы не шутите, скажите откровенно, что вы сдѣлали бы на моемъ мѣстѣ?

— Что жь я могу сказать, когда я даже не знаю, каковы ваши отношенія съ нимъ, и что это за человѣкъ,—попытался я вызвать его на откровенность.

— Да что? такой человѣкъ, что каторги ему не миновать, повѣрьте слову—не миновать! Онъ, быть можетъ, на своемъ вѣку не одного человѣка убилъ!

— Неужели! Да какъ же это прошло безнаказанно?

— Выпутался, деньги водились...

— Разскажите, въ самомъ дѣлѣ, какъ это было?

— Нѣтъ, не могу, узнаете сами послѣ...

— Да скажите, по крайней мѣрѣ, откуда онъ? Купецъ?

— Какое!—сынъ чернорабочаго! А вы по виду приняли его за купца? Дѣйствительно, сразу его не раскусишь. Нахалъ! А былъ онъ всего комнатнымъ мальчикомъ на побѣгушкахъ въ одной прі-

исковой резиденціи, да понравился выжившей изъ ума старухѣ владѣтельницѣ. Она и въ люди его вывела. Обучала его, одѣвала, какъ принца! Съ собой въ Петербургъ увезла, а потомъ за границу... Вотъ тутъ-то онъ и показалъ себя. Накуролесилъ столько, что большихъ денегъ всякій разъ стоило дѣло замять. Такъ онъ всю Европу прошелъ со скандаломъ! Въ Парижѣ, въ Вѣнѣ, въ Римѣ, въ Венеціи, въ Неаполѣ былъ. Одѣвался настоящимъ графомъ, вездѣ почета требовалъ, въ толпу червонцы цѣлыми пригоршнями швырялъ. Шутка сказать –въ одинъ годъ слишкомъ полмилліона ухнулъ! Старуху совсѣмъ до сумашествія довелъ. Самъ мнѣ все разсказывалъ, хвастался, что билъ ее не разъ, а она въ немъ души не чаяла, — не то что состоянія, — жизни, кажется, своей не пощадила бы. Надо такъ полагать, онъ и вогналъ бы ее въ гробъ, да сыновья вступились. Видятъ—дѣло плохо: состояніе, хотя и громадное, начинаетъ трещать, золото таетъ, аки воскъ отъ лица огня, и запретили управляющему пріисками высылать деньги за границу. Старуха требуетъ, грозитъ согнать съ мѣста, а управляющій одно твердитъ:—нѣту денегъ, все впередъ забрано! Какъ-прожились они за границею, — продалъ онъ ея брилліянты, да на послѣднія деньги въ резиденцію и пріѣхали. Его, конечно, и не узнать. Вы видѣли, каковъ онъ теперь;—что же тогда было, когда сотнями тысячъ ворочалъ... важность-то какая, осанка! Позвалъ онъ управляющаго пріисками, у котораго прежде въ мальчонкахъ состоялъ, да какъ раскричится на него: „ты какъ смѣешь доходы задержи-

вать,—пріиски должны милліонъ въ годъ приносить. Гдѣ деньги? отчеты сейчасъ сдать и вонъ; я другаго управляющаго назначаю, у меня на это есть полная довѣренность отъ владѣтельницы".— „Ладно, посмотримъ, кому изъ насъ вонъ идти"— говоритъ управляющій. А въ это время входитъ исправникъ и арестуетъ важнаго барина. Онъ драться, да живо скрутили. Люди ужь были наготовѣ: только и ждали голубчика, пока онъ за деньгами изъ заграницы пріѣдетъ. Сыновья старухи съ управляющимъ ловко все дѣло устроили. Исправникъ три тысячи взялъ только за то, чтобы спроводить молодца. Намяли ему бока, спѣсь-то барскую повышибли, довѣренность отняли, пригрозили судомъ уголовнымъ за разныя растраты, въ случаѣ если отъ старухи не отстанетъ; дали ему тысячу рублей на дорогу, въ родѣ какъ бы отступнагò, да и ступай, братъ, на всѣ четыре стороны. Потѣха! Все это мнѣ разсказалъ одинъ человѣчекъ, который въ то время на пріискѣ ихнемъ служилъ. Шумъ-то какой былъ, на всю окрестность... Старуха совсѣмъ рехнулась, какъ уѣхалъ возлюбленный, долго потомъ его розыскивала. Тѣмъ временемъ онъ въ Москвѣ по гостинницамъ послѣднія денежки пропилъ, а другой-то такой теплой старухи ужь не нашелъ. Тутъ, на его счастье, сербская кампанія подошла, понадобились всѣ пропойцы да сумасброды, — вотъ его подхватили да вмѣстѣ съ партіей и отправили.

— Прекрасно,—прервалъ я его,—да вы-то не старуха вѣдь, — зачѣмъ вы ему деньги безъ счету даете, а онъ васъ же оскорбляетъ?

— А, тутъ совсѣмъ другой резонъ! У меня на то свой разсчетъ есть.

— Да какой же тутъ разсчетъ, если онъ ваши деньги въ грязь швыряетъ?

— Такое ужъ ему во всемъ счастье... Вернулся онъ изъ Сербіи, а ужъ для него опять 40,000 рублей чистоганомъ готово. Старуха-то, умирая, ему завѣщала, въ банкъ на его имя внесла. Видно, бѣда научила его уму-разуму: какъ получилъ онъ деньги, часть только въ Петербургѣ растратилъ, а на остальныя составилъ пріисковую партію да и отправился по Сибири золота искать. Исходилъ онъ низовья Оби и Енисея, два года по тайгѣ скитался—ничего! А на Амурѣ, наконецъ, повезло—въ низовьяхъ такой пріискъ открылъ, что теперь и не счесть тѣхъ богатствъ, какія тамъ заключаются: работы на нѣсколько десятковъ лѣтъ хватитъ!—заключилъ онъ въ такомъ страстномъ волненіи, какъ будто уже видѣлъ предъ собою груды блестящихъ полуимперіаловъ.

— Да вы почемъ знаете, что онъ пріискъ открылъ? Видѣли сами, были съ нимъ? — полюбопытствовалъ я.

— Помилуйте, да у меня формальное условіе съ нимъ на этотъ пріискъ заключено, планы есть... Не все ли равно? Вотъ, посмотрите сами.

Онъ показалъ условіе, и мнѣ оставалось лишь подивиться, до какой степени можетъ быть легковѣренъ человѣкъ, ослѣпленный страстью къ наживѣ.

— Однако, что же это такое!—удивился я, прочитавъ условіе:—здѣсь видно только, что вы дали

Махову 3,000 рублей задатку и затѣмъ обязываетесь давать ему и впредь деньги на его надобности въ счетъ будущихъ благъ отъ пріисковъ. Тутъ даже не обозначено, сколько именно уплачивать и въ какіе сроки. Онъ съ васъ можетъ сейчасъ сто тысячъ потребовать. .

— Зачѣмъ? Ему столько не надо.

— Однако, тутъ отмѣчено, что вы уже выдали ему слишкомъ 7,000 рублей, а между тѣмъ въ условіи не указано даже, гдѣ именно пріиски находятся.

— Ну, какъ же вы хотите, чтобы это въ условіи было обозначено,—тогда другіе могли бы мѣсто пріисковъ узнать и заявить ихъ на свое имя. Это тайна,—у меня секретный планъ есть.

— Да вѣдь можно какой угодно планъ нарисовать.

— Какъ такъ?!—поблѣднѣлъ встревоженный Сусаловъ,—я самъ видѣлъ песокъ оттуда, отличный песокъ...

— Ну, это ничего не доказываетъ: песокъ можно достать съ другихъ пріисковъ.

— Нѣтъ, ужъ это дѣло вѣрное, если купецъ Грузовъ въ него хотѣлъ пайщикомъ войти, только я его устранилъ — больше далъ. Грузовъ—извѣстный купецъ, его на мякинѣ не поймаешь...

— Ну, вотъ его и не поймали...

— Такъ что же по вашему—я долженъ послѣднихъ денегъ своихъ лишиться!—закричалъ съ перепугу Сусаловъ, забывъ въ эту минуту, что онъ передъ всѣми чванился своими милліонами.—Нѣтъ, это все вздоръ! Онъ долженъ мнѣ открыть прі-

иски, иначе я его въ яму засажу за обманъ,—въ кандалы его, варнака!

— Ну, вотъ онъ и укажетъ вамъ гдѣ-нибудь пески, содержащіе немного золота; больше по условію онъ ничѣмъ не обязанъ. А мало ли въ Сибири такихъ мѣстъ?.. Да вѣдь пески — пескамъ рознь: иногда золота въ пескѣ такъ мало, что и промывать-то его не стоитъ. Сами это лучше меня знаете.

— Нѣтъ, я шутить надъ собой не позволю. Тысячъ не пожалѣю, а довезу его до мѣста, отмѣченнаго по плану,—немного ужъ осталось... А какъ довезу, заставлю все какъ есть открыть! Найму людей, какъ въ тайгу на то мѣсто пойдемъ; хворосту приготовлю заранѣе и буду его до тѣхъ поръ пороть, пока настояще не укажетъ, гдѣ пріискъ. Я изъ него, варнака, правду вымотаю, если по доброй волѣ не захочетъ сказать!

— Да поймите, что же онъ вамъ скажетъ, если, можетъ быть, самъ ничего не знаетъ.

— Какъ же? Вдругъ—и планъ у меня, и песокъ оттуда... Тутъ шутить нельзя... Это что жъ такое...— бубнилъ Сусаловъ.

— Ну-съ, желаю вамъ успѣха; а денегъ не совѣтовалъ бы больше давать, пока не завладѣете пріискомъ.

— Эхъ, только бы завладѣть!.. Далъ бы я ему тогда сколько угодно денегъ, пусть лопаетъ водку. Ему только волю дать, такъ и году не проживетъ, сгоритъ... не выдержитъ.

— А вдругъ не сгоритъ, а будетъ пить да пить

въ свое удовольствіе? Много попудныхъ [1]) придется платить...

— Нѣтъ, не выдержитъ, ужъ я его знаю: ему только дать водки вволю, не препятствовать ни въ чемъ,—живо съ собой покончитъ...—Сусаловъ такъ увлекся мыслью споить своего товаращa и остаться единственнымъ владѣльцемъ фантастическаго пріиска, что пренаивно открылъ мнѣ все свое нутро, не чувствуя ни малѣйшаго смущенія.

„Однако, въ интересную компанію я попалъ!"— невольно пришло мнѣ на мысль, когда я прощался съ золотопромышленникомъ.

X.

Я не успѣлъ уѣхать изъ Загорска съ первымъ отходящимъ пароходомъ; по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ пришлось остаться еще дня на три. Отчасти я былъ даже радъ этому: очень ужъ меня интересовала развязка курьезныхъ отношеній золотопромышленника къ его прикащику. Можно было ожидать, что дѣло выяснится скоро. Послѣ отъѣзда Лялина, Маховъ быстро „дошелъ до предѣла", такъ что Сусаловъ даже боялся заговаривать съ нимъ объ отъѣздѣ и только встревоженно посматривалъ на своего свирѣпаго товарища, который лишь изрѣдка появлялся въ гостинницѣ, на цѣлые дни исчезая въ разныхъ притонахъ.

[1]) Вознагражденіе, которое получаетъ, по условію, открывшій золотоносные пески съ пуда промываемаго золота.

— Скучаю, всѣмъ своимъ нутромъ скучаю по Васѣ!—оралъ Маховъ.

— Бѣда! Теперь онъ готовъ на себя руки наложить, или такую штуку выкинетъ, что его арестуютъ. Тогда все пропало,—пріисковъ не успѣетъ указать,—озабоченно шепталъ мнѣ Сусаловъ:—что тогда дѣлать?

— Не знаю, я бы на вашемъ мѣстѣ давно оставилъ бы все это дѣло.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, какъ вы полагаете, что онъ затѣваетъ?—приставалъ ко мнѣ Сусаловъ.

— Ну, этого, я думаю, онъ даже самъ не знаетъ,—успокоивалъ я его.

И дѣйствительно, на другой же день, Маховъ устроилъ дебошъ, встревожившій всю гостинницу своей дикостью и неожиданностью. Поздно ночью, когда я уже собирался спать, онъ вошелъ вдругъ въ мою комнату, съ лицомъ блѣднымъ, осунувшимся, съ блуждающими, осоловѣвшими глазами.

— Что вамъ надо?—спросилъ я его, нѣсколько удивленный и встревоженный.

Въ отвѣтъ онъ забормоталъ что-то, размахивая руками.

— Что вы за чертовщину говорите, почтеннѣйшій?—удивился я.

— По американски!—пресерьезно заявилъ онъ, продолжая размахивать руками и наступая на меня.

— Ну, это ужъ слишкомъ. Сейчасъ же вонъ отсюда!—не выдержалъ я наконецъ.

Но я плохо разсчиталъ, съ кѣмъ имѣю дѣло: при первой же моей попыткѣ защищаться, онъ пришелъ въ страшную ярость. Только теперь я

увидѣлъ, что онъ вооруженъ ножемъ и револьверомъ, картинно воткнутыми за шелковый пунцовый поясъ, стягивавшій его станъ поверхъ жилета.

Прежде чѣмъ я успѣлъ опомниться отъ непріятнаго открытія, онъ выхватилъ револьверъ и сталъ шагахъ въ трехъ отъ меня. Раздался выстрѣлъ... Я въ ужасѣ прислонился къ стѣнѣ и протянулъ впередъ руки. Положеніе мое было самое глупое: вдругъ онъ застрѣлитъ меня, даже не сознавая этого, какъ давятъ букашку, случайно попавшую подъ ноги. Какой вздоръ! И хуже всего, что у меня не было ни малѣйшей возможности защищаться: мой дорожный револьверъ былъ спрятанъ далеко, въ чемоданѣ; бѣжать у меня не хватало рѣшимости,—я боялся сдѣлать хоть одинъ шагъ ему на встрѣчу или повернуться къ нему спиной. Меня окончательно подавила мысль, что у него есть еще четыре пули въ револьверѣ.

Раздался опять выстрѣлъ, зазвенѣло разбитое стекло. А затѣмъ наступила тяжелая, непріятная тишина. Я слышалъ удары своего сердца. Между двумя выстрѣлами промежутокъ былъ, конечно, не великъ, но мнѣ показалось, что прошло, по крайней мѣрѣ, нѣсколько минутъ. Въ это время масса самыхъ ничтожныхъ и ненужныхъ мыслей пришла мнѣ въ голову, и, странно, я до такой степени былъ занятъ ими, что почти не видѣлъ стрѣлявшаго въ меня Махова. Вдругъ я вздрогнулъ, опомнился отъ щелканья курка по капсюлькѣ. Я понялъ, что всѣ заряды вышли, что я внѣ опасности, и поспѣшно выбѣжалъ изъ комнаты.

Выстрѣлы подняли на ноги всѣхъ въ гостин-

ницѣ. Черезъ нѣсколько минутъ, коридоръ наполнился перепуганными людьми: сбѣжалась вся прислуга, явился хозяинъ въ одномъ бѣльѣ и въ какой то ермолкѣ. Въ этомъ костюмѣ онъ поражалъ своимъ сходствомъ съ традиціоннымъ евреемъ, забавляющимъ публику въ балаганахъ на Марсовомъ полѣ въ праздники и во время масляницы. Къ нему присталъ съ разспросами авантюристъ-французъ, который долго не могъ уразумѣть, въ чемъ дѣло, и когда наконецъ понялъ, то выразилъ величайшее удивленіе и заявилъ, что непремѣнно напишетъ объ этомъ интересномъ случаѣ въ парижскія газеты. Сусаловъ, блѣдный, какъ полотно, растерянно повторялъ: „что теперь дѣлать, что дѣлать? Вѣдь, послѣ этого, варнака арестуютъ, непремѣнно арестуютъ“. Съ перепугу всѣ говорили чуть не шопотомъ, и долго никто не рѣшался первымъ войти въ роковую комнату: отъ меня узнали, что у Махова, кромѣ револьвера, былъ еще кинжалъ. Наконецъ, я открылъ дверь и поспѣшно вошелъ туда съ зажженной свѣчей. Какъ я ни былъ взволнованъ и разсерженъ предъидущей сценой, но картина, представившаяся глазамъ моимъ, заставила меня по неволѣ расхохотаться: револьверъ валялся на полу, рядомъ съ опрокинутымъ подсвѣчникомъ и потухшей свѣчей, а Маховъ спалъ мертвецкимъ сномъ, беззаботно развалясь на моей кровати. Заслышавъ мой смѣхъ, въ комнату юркнулъ хозяинъ и, ловко, какъ кошка, подкравшись, поспѣшно вытащилъ у Махова изъ-за пояса кинжалъ. Затѣмъ герой происшествія былъ вынесенъ прислугой на рукахъ, съ должнымъ

почтеніемъ, которое онъ успѣлъ имъ внушить своими „молодецкими“ подвигами.

XI.

На другой же день, утромъ, я, съ разрѣшенія капитана, перебрался на отправляющійся пароходъ Я разстался съ моими героями не безъ удовольствія, не выжидая даже развязки ихъ отношеній. Послѣдній скандалъ переполнилъ, наконецъ, чашу терпѣнія: надоѣли они мнѣ страшно своими безобразіями. Я счелъ безполезнымъ жаловаться полиціи на причиненное мнѣ безпокойство: зачѣмъ доставлять людямъ лишній случай сорвать взятку и замять дѣло, что значитъ одинъ подобный случай въ жизни города Загорска?

Уѣзжая, я испыталъ живѣйшее чувство радости, словно выпущенный изъ тюрьмы. Погода была свѣтлая, тихая. Пароходъ быстро скользилъ внизъ по широкой многоводной рѣкѣ. Прекрасны въ эту пору берега Амура; много воды, много зелени, много свѣта, простора. Гористая мѣстность представляетъ цѣлый рядъ разнообразныхъ, величественныхъ ландшафтовъ. Я вышелъ на рубку парохода и долго любовался на городъ, исчезавшій въ прозрачной розоватой дымкѣ тихаго весенняго вечера; на горы, то поднимающіяся крутымъ обрывомъ надъ зеркальной поверхностью воды, то убѣгающія вдаль громадной блѣдно-голубой цѣпью; на цвѣтущія роскошныя долины.

— Здравствуйте!—раздался вдругъ надъ моимъ ухомъ знакомый голосъ.

Я съ удивленіемъ оглянулся—Маховъ! Какъ онъ

попалъ на пароходъ? Въ минуту отъѣзда его не было видно. Я предполагалъ, что онъ непремѣнно томится теперь въ бѣлой горячкѣ, но онъ видимо оправился послѣ недавнихъ излишествъ: былъ совершенно трезвъ, одѣтъ хорошо, имѣлъ вполнѣ приличный видъ, и только нѣкоторая блѣдность указывала на недавнія похожденія.

— Кажется, я васъ вчера пугнулъ немного? Такая ужъ у меня скверная привычка,—какъ выпью, сейчасъ кинжалъ и револьверъ за поясъ, да и пошелъ... А отъ этого большія непріятности выходятъ.

— Да, очень скверная привычка!—согласился я.

Меня возмутило его спокойствіе. Человѣкъ чуть не застрѣлилъ меня, какъ зайца, да еще говоритъ объ этомъ самымъ спокойнымъ тономъ, даже не считаетъ нужнымъ извиниться, какъ будто онъ—воплощенная невмѣняемость, и все ему дозволено.

— Правда ли, что вы человѣка однажды застрѣлили?—спросилъ я его, желая хоть немного смутить.

— Что? это вамъ про меня Сусаловъ наговорилъ? Онъ радъ меня очернить,—отвѣчалъ Маховъ, и тутъ не обнаруживая ни малѣйшаго смущенія.

— Такъ, значитъ, это не правда?

— Нѣтъ, правда... и все отъ моей беззаботности... Была у меня, лѣтъ 8 тому назадъ, еще на пріискахъ, славная одна бабенка. Вотъ пріѣзжаю я однажды къ ней вечеромъ. Мужъ ея ужъ такъ былъ пріученъ:—какъ только я на порогъ, онъ сейчасъ, безъ лишнихъ разговоровъ, въ кабакъ отправляется... Ну, а тутъ почему-то заартачился;

пьянъ былъ, да еще съ товарищами сидѣлъ, такъ при нихъ не хотѣлъ, видно, срамиться.—„Пошелъ вонъ",—говорю ему.—А онъ мнѣ въ отвѣтъ даже выругался: „я дома, а ты чего ко мнѣ лѣзешь"?—Вотъ тутъ вынулъ я револьверъ, пригрозить ему хотѣлъ только.—„Вонъ, говорю, а то на мѣстѣ уложу".—„Не смѣешь"!—„Молчать... убью"! А онъ все свое твердитъ: „не смѣешь, живо тебя за это скрутятъ". Озлился я и хватилъ его. Не шелохнулся даже,—какъ подкошенный упалъ. Тысячъ пять стоило замять это дѣло.

Во время этого разсказа, я съ любопытствомъ созерцалъ Махова и—долженъ сознаться—не замѣтилъ въ немъ ни малѣйшей тѣни раскаянія въ томъ, что онъ совершилъ убійство. Скорѣе онъ хвастался: вотъ, дескать, что̀ я продѣлывалъ и какъ ловко изъ бѣды выпутывался. Что-то даже въ родѣ презрительной улыбки появилось на его губахъ при воспоминаніи объ уплаченныхъ, за безнаказанность, пяти тысячахъ. Онъ нисколько не стѣснялся разсказывать про это грязное дѣло, зная, что откровенность въ этомъ случаѣ не можетъ уже повредить ему.

— Надо просто удивляться, — продолжалъ я язвить его,—какъ это вамъ все удается. Долженъ вамъ сказать откровенно, что не понимаю, какъ это вамъ теперь удалось такъ легко выѣхать изъ Загорска, особенно послѣ вчерашняго происшествія.

— Ну, на этотъ счетъ я человѣкъ опытный, заранѣе сто рублей полицейскимъ пожертвовалъ, чтобы сквозь пальцы смотрѣли, если что такое

случится. Да и Сусаловъ тоже постарался: послѣ выстрѣловъ, сейчасъ побѣжалъ въ полицію хлопотать, чтобы меня не безпокоили. Очень ужъ испугался, что меня арестуютъ, а того не сообразилъ, что для него хуже, если я безъ него уѣду!— самодовольно захохоталъ Маховъ.

Какъ видно, мои намеки дѣйствовали на него также, какъ булавочные уколы на слона.

— Такъ, значитъ, вы совсѣмъ съ нимъ разстались?—полюбопытствовалъ я.

— Да, надоѣлъ онъ мнѣ: скряга! деньги просто вышибать изъ него приходилось. Все только и думаетъ, какъ бы поживиться на счетъ другихъ; хорошаго расположенія къ людямъ не имѣетъ. Ругалъ ужъ я его, ругалъ, да и надоѣло: все готовъ перенести, хитрецъ, а потомъ изподтишка нагадитъ въ отместку. Нельзя съ нимъ дѣла имѣть. Вотъ я его и бросилъ.

— Ну, вамъ-то, кажется, на него нельзя пожаловаться.

— А вы знаете наше дѣло?—спросилъ онъ.

— Знаю, Сусаловъ мнѣ все сказалъ. Вы съ нимъ хорошее условіе заключили.

— А что, развѣ дурно написано? Ничего онъ мнѣ по этому условію не сдѣлаетъ.

— Да, вы все хорошо обставили, — долженъ былъ я согласиться, — но, между нами, скажите откровенно: дѣйствительно ли вы открыли пріискъ?

— А, это секретъ... Послѣ узнаете. Покойной ночи,—прервалъ онъ непріятный разговоръ.

Уже совсѣмъ стемнѣло. Только привычный

глазъ рулеваго могъ различать неясныя очертанія далекихъ береговъ.

XII.

Послѣ нѣсколькихъ часовъ благополучнаго плаванія, рано утромъ, пароходъ присталъ у китайскаго или, вѣрнѣе, манджурскаго города „Айгунъ“ для нагрузки зерноваго хлѣба. Я удивился, когда узналъ про это: въ самомъ дѣлѣ, не странно ли, что мы покупаемъ у китайцевъ не только чай и шелковыя ткани, но даже хлѣбъ и мясо. — „Безъ этихъ азіатовъ мы бы здѣсь съ голоду померли“, отвѣчалъ на мой вопросъ капитанъ парохода. —„Ну, а въ случаѣ войны съ ними, что мы будемъ дѣлать? — „Да какъ-нибудь обойдемся: русскій человѣкъ все преодолѣваетъ. То-ли еще бывало. Вотъ, напримѣръ, во время севастопольской кампаніи, когда наши войска пробирались по этой странѣ въ стужу, тайгой, на защиту восточныхъ береговъ, — голодъ въ отрядѣ дошелъ до того, что мясомъ покойниковъ питались. Ничего, какъ есть, не было припасено“.

— Ну, ужъ этому позвольте не повѣрить! — воскликнулъ я.

— Какъ хотите, — возразилъ онъ мнѣ, — но только здѣсь это дѣло хорошо извѣстно. Еще очевидцы живы, да я самъ одного такого отставнаго солдата видѣлъ, который съ ужасомъ вспоминалъ бывальщину.

„Вотъ такъ сибирская Аркадія!—подумалъ я:— эдакая, вѣдь, беззаботность и непредусмотрительность во всемъ! Вѣдь что такое китаецъ въ

сравненіи даже съ амурскимъ казакомъ? Совсѣмъ отсталый человѣкъ, варваръ, азіатъ, а между тѣмъ онъ въ нѣкоторомъ родѣ образцомъ культурности является, онъ—кормилецъ! Просто обидно".

Я вышелъ на рубку парохода и созерцалъ въ бинокль городъ Айгунъ, съ перваго же взгляда поразившій меня своимъ сходствомъ съ муравейникомъ. Дома небольшіе, деревянные, потемнѣвшіе отъ времени и точно по мѣркѣ построенные. Даже храмы немного лишь возвышаются надъ общимъ уровнемъ. Въ большомъ городѣ, съ двумя-тремя десятками тысячъ жителей, нѣтъ ни одного выдающагося каменнаго строенія, ни одной башни. Даже крѣпость — деревянная, словно игрушечная. Улицы чрезвычайно узкія, правильныя, а по нимъ, точно муравьи, суетятся люди. Жизнь хлопотливая, трудолюбивая, такъ и кипитъ. Совсѣмъ муравейникъ! Очень мнѣ хотѣлось поближе взглянуть на него, но я не рѣшался идти одинъ.

— Пойдемъ азіатовъ смотрѣть, — весьма кстати предложилъ Маховъ, вышедшій въ это время на палубу.

Хотя въ своихъ скитаніяхъ по свѣту я вдоволь насмотрѣлся на всякихъ людишекъ и научился снисходительно относиться къ ихъ слабостямъ, однако, я не сразу принялъ предложеніе Махова. Не внушалъ онъ мнѣ большаго довѣрія, но изъ любопытства я рѣшился послѣдовать за нимъ.

— Я этотъ народецъ знаю,—болталъ онъ, пока мы сходили на берегъ: — я жилъ въ Ханькоу, немножко даже говорю по ихнему.

— Долго вы прожили тамъ?—спросилъ я.

— Нѣтъ, всего два мѣсяца. Ѣздилъ больше ради потѣхи, съ однимъ знакомымъ чайнымъ торговцемъ. Ну, и насмѣялись мы тогда вдоволь, глядя на этихъ лупоглазыхъ,—болталъ мой спутникъ.

Мы шли по гостиннымъ рядамъ, и Маховъ, точно ребенокъ, то и дѣло выкидывалъ какую-нибудь проказу: дѣлалъ странные жесты, говорилъ какія то смѣшныя слова, отъ которыхъ чинные китайцы приходили въ самое веселое расположеніе духа. Даже степенные купцы не безъ удовольствія скалили свои бѣлые зубы, причемъ ихъ типическія лица удивительно напоминали облики древнихъ фараоновъ, какъ они изображаются на картинкахъ.

Къ моему удивленію, китайцы нисколько насъ не дичились, смотрѣли даже довольно дружелюбно. Надо полагать, привыкли они къ посѣщеніямъ русскихъ. Одна сильно раскрашенная манджурская красавица, съ подведенными бровями, даже закричала намъ: „Анда (другъ), поди сюда!“ и нисколько не сконфузилась, когда Маховъ сталъ ее разсматривать въ упоръ. Оба захохотали. Насилу я увелъ моего спутника. Вскорѣ мы достигли ограды крѣпости; она представляла цѣлый лабиринтъ гнилыхъ бревенчатыхъ стѣнъ, мѣстами даже покривившихся, подобно заборамъ въ нашихъ заброшенныхъ уѣздныхъ городкахъ. На одномъ изъ обширныхъ дворовъ помѣщалась тюрьма—жалкая постройка съ досчатыми стѣнами, немного больше любой крестьянской избы. Три арестанта, въ тонкихъ, чуть не проволочныхъ кандалахъ, гуляли безъ всякаго присмотра по двору.

— Ну, не дураки ли? Чего они здѣсь сидятъ? Послушай, братъ, хочешь, я тебя на волю выпущу?— обратился Маховъ къ одному изъ нихъ и рванулъ цѣпь сильною рукою.

Арестантъ перепугался, даже закричалъ.

— Не хочешь? ну, какъ хочешь, братъ! — замѣтилъ Маховъ преспокойно.—Сиди здѣсь, если ты такой дуракъ; сиди, пока тебя не выдерутъ. У нихъ обыкновенно заключенныхъ чуть не еженедѣльно дерутъ,—пояснилъ онъ мнѣ,

И, дѣйствительно, всякія „воздѣйствія“ тамъ въ большомъ ходу. Не долго мы пробыли въ городѣ Айгунѣ и, однако, натолкнулись на отвратительную сцену. Въ одномъ изъ крѣпостныхъ четырехъугольниковъ, посреди обширной пустой площади, наказывали какого-то вора. При экзекуціи присутствовало всего лишь нѣсколько человѣкъ. Упругій бамбукъ, разгибаясь, свистѣлъ въ воздухѣ. Исполнявшій роль палача—тощій монголецъ—отмѣривалъ удары, точно аптекарь лекарство, не торопясь, внимательно, всласть. Къ моему удивленію, далеко не мягкосердый Маховъ вознегодовалъ, заругался и даже схватилъ за рукавъ одного китайца, убѣждая его прервать безпощадное избіеніе.

— Нѣй-тъ, нѣй-тъ,—отвѣчалъ тотъ степенно и невозмутимо, ломанымъ русскимъ языкомъ:—надо все давай!“.

Свистъ бамбуковой трости продолжался. Мы поспѣшили уйти. Маховъ долго не могъ успокоиться.

— Дураки! Гдѣ это видано, чтобы такъ человѣка бить? Нравъ у нихъ дурацкій: преступниковъ рѣ-

жутъ, какъ барановъ, тупымъ небольшимъ ножемъ; отогнетъ палачъ голову и пилитъ-пилитъ, пока горло не перерветъ. А за отцеубійство такъ на сто частей живьемъ человѣка разрѣзываютъ по жребію: на листочкахъ написано—носъ, глаза, уши... вытащитъ палачъ листикъ съ надписью: носъ,—рѣжетъ носъ и тутъ же по порядку раскладываетъ, пока всего человѣка не искрошитъ на мелкіе куски, а народъ стоитъ кругомъ и злобно гогочетъ... Самъ видѣлъ. Дураки, дураки!

Незамѣтно мы прошли наудачу нѣсколько пустыхъ дворовъ, огороженныхъ частоколомъ, и очутились, наконецъ, на какой-то улицѣ. Изъ ближайшаго дома до насъ доносился стукъ молотковъ и шумъ кузнечныхъ мѣховъ. Мы заглянули въ открытую настежъ дверь. Нѣсколько довольно рослыхъ китайцевъ, съ грубыми, покрытыми сажей, лицами, въ жалкихъ рубищахъ и въ оригинальныхъ соломенныхъ шляпахъ, небольшими молотами ковали раскаленное желѣзо. Они такъ были поглощены своею работою, что лишь мелькомъ взглянули на насъ. Напрасно Маховъ пытался вступить съ ними въ объясненія. Такъ и видно было, что люди хлопочутъ, какъ муравьи, что у нихъ ничего нѣтъ, кромѣ этого общаго муравьинаго дѣла, — ни любопытства, ни желанія покалякать между дѣломъ, подобно нашимъ рабочимъ. Мы поглядѣли-поглядѣли на нихъ и пошли дальше. Среди деревьевъ, разбросанныхъ группами, возвышались небольшіе домики и пагоды. Изъ одного домика, словно изъ улья, доносилось мѣрное жуж-

жанье. Подойдя ближе, мы разслышали звонкіе дѣтскіе голоса.

— Зайдемъ. Вѣрно, школа,—сказалъ Маховъ.

Старый китаецъ, учитель, читавшій что-то пѣвучимъ голосомъ по большой, потемнѣвшей отъ времени, книгѣ, при нашемъ входѣ всталъ, закрылъ книгу и, не говоря ни слова, слегка лишь кивнулъ намъ головою, удалился. Дѣти, повторявшія на распѣвъ его слова, примолкли и съ любопытствомъ уставились на насъ. Я не замѣтилъ въ нихъ ни малѣйшаго страха, какой, напримѣръ, обнаруживаютъ при видѣ незнакомаго человѣка крестьянскіе ребятишки; напротивъ, ихъ живые, темные глазенки такъ и бѣгали, такъ и искрились беззаботнымъ лукавствомъ; одѣты они, какъ взрослые, и даже шапочки ихъ были украшены, точно у мандариновъ, шариками, обозначавшими, вѣроятно, званіе ихъ родителей или ихъ собственные успѣхи въ школѣ. Мы не разговаривали, а только смѣялись и, однако, отлично понимали другъ друга; я угостилъ ихъ найденными въ карманѣ конфектами, и черезъ двѣ-три минуты мы уже были друзьями. Они обступили насъ; нѣкоторые, посмѣлѣе, засовывали даже руки въ мои карманы, съ любопытствомъ разсматривали мои часы и платье. Они отлично поняли, что мы—пріѣзжіе—интересуемся все видѣть, высмотрѣть, и одинъ, особенно бойкій, прехорошенькій мальчуганъ протянулъ намъ ладонь, знаками давая понять, что онъ готовъ быть нашимъ проводникомъ за приличное вознагражденіе. Получивъ еще горсть конфектъ и нѣсколько серебрянныхъ монетъ, дѣти окружили насъ шум-

ной ватагой и повели въ кумирню, возвышавшуюся въ нѣсколькихъ шагахъ отъ школы.

Вѣроятно, это былъ буддійскій храмъ, потому что на лицахъ боговъ блуждала безсмысленная, не то восторженная, не то отчаянная улыбка, вызванная мечтою о Нирванѣ. Въ преддверіи стояло шесть идоловъ, по три съ каждой стороны. Дальше мы увидѣли цѣлый сонмъ вылѣпленныхъ изъ глины, изваянныхъ изъ камня и отлитыхъ изъ серебра и бронзы боговъ, надъ единственнымъ жертвенникомъ у стѣны, напротивъ дверей. Внутри храма царили таинственный полумракъ и тишина. Дѣти перестали смѣяться и щебетать, лица ихъ приняли важный видъ. Храмъ стоялъ особнякомъ; простыя досчатыя двери были не заперты и настолько ветхи, что разломать ихъ не стоило большаго труда. Однако же, никто и не думалъ стеречь святыню отъ дерзкой руки. Я осмотрѣлся. Убранство самое простое, стѣны даже не выкрашены. Подойдя къ жертвеннику и опустивъ руку въ стоящую на немъ урну, я вытащилъ оттуда тоненькую продолговатую дощечку, испещренную китайскими буквами, но сейчасъ же бросилъ обратно, потому что дѣти испустили при этомъ единодушный крикъ ужаса и замахали руками. Маховъ, смѣясь, объяснилъ мнѣ, что на дощечкахъ начертана воля боговъ, и что лишь рука ламы дерзаетъ опускаться въ таинственную урну. Я замѣтилъ, что при этомъ онъ смѣялся какъ-то принужденно, повертѣлся еще около жертвенника и вдругъ началъ меня торопить поскорѣе на пароходъ.

— Насмотрѣлись, будетъ съ насъ. Пойдемъ, пора,

а то неравно еще опоздаемъ; не стоитъ съ этими азіатами здѣсь прохлаждаться.

Мы дружески простились съ бойкими ребятами и направились къ амурскому берегу. Не успѣли мы пройти и пятисотъ шаговъ, какъ Маховъ вдругъ опять расхохотался. Я полюбопытствовалъ узнать, что съ нимъ дѣлается. Вмѣсто отвѣта, онъ вытащилъ изъ-подъ полы пальто небольшое каменное изваяніе и опять быстро его спряталъ. Я сначала не понялъ даже, въ чемъ дѣло. Онъ продолжалъ смѣяться самымъ беззаботнымъ образомъ.

— Что вы? откуда... взяли?!—воскликнулъ я, наконецъ, прозрѣвъ и не на шутку испугавшись:—что вы надѣлали?!. Сейчасъ отнесите назадъ!

— Вотъ еще! Съ ума я сошелъ, что ли, туда-то нести: тамъ меня прибьютъ, какъ замѣтятъ. Нѣтъ, лучше я этого болванчика въ музей подарю; пусть люди смотрятъ, удивляются на него, и будутъ мнѣ благодарны. А что, ловко?—самодовольно захохоталъ онъ.

Дѣйствительно, ловко! Теперь только я понялъ, почему онъ такъ принужденно смѣялся въ храмѣ и старался больше держаться позади меня. Я былъ очень встревоженъ и разсерженъ. Надо было поскорѣе уходить на пароходъ. Я дрожалъ при мысли, что насъ застигнутъ съ похищеннымъ идоломъ.

— Пустяки,—успокаивалъ меня Маховъ:—въ китайскихъ портахъ сколько угодно такихъ же боговъ можно купить.

Но мнѣ было все-таки не по себѣ. А мой веселый спутникъ хоть бы что—шелъ медленно, беззаботно, оглядывался по сторонамъ, по прежнему

подшучивая надъ встрѣчными китайцами. Подошли мы къ одному дому, огороженному частоколомъ и окруженному довольно глубокимъ рвомъ. На небольшомъ мостикѣ у воротъ стояло что-то въ родѣ стражи, на видъ тѣ же штатскіе китайцы, но вооружены пиками и какимъ-то страннымъ, смѣшнымъ оружіемъ, состоящимъ изъ длиннаго шеста съ небольшой доской на концѣ, покрытой острыми гвоздями. У одного китайца, одѣтаго также просто, какъ и другіе, на шапочкѣ красовались шарики. Это былъ начальникъ караула. Онъ говорилъ немного по-русски, и отъ него мы узнали, что здѣсь живетъ самъ амбани.

— А мы въ гости пришли къ нему, хотимъ женъ его посмотрѣть,—заявилъ неугомонный Маховъ и направился было во дворъ.

— Амбани сердита,—загородилъ ему дорогу начальникъ караула.

— Я тоже, братъ, сердита,—толкнулъ его Маховъ.

Начался споръ. Напрасно я старался образумить и увести своего спутника. Онъ не привыкъ встрѣчать препятствій своему нраву, закричалъ, заругался, порываясь впередъ, и чуть не сшибъ съ ногъ караульнаго. „Быть бѣдѣ,—подумалъ я съ замираніемъ сердца.—Надо подальше!“ Не успѣлъ я отойти 20 шаговъ, какъ за мной раздался крикъ. Я невольно оглянулся. Маховъ съ остервененіемъ крошилъ наступавшихъ на него азіатовъ, стараясь вырвать у нихъ выпавшаго на землю, во время свалки, украденнаго бога, а издали я увидѣлъ бѣжавшую съ криками толпу ребятишекъ и школьнаго учителя во главѣ ея.

Сознаюсь, при этомъ зрѣлищѣ, сердце у меня дрогнуло, и, не думая нисколько о томъ, какъ постыдно бросать своего спутника на произволъ судьбы въ такихъ критическихъ обстоятельствахъ, я чуть не кубаремъ скатился съ довольно крутаго обрыва на песчаный берегъ Амура и что есть мочи побѣжалъ по направленію къ дымившемуся издали пароходу, съ усиліемъ выдергивая ноги изъ глубокаго сыпучаго песку.

Я успѣлъ какъ разъ во-время. Пароходъ отчаливалъ. Раздался послѣдній свистокъ. Я вбѣжалъ на рубку къ капитану и просилъ его остановить пароходъ въ ожиданіи моего спустника. Но я опоздалъ; приказаніе было уже отдано. Вода зашумѣла подъ колесами. Засуетились матросы.

— А развѣ вы не вмѣстѣ вернулись?—удивился капитанъ.

Я рѣшился разсказать ему про постигшее насъ несчастіе и просить, нельзя ли какъ-нибудь вернуться и выручить Махова.

— Поздно сказали. Да и не охота въ дѣло ввязываться: намъ то что? Пусть онъ и расхлебываетъ кашу, которую самъ заварилъ. Да-съ, невкусная каша вышла! Но ничего—урокъ... Убить его китайцы не посмѣютъ,—граница близко,—а бока намнутъ, это точно. Вещи его надо сдать на ближайшей пристани на сохраненіе, до востребованія. Однако, шутникъ же вашъ товарищъ: эдакую штуку удралъ!..

Больше я не встрѣчался съ Маховымъ.

XIII.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, уже въ сентябрѣ, я сѣлъ на одинъ купеческій пароходъ, отправлявшійся вверхъ по Амуру. Въ теченіе одного лѣта, проведеннаго въ сибирской Аркадіи, мнѣ пришлось испытать столько новыхъ и странныхъ впечатлѣній, что я совершенно забылъ про нашихъ знакомцевъ. Поэтому я очень удивился, когда одинъ изъ пассажировъ подошелъ ко мнѣ и протянулъ руку. Это былъ Сусаловъ. Я насилу узналъ его, до того онъ перемѣнился: исхудалъ, посѣдѣлъ, осунулся. Глаза его были воспалены, взоръ блуждалъ, какъ у маньяка. Онъ даже говорилъ словно не своимъ голосомъ

— Ну, что, какъ дѣла?—спросилъ я его.

— Эхъ, не говорите, много я за это время всякихъ трудовъ и непріятностей перенесъ. Ѣздилъ, знаете, на то мѣсто, указанное этимъ...

Онъ поперхнулся даже, лицо его исказилось страшной злобой, дыханіе сперлось.

— Знаю, знаю,—поспѣшилъ я его успокоить и облегчить неловкое объясненіе.—Ну, и что же, нашли?

— Мѣсто-то я какъ будто и нашелъ, да золота—будь онъ проклятъ—не могъ отыскать. Сколько шурфовъ выбилъ—напрасно! А что золото тамъ есть, это вѣрно. По мѣсту видно. Только на жилу настоящую не могъ попасть. Такое ужъ мое счастье! И до сихъ поръ не пойму я, почему это онъ мѣста настоящаго не захотѣлъ указать. Я бы ему все простилъ, я бы его облагодѣтельствовалъ. А

то—и меня какъ есть разорилъ, да и себя погубилъ, варнакъ!

— Какъ же онъ себя-то погубилъ?—спросилъ я, надѣясь услышать развязку извѣстнаго скандала въ городѣ Айгунѣ.

— А вотъ, какъ ушелъ онъ отъ меня,—совсѣмъ послѣ этого замотался. Другаго предпринимателя не успѣлъ сейчасъ найти, пріиски на себя заявить—средствъ не хватило. Спустилъ онъ послѣднія денежки, — ѣздилъ по Амуру и съ пассажирами на пароходахъ въ карты игралъ, да пьянствовалъ. Многимъ онъ карманы обчистилъ. Однако, вышла у него драка съ пассажирами... Силу и нравъ его, чай, знаете... До того дошло, что его тутъ же съ чемоданчикомъ на берегъ высадили...

— Да вы это почемъ знаете, гдѣ именно его высадили?—удивился я, что Маховъ такъ ловко выпутался изъ своего критическго положенія въ китайскомъ городѣ и еще успѣлъ послѣ этого опять напроказить.

— Сусаловъ, повидимому, ничего не зналъ про похожденія своего врага въ Айгунѣ, и я промолчалъ о нихъ, не желая подвергаться непріятнымъ разспросамъ.

Случилось это съ нимъ у Зеленаго острова,—отвѣчалъ онъ мнѣ: знаете Хинганъ? Тамъ и высадили разбойника. Это вѣрно. Мнѣ разсказывалъ знакомый, видѣвшій все дѣло.

— Да вѣдь это почти все равно, что убить человѣка!—воскликнулъ я въ негодованіи.

Я зналъ Хинганъ; случалось мнѣ тамъ охотиться. Это самое глухое мѣсто на Амурѣ; горы да лѣсъ

первобытный, изрѣдка лишь пересѣченный тропинками, но и тѣ вьются по такимъ крутизнамъ и дебрямъ, что пробраться по нимъ не легко, да и проложены онѣ больше дикими звѣрями, расхаживающими тамъ цѣлыми стаями. Тамъ даже дикіе кабаны и медвѣди дрожатъ за свое существованіе, потому что за ними охотится грозный тигръ.

— Ну, что жъ, что гибель?— отвѣчалъ мнѣ Сусаловъ: —такъ ему и надо, собакѣ. Собакѣ—собачья смерть.

— Ну, онъ все таки не былъ настолько дурнымъ человѣкомъ, чтобы отдавать его на съѣденіе дикимъ звѣрямъ,—вступился я за Махова.

— Ничего, цѣлъ останется! не безпокойтесь, — вмѣшался въ нашъ разговоръ одинъ изъ пассажировъ. — У насъ это не впервые: чуть что— сейчасъ на берегъ выбрасываютъ. Тутъ былъ одинъ артистъ, капитанъ компанейскаго парохода, такъ тотъ разъ высадилъ двоихъ пасажировъ за то, что неудовольствіе на буфетъ заявили. Не нравится дескать, такъ ступайте себѣ съ Богомъ по бережку. А то еще купецъ Пасынковъ—чудакъ! Согласился онъ взять на свой пароходъ одного пассажира, вотъ, примѣрно, какъ насъ теперь взяли за деньги, а тоже какъ будто изъ милости:—не обязаны, дескать, мы возить пассажировъ, потому пароходъ купеческій, а беремъ потому, что на то наша добрая воля. Ну-съ, вотъ, какъ на зло, пароходъ-то Пасынкова на мель и сѣлъ. Хозяинъ кричитъ, ругается, и вдругъ слышитъ—кто-то на флейтѣ играетъ, да весело таково. „Кто это, говоритъ, смѣетъ здѣсь играть? надо мной смѣ-

яться?“ — „Это пассажиръ“,— отвѣчаютъ.—„Высадить его“, — оретъ, — „сейчасъ высадить“. Пассажиръ къ нему: „помилуйте, что же я на пустынномъ берегу буду дѣлать,—пропаду! Помилуйте!“ „Знать ничего не хочу—говоритъ:—мой пароходъ сѣлъ на мель. Я огорченъ, а вы тутъ веселитесь, играете себѣ, и горя моего раздѣлять не хотите. Ну, такъ и я васъ знать не хочу. Эй, ребята, высадить его!“—Ну, и высадили, какъ тотъ ни молилъ. Такъ-то.

— Ну, а куда же вы теперь? — спросилъ я у Сусалова:—вѣрно, домой? Давно, вѣдь, семьи не видѣли. Жена, должно быть, ждетъ васъ, не дождется?

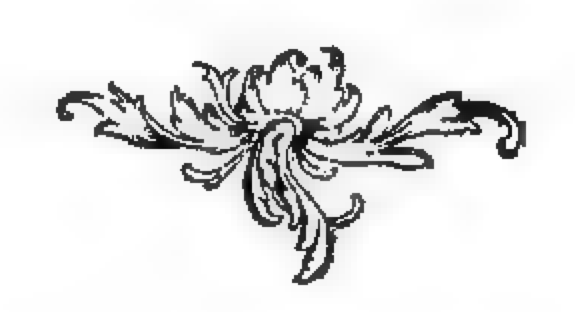
— Нѣтъ, теперь еще не могу: тутъ у меня дѣло одно предвидится, — отвелъ онъ меня въ сторону и зашепталъ таинственно: — я вамъ могу сказать откровенно; вы золота не ищете и мнѣ не помѣшаете. Такъ вотъ я провѣдалъ, что близъ Албазина орочень одинъ золото большими кусками за безцѣнокъ продаетъ, — говоритъ, что въ рѣкѣ одной его много. Извѣстно, дикарь скитается по тайгѣ и знаетъ всѣ настоящія мѣста; за ведро водки богатѣйшіе пріиски откроетъ. Вотъ ѣду этого самаго орочена разыскивать. Такъ и чувствую, что тутъ мое счастье! На дняхъ даже сонъ удивительный видѣлъ: приснилось мнѣ, будто, выхожу я на лугъ, а на лугу стадо барановъ пасется, большихъ, лохматыхъ такихъ. Сталъ я ихъ ловить и рѣзать, цѣлую груду ихъ уложилъ, а кровь такъ и льется, и весь я—въ крови, и по

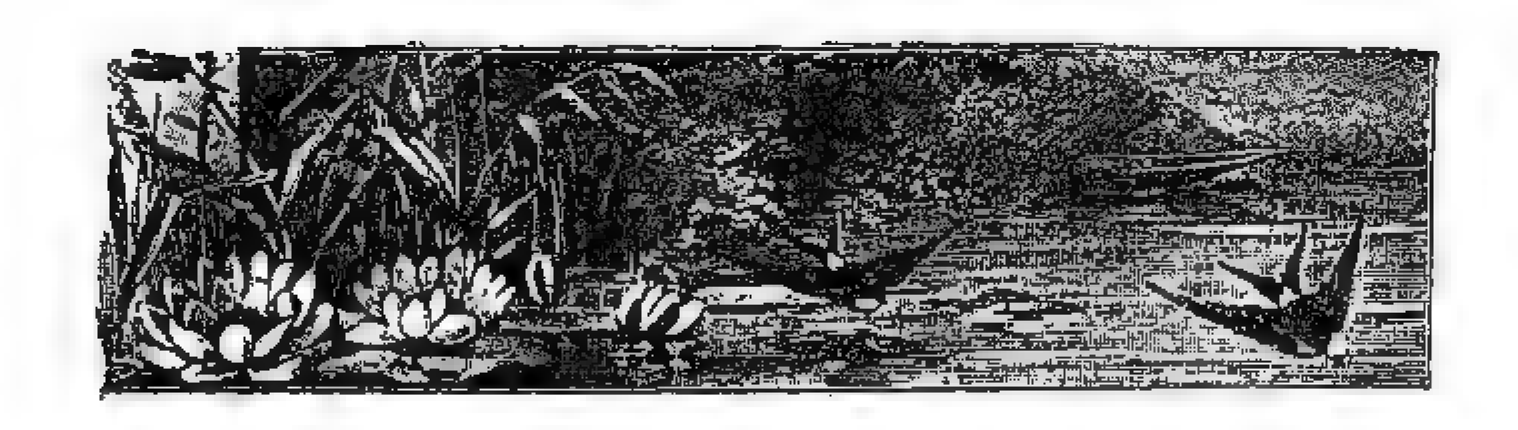
зеленой травѣ течетъ кровь. А? Какъ вы про этотъ сонъ полагаете?

— Да что жъ тутъ полагать? — отвѣчалъ я въ недоумѣніи.

— Какъ что?! А кровь-то! Ужъ это къ добру сонъ, я знаю,—проговорилъ онъ убѣжденно.

Я съ сожалѣніемъ посмотрѣлъ на его осунувшееся лицо: откуда и суевѣріе взялось! Сибиряки вообще отличаются здравомысліемъ и сообразительностью, но, видно, Сусаловъ совсѣмъ рехнулся отъ неугомонной, болѣзненной мысли о золотѣ и легкой наживѣ...

БѢЛУГА.

(Разсказъ).

„Всякій, ненавидящій брата своего есть человѣкоубійца“. *I, Посланіе Ап. Іоанна, Гл, III, § 15.*

I.

Еще недавно, на холмистомъ берегу волжской протоки, въ полуверстѣ отъ уѣзднаго города и въ сорока верстахъ отъ Каспійскаго моря, стоялъ старый домъ, крытый тесомъ, съ зелеными узорчатыми ставнями и съ покосившимися стѣнами, выкрашенными въ голубую краску. Отъ дома, по отлогому берегу, до самой рѣки, спускался запущенный фруктовый садъ, и вѣтви старыхъ яблонь печально повисли надъ мутными вѣчно смѣняющимися струями рѣки.

Съ тѣхъ поръ какъ старый владѣлецъ этой усадьбы—Красавцевъ умеръ, а сыновья его—Андрей и Дмитрій занялись исключительно рыбной ловлей, садъ тоже сталъ понемногу какъ будто замирать.

Лишенныя ухода яблони и груши постепенно засыхали, вода въ колодцѣ, вырытомъ посрединѣ сада, покрылась плѣсенью, и толстый лопухъ побѣдоносно вызвышался надъ густою сорною травою, покрывшей всѣ глухія дорожки сада. Былъ жаркій лѣтній день. Въ саду, подъ сводами потускнѣвшей отъ зноя чащи, казалось, все было объято глубокимъ сномъ и болѣзненной нѣгой. Мертвая тишина лишь изрѣдка нарушалась робкимъ щебетаніемъ птицъ и рѣзкимъ истерическимъ кудахтаніемъ взволнованной курицы. А на дворѣ, на солнопекѣ, съ ранняго утра кипѣла жизнь... Суетилась обезображенная беременностью, сухопарая баба, съ усталымъ озабоченнымъ лицомъ; какъ тѣнь, неслышно скользила старуха-мать, въ темномъ платьѣ, и рѣзвилась цѣлая орава дѣтей, попеременно, то споривщихъ, то плакавшихъ, то смѣявшихся. А отецъ этихъ дѣтей, мужъ беременной бабы, съ тремя рабочими: Петромъ, Иваномъ и Карпомъ, собираясь въ далекій путь, на осеннюю ловлю, спѣшно заканчивалъ уборку снастей и озабоченно осматривалъ снаряженіе небольшого неуклюжаго судна, на которомъ предстояло имъ прожить безвыходно, какъ въ тюрьмѣ, нѣсколько мѣсяцевъ среди печальной и бурной морской равнины, питаясь черствымъ хлѣбомъ, рыбой, сухарями и кирпичнымъ чаемъ.

По настоящему, никто изъ окрестныхъ рыбаковъ не выѣзжалъ на осенніе промыслы раньше половины августа. Только всесильная нужда и тяжкая забота о пропитаніи многочисленной семьи могли заставить Андрея Красавцева раньше другихъ бро-

сить домъ и семью въ надеждѣ на удачу. Онъ уже заранѣе высмотрѣлъ мѣсто стоянки среди отмелей, близъ устья р. Эмбы.

Съ тѣхъ поръ, какъ схоронивъ отца, братья Красавцевы забросили садоводство, дававшее хотя тяжелый, но довольно вѣрный заработокъ, и стали искать счастья въ морѣ, никогда еще дѣла не были такъ плохи. Постепенно, въ погонѣ за наживой, они дошли до полнаго разоренія и окончательно запутались въ сѣтяхъ ростовщиковъ-міроѣдовъ. Все было истрачено на снаряженіе и оснастку судна, на заготовку запасовъ хлѣба и провизіи. Пришлось заложить даже усадьбу, и гибель угрожала семьѣ въ случаѣ неудачнаго лова. Но Андрей все еще надѣялся на внезапную удачу и закидывалъ въ море неводъ съ такимъ-же тревожнымъ чувствомъ, съ какимъ несчастный игрокъ все ставитъ на послѣднюю карту. На его благообразномъ, но суровомъ, изрытомъ морщинами, лицѣ моряка проглядывало нетерпѣніе. Онъ уже нѣсколько разъ, съ возраставшимъ неудовольствіемъ, спрашивалъ у рабочихъ и у жены, гдѣ братъ и почему до сихъ поръ не пришелъ священникъ, приглашенный отслужить напутственный молебенъ. А въ это время младшій братъ, низко понуривъ голову, сидѣлъ вдали подъ тѣнью прибрежныхъ ивъ, его молодое лицо, на которое морскіе бури и невзгоды не успѣли еще наложить мрачнаго отпечатка, было печально. Онъ только что простился на долгую разлуку съ дочерью сосѣда рыбака, Груней, и задумчиво глядѣлъ на подаренный ею пучекъ полевыхъ желтыхъ и голубыхъ цвѣтовъ.

Онъ задумался о тяжкой долѣ рыбака, о лишеніяхъ, опасностяхъ и морскихъ буряхъ; ему почему-то казалось, что онъ больше не увидитъ ни своего дома, ни семьи, ни голубоглазой веселой Груни, ни земли, ни цвѣтовъ. Глубокая тоска и безотчетное предчувствіе какой то неизбѣжной бѣды давили его сердце. Никогда еще прощаніе съ Груней не было такимъ тяжелымъ: она сказала ему, что беременна и что ей придется совсѣмъ сгинуть, если онъ къ осени не добудетъ денегъ, чтобы, по возвращеніи съ ловли, отпраздновать свадьбу. А гдѣ ихъ добыть проклятыхъ?! Со смерти отца, онъ уже седьмой годъ живетъ у старшаго брата на положеніи батрака, не воспользовавшись изъ наслѣдства ни одной полушкой и работая безъ устали дома по хозяйству, а весной и осенью въ морѣ. Не разъ онъ уже простуживался, а однажды, во время зимней ловли съ неводомъ, чуть не погибъ вмѣстѣ съ братомъ, на унесенной вѣтромъ льдинѣ. И все-таки жить не чѣмъ, и братнины дѣти часто плачутъ отъ холода и голода... Здѣсь грустныя размышленія Дмитрія были прерваны пѣніемъ, доносившимся до него издали, это на баркасѣ служили напутственный молебенъ. Черезъ часъ якорь былъ поднятъ. Большой парусъ испуганно дрогнулъ отъ прикосновенія попутнаго вѣтра, и баркасъ понесся внизъ по теченію, по направленію къ бурному морю... А на постепенно исчезавшемъ изъ вида зеленомъ берегу долго еще стояли: старуха-мать, продолжавшая усердно креститься и шептать молитвы, сухопарая беременная баба, съ выраженіемъ тревоги и тоски

на измученномъ лицѣ,—и шестеро ребятъ, малъ-мала-меньше, весело смотрѣвшихъ впередъ своими любопытными наивными глазами...

II.

На третій день, утромъ, благодаря попутному вѣтру, рыбаки достигли цѣли и бросили якорь верстахъ въ десяти отъ берега. Баркасъ слегка покачивался среди короткихъ рѣзвыхъ волнъ, сверкавшихъ и переливавшихся на солнцѣ, подобно расплавленному серебру. Тихій подавленный шумъ ихъ глухо и зловѣще раздавался среди безбрежной водяной пустыни, сливавшейся на сѣверѣ, въ туманной голубой дали, съ песчанымъ берегомъ, такимъ же мертвымъ и печальнымъ, какъ море. Не теряя времени, Красавцевы дерзко и терпѣливо, какъ пауки, принялись раскидывать свою громадную подводную сѣть *), состоящую изъ тонкой веревки съ поплавками и привѣшенными къ ней острыми крючьями. На сотни саженей отъ судна протянулась эта грозная цѣпь, закрѣпленная, подобно телеграфной проволокѣ, на шестахъ, вколоченныхъ въ песчаное морское дно. Надъ водой виднѣлись лишь ея плавники изъ сухой обточенной коры и стройный рядъ шестовъ, или „сторожей", по выраженію рыбаковъ. А могучіе, цѣпкіе подвижные крючья, подобно острымъ когтямъ исполинскаго

*) Такъ называемая „Шашковая снасть", больше всего употребляемая въ низовьяхъ Волги и на Каспійскомъ морѣ для ловли, или вѣрнѣе истребленія, стерлядей и болѣе крупной рыбы.

таинственнаго чудовища, опустились внизъ и скрылись подъ поверхностью воды, обращенные остріемъ къ морской пучинѣ, откуда ждали рыбы. Все было разсчитано на глупость и неповоротливость толстыхъ икряныхъ бѣлугъ и жирныхъ осетровъ. Не требовалось никакой приманки. Оставалось лишь забросить сѣтьи, качаясь на суднѣ, выжидать добычи, какъ паукъ ждетъ легкомысленныхъ мухъ, притаившись въ углу своей паутины. Въ тяжеломъ ожиданіи прошло для Красавцевыхъ недѣли три. Они видѣли, какъ неуклюжія толстобокія суда другихъ рыбопромышленниковъ расползались, подобно громаднымъ чернымъ паукамъ, по прибрежнымъ морскимъ отмелямъ, исчезая въ синѣющей дали. Постепенно прибрежныя воды Каспійскаго моря на сотни верстъ къ сѣверо-востоку и юго-западу покрылись, точно паутиной, чудовищной крючковатой сѣтью, а въ устьяхъ рѣкъ и по затонамъ болѣе крупные рыбопромышленники раскинули громадные невода для ловли воблы и селедки. Цѣлая армія рабочихъ и бабъ — „наядъ", въ оригинальныхъ полумужскихъ костюмахъ, вооруженная острыми короткими ножами, собралась на промыселъ, чтобы потрошить пойманную рыбу. Появились и большія суда скупщиковъ рыбы, захватывающихъ самый свѣжій и отборный товаръ для скорѣйшей отправки его въ столицы. Всѣ напряженно ждали лакомой добычи и не только на мѣстѣ улова рыбы, но и за тысячи верстъ, въ центрахъ всесвѣтнаго обжорства въ Москвѣ, Петербургѣ, Берлинѣ, Вѣнѣ, Гамбургѣ, Парижѣ, откуда, подобно цѣпкимъ лапамъ спрута, тянутся по всѣмъ

направленіямъ къ берегамъ Волги, Каспія, Чернаго и Средиземнаго морей узкія, но все захватывающія. желѣзнодорожныя линіи, доставляющія въ столичныя ненасытныя утробы отовсюду, безъ устали и безъ конца, вагоны всякихъ лакомствъ: битой дичи, раковъ, грибовъ, фруктовъ, рыбы и зернистой икры. Но въ этомъ году Каспійское море не оправдало своей репутаціи неистощимаго живорыбнаго садка. устроеннаго самой природой для своего царя-человѣка. Казалось и морская пучина истощилась... Недаромъ старожилы жаловались на всеобщее оскудѣніе, вспоминая про былыя времена. Цѣна свѣжей бѣлужьей икры возвысилась до двухъ рублей за фунтъ на мѣстѣ. Спросъ былъ громадный, но нечего было предложить. Пріуныли обездоленные рыбаки и съ каждымъ днемъ это всеобщее уныніе росло... Въ довершеніе несчастья, послѣ продолжительнаго затишья, подулъ сильный береговой вѣтеръ, мѣшавшій ловлѣ рыбы. Съ проклятіями и ругательствами, всякое утро, Андрей Красавцевъ объѣзжалъ на лодкѣ свои снасти, очищая ихъ отъ травы и водорослей, нанесенныхъ береговымъ вѣтромъ, и съ остервенѣніемъ потрошилъ мелкихъ осетровъ, изрѣдка попадавшихъ въ его сѣти. Мысль о голодной семьѣ и о незбѣжномъ окончательномъ разореніи раскаленнымъ гвоздемъ засѣла у него въ головѣ, не давая ему ни минуты покоя. Въ шумѣ морскихъ волнъ и въ унылыхъ завываніяхъ вѣтра ему чудился плачъ его безпріютныхъ дѣтей и жены. Онъ замѣтно поблѣднѣлъ, осунулся, и на его красивомъ лицѣ, обрамленномъ густою черною бородою, появилось какое-то неумолимо

злобное выраженіе. Подъ вліяніемъ постепенно возраставшаго возбужденія, онъ по цѣлымъ днямъ, какъ голодный звѣрь въ клѣткѣ, бѣгалъ по палубѣ баркаса, безъ толку суетился, спускался въ трюмъ, изъ-за пустяковъ придирался къ брату, или накидывался на рабочихъ съ попреками, что они его разоряютъ, что они ѣдятъ слишкомъ много сухарей и пьютъ зря по нѣсколько разъ въ день чай, что скоро у нихъ истощится весь запасъ прѣсной воды и угля для самоваровъ, что по ихъ милости онъ долженъ пропасть со всей семьей. Такимъ образомъ въ небольшомъ кружкѣ рыбаковъ возникли несогласія, раздоръ и недовольство. Въ концѣ концовъ, всѣ надоѣли другъ другу, какъ каторжники, скованные тяжелою цѣпью и принужденные жить вмѣстѣ. Баркасъ являлся для нихъ ужаснымъ душнымъ казематомъ среди безбрежной водной пустыни. Наругавшись вдоволь съ братомъ и рабочими, Андрей, усталый отъ безсмысленной суеты и тревоги, садился у борта баркаса и по цѣлымъ часамъ, стараясь забыться, глядѣлъ своими раскраснѣвшимися глазами на сверкавшую и отливавшую въ лучахъ южнаго солнца ослѣпительнымъ голубоватымъ блескомъ морскую гладь. „Осатанѣлъ“, говорили про него рабочіе, стараясь не задѣвать его въ подобныя минуты. Несмотря на свой веселый беззаботный нравъ, глядя на своего старшаго брата, затосковалъ, въ концѣ концовъ, и Дмитрій. Но онъ все еще крѣпился, не поддаваясь отчаянію. Однажды, въ тихій свѣтлый вечеръ, онъ попытался было сыграть на гармоніи камаринскаго. Вокругъ него собрались рабочіе, и

одинъ изъ нихъ, Петруха, не выдержавъ, пустился даже по палубѣ въ плясъ, притопывая и потряхивая густыми кудрями, какъ вдругъ появился изъ трюма Андрей, блѣдный, съ искаженнымъ отъ злобы лицомъ и, вырвавъ изъ рукъ брата гармонію, съ остервенѣніемъ бросилъ ее за бортъ. Не смотря на свой уступчивый, безобидный нравъ, Дмитрій не сдержался, и къ великому соблазну рабочихъ, между братьями завязалась грубая ссора съ взаимными мелочными попреками; какъ водится въ подобныхъ случаяхъ, была выворочена вся домашняя грязь, накопившаяся втеченіи многихъ лѣтъ подневольной, совмѣстной жизни. Андрей обличалъ младшаго брата въ распутствѣ, за которое всей семьѣ приходится нести Божіе наказаніе, пропадая съ голода... Дмитрій клялся, что онъ не будетъ больше служить въ батракахъ у своего брата, что онъ уѣдетъ въ городъ, наймется кучеромъ и заживетъ припѣваючи... Послѣ этой ссоры Андрей почти всю ночь не могъ уснуть, злобно прислушиваясь къ беззаботному храпѣнію спавшаго рядомъ брата. А на другой день нежданно, негаданно, какъ всегда, пришла удача.

III.

Было воскресенье. Андрей, зѣвая, раньше обыкновеннаго, принялся за чтеніе житія святыхъ, а Дмитрій съ Петрухой отправились осматривать снасти. Утро выдалось особенно тихое. Надъ сонной необъятной морской равниной, казалось, колыхалось и переливалось необъятное море тумана, дрожа и убѣгая вдаль отъ огненныхъ потоковъ

зари. Медленно подвигаясь впередъ, Дмитрій вдругъ замѣтилъ, всего лишь въ нѣсколькихъ шагахъ, какъ будто днище опрокинутой лодки. Не успѣлъ онъ опомниться отъ неожиданности, какъ вода на нѣсколько саженей кругомъ всколыхнулась, и лодку отбросило въ сторону. Дрогнула снасть, и ближайшіе „сторожа“ не выдержали и вдругъ поддались и всплыли. Мелькнулъ на мгновеніе хвостъ чудовищной бѣлуги, запутавшейся въ снастяхъ. Казалось, онѣ не выдержатъ и сейчасъ порвутся, подобно тонкой паутинѣ, но крючья дѣлали свое дѣло, впиваясь все глубже и глубже въ тѣло жертвы. Вотъ показалась надъ водой голова чудовища; изъ мѣстъ, зацѣпленныхъ крючьями, сочилась тонкими струйками кровь. Дмитрій схватился за весло и началъ въ торопяхъ наносить удары, боясь упустить добычу, а Петруха старался зацѣпить ее багромъ. Когда все было кончено, побѣдители даже растерялись отъ неожиданнаго благополучія: пойманная бѣлуга оказалась по ихъ приблизительному разсчету пудовъ около 40 вѣса. Подобныя чудовища лишь изрѣдка попадаются въ Каспійскомъ морѣ. Это былъ цѣлый капиталъ для бѣдныхъ рыбаковъ, свалившійся какъ съ неба: рублей четыреста,—пятьсотъ, а, можетъ быть, и больше. Уныніе сразу смѣнилось на баркасѣ шумнымъ ликованіемъ. Митюха раздобылъ припрятанную имъ на всякій случай бутылку водки и угощалъ рабочихъ и брата, приглашая ихъ на свою свадьбу съ Грунькой. „Теперь шабашъ! женюсь на ней безпремѣнно,—кричалъ онъ въ упоеніи, довольно путаться“! Одинъ только Андрей не раз-

дѣлялъ всеобщаго веселья, упорно отказываясь отъ угощенія. Онъ привыкъ смотрѣть на младшаго брата, какъ на дарового работника, и мечты послѣдняго о будущемъ счастіи, несоотвѣтствовавшія его разсчетамъ, представлялись ему возмутительной неблагодарностью. Дмитрій не могъ понять такого озлобленія. Онъ уже забылъ про вчерашнюю ссору и сталъ упрекать старшаго брата за то, что онъ отказывается отъ угощенія. „Рано еще радоваться, да свадьбу праздновать,—отвѣчалъ тотъ,—расплатись-ка прежде съ долгами". Дмитрій промолчалъ, избѣгая непріятныхъ старыхъ споровъ и разсчетовъ съ братомъ. Было рѣшено немедленно продать бѣлугу ближайшему скупщику рыбы, судно котораго стояло на якорѣ верстахъ въ двадцати къ западу. Обыкновенно братья поочередно ѣздили къ нему съ товаромъ. На этотъ разъ была очередь Дмитрія, но старшій братъ объявилъ, что онъ поѣдетъ. Оба испытывали какую-то смутную тревогу и безотчетное взаимное недовѣріе и, въ концѣ концовъ, порѣшили ѣхать вмѣстѣ, взявъ съ собою въ лодку Петра и оставивъ на баркасѣ остальныхъ двухъ рабочихъ. Андрей сѣлъ у руля, а Дмитрій съ Петромъ дружно налегли на весла.

Братья всецѣло были поглощены мыслью, какъ бы повыгоднѣе сбыть цѣнную добычу, а потому лишь изрѣдка обмѣнивались односложными замѣчаніями. Только у скупщика въ конторѣ, когда товаръ былъ расцѣненъ, принятъ и Андрей считалъ и пересчитывалъ толстую пачку засаленныхъ бумажекъ, около пятисотъ рублей, Дмитрій впол-

голоса потребовалъ тутъ же передать ему половину вырученныхъ денегъ.

— Какой же ты мнѣ братъ послѣ этого,—отвѣчалъ Андрей, поспѣшно засовывая дрожащими руками выручку въ карманъ,—ежели, напримѣръ, ты даже самой малости не можешь мнѣ довѣрить?

Дмитрій сконфузился и замолчалъ.

Провожая братьевъ, скупщикъ, взглянувъ на небо и море, вдругъ озабоченно замѣтилъ:

— А то бы лучше остались заночевать. Сумнительно что-то, какъ бы не того...

— А что?—спросилъ Андрей.

— Да вотъ онъ—вѣтеръ, не за горами. Какъ бы не застигъ въ пути, проклятый...

Онъ указалъ едва замѣтную полоску на горизонтѣ, зловѣщую, неуловимую тѣнь, беззвучно скользившую вдали по морской поверхности. А между тѣмъ все кругомъ было такъ обманчиво—спокойно, и солнце ярко сіяло на безоблачномъ небѣ, склоняясь къ западу.

— А и въ самомъ дѣлѣ,—началъ было Дмитрій, почувствовавъ вдругъ безотчетную тяжелую тревогу.

— Нѣтъ, надо ѣхать,—рѣшилъ Андрей.—„Какъ бы тамъ не оплошали рабочіе. Судно опасно оставлять въ такое время безъ хозяина“.

Назадъ поѣхали еще скорѣе, какъ будто подгоняемые тайной заботой, но не успѣли отъѣхать и восьми верстъ, какъ море потемнѣло, и по его стальной поверхности пробѣжала едва примѣтная рябь, тревожный трепетъ передъ близкой грозой. Послышался какъ будто сдавленный шопотъ, по водѣ пронеслись таинственныя мрачныя тѣни, и вдругъ

все потемнѣло, загудѣло и съ оглушительнымъ стономъ налетѣлъ ужасный шквалъ. Лодка завертѣлась на мѣстѣ и сразу накренилась на бокъ. Сбитые съ ногъ внезапнымъ сильнымъ толчкомъ, оба брата очутились у самаго ея борта, надъ ревущей и клокочущей морской бездной, безпомощно барахтаясь и пытаясь изо всѣхъ силъ сохранить равновѣсіе. Растерявшійся Дмитрій протянулъ было руки къ брату. Глаза ихъ встрѣтились... и въ этотъ мигъ внезапная мысль, какъ ослѣпительная молнія, мелькнула въ головѣ Андрея. Точно повинуясь неодолимой посторонней волѣ, онъ предательски оттолкнулъ протянутую руку... и Дмитрій изчезъ въ клокочущей безднѣ, точно провалился. На мгновеніе голова его показалась среди волнъ и скрылась въ бѣлой пѣнѣ водоворота. Откуда то изъ далекаго мрака послышался его заглушенный крикъ: „братъ, братъ, о Господи!". Андрей отъ ужаса закрылъ лицо, избѣгая взгляда жертвы; но ему все казалось, что онъ видитъ искаженное лицо Дмитрія и широко раскрытые неподвижные глаза, въ которыхъ сказался весь безпредѣльный ужасъ смерти. Ему чудилось, что погибающій братъ молитъ о помощи, что губы его шевелятся, но грозный ревъ шквала заглушаетъ его слова: убійца, убійца! Невыразимое отчаяніе и глубокая жалость съ такою силою проникли въ душу Андрея, что онъ забылъ и о деньгахъ, и объ опасности, и бросился къ оторопѣвшому Петрухѣ съ крикомъ: „спасай, спасай." Но они напрасно пытались повернуть лодку противъ вѣтра. Новый сильный порывъ отбросилъ ихъ назадъ, едва не опрокинувъ лодки

и громадный валъ унесъ ее къ пустынному берегу, едва виднѣвшемуся вдали... Тутъ Андрей опомнился... Желаніе жить во что бы то ни стало заглушило въ немъ на мигъ и чувство жалости и угрызеніе совѣсти. И спасаясь отъ гибели, онъ круто повернулъ руль, искусно направляя лодку къ берегу. Промокшіе насквозь, дрожа отъ холода и пережитыхъ ужасовъ, всю ночь провели спасшіеся рыбаки въ прибрежныхъ камышахъ, среди непроходимаго болота, забившись подъ опрокинутую лодку. Усталый, голодный, Петруха скоро задремалъ, но Андрей не могъ глазъ сомкнуть, прислушиваясь къ шуму и стонамъ вѣтра, въ дикихъ порывахъ котораго ему чудился и топотъ бѣгущей съ криками толпы, и отчаянный голосъ взывающаго о помощи брата. Изъ глубокаго мрака порою выглядывали его неподвижные глаза съ выраженіемъ такого ужаса, что сердце Андрея замирало, и онъ, какъ затравленный звѣрь, щелкалъ зубами. Напрасно онъ пытался найти успокоеніе въ мысли о семьѣ и о деньгахъ, которыя онъ ощупывалъ въ своемъ карманѣ, напрасно, дрожа отъ страха и путаясь, твердилъ старыя молитвы...

IV.

Съ наступленіемъ дня, Андрей нѣсколько успокоился и по возвращеніи на свое судно, еще разъ пересчитавъ деньги и убѣдившись, что буря не причинила ему никакихъ поврежденій, даже посмѣивался, лежа на своей постелѣ, надъ испытанною тревогою.—„И чего, въ самомъ дѣлѣ, я всполошился,—успокаивалъ онъ себя,—нешто я виноватъ, что

братъ по своей неосмотрительности свалился въ воду и утонулъ. Что я, въ самомъ дѣлѣ, опекунъ ему, или нянька. Если я и толкнулъ его, такъ развѣ по нечаянности, а не ради чего либо худого. Я же и спасти его хотѣлъ, чуть было самъ не утонулъ... Должно быть, покаралъ его, безпутнаго, Господь за то, что съ поганой Грунькой связался, пьянствовалъ, въ церковь рѣдко ходилъ... Охъ, грѣхи, грѣхи тяжкіе... Еще, слава Богу, что деньги были при мнѣ и не канули въ море вмѣстѣ съ этимъ непутевымъ... На все произволеніе Господнее; если-бъ я былъ тутъ виновенъ, нешто я могъ бы спастись въ такую-то грозу, да еще съ такимъ капиталомъ". Тутъ онъ сладко задумался о томъ, какъ онъ устроится по возвращеніи домой. Теперь со смертью брата, усадьба вся ему принадлежитъ. Конечно, жалко брата, что и говорить, но безъ него лучше, пожалуй, будетъ. Теперь то онъ заплатитъ сразу всѣ долги и хоть своему старшему сынишкѣ дастъ настоящее образованіе, чтобы онъ былъ чиновникомъ въ управленіи рыбныхъ промысловъ. Хорошая служба: за каждое промысловое свидѣтельство синенькую, а то и красненькую съ судохозяина можно слупить. „Однако по возвращеніи надо безпремѣнно молебенъ заказать и панихиду объ упокоеніи раба Божія Дмитрія, да поставить свѣчку Николаю Чудотворцу, а то, пожалуй, даже облаченіе"... Сладко зѣвнувъ и повернувшись на другой бокъ, Андрей безмятежно заснулъ. Но лукавый какъ будто дожидался этой именно минуты, чтобы причинить ему большую непріятность. Ему приснилось, что онъ исповѣ-

дуется въ своей приходской церкви у стараго знакомаго отца Іоанна. Только лица батюшки и молящихся причастниковъ онъ никакъ не могъ увидѣть; онъ избѣгалъ ихъ испытующаго взгляда. Сначала исповѣдь шла хорошо и, отвѣчая батюшкѣ, что онъ не кралъ во вѣкъ, не прелюбодѣйствовалъ и строго соблюдалъ посты, Андрей почувствовалъ даже умиленіе. „А не убилъ ли ты родного брата?“—вдругъ строго спросилъ батюшка какимъ то особеннымъ, какъ будто не своимъ голосомъ.—„Видитъ Богъ, что нѣтъ“,—похолодѣвъ отъ ужаса, забормоталъ Андрей. Священникъ тихо засмѣялся, и вдругъ вся церковь огласилась рыданіями, стонами и смѣхомъ.—„Неужто все уже извѣстно“,—подумалъ Андрей, невольно оглядываясь и дрожа, какъ въ лихорадкѣ. И тутъ онъ только замѣтилъ, что церковь была биткомъ набита мертвецами. Одни хохотали до упаду, щелкая оскаленными зубами, у другихъ изъ черныхъ глазныхъ впадинъ катились кровавыя слезы. Среди покойниковъ былъ и отецъ его, и дѣдъ Пахомъ, и тетка Анисья, и братъ Дмитрій, съ выраженіемъ такого безъисходнаго страданія и ужаса въ глазахъ, что у Андрея сердце замерло отъ жалости и горя.

— „Ахъ ты плутъ, мошенникъ, лицемѣръ“,—смѣялся между тѣмъ все громче батюшка. „Меня не проведешь. Полно, другъ, не отпирайся и не моли пощады. Ты мой, мой, и нѣтъ тебѣ спасенія; убійца!“

И передъ Андреемъ уже не батюшка Іоаннъ, не кроткій духовникъ, а грозный искуситель съ блестящими змѣиными глазами и съ искаженнымъ отъ злобной радости лицомъ...

Обливаясь холоднымъ потомъ, проснулся Андрей и съ крикомъ выбѣжалъ на палубу. Здѣсь онъ просидѣлъ до зари, дрожа отъ усталости и страха, но не рѣшаясь уснуть, изъ опасенія опять попасть во власть грозныхъ призраковъ. Глядя на звѣздное небо и тихо дремлющее море, онъ постепенно какъ будто успокоился, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ сердце его проникло глубокое чувство мучительнаго одиночества и безотчетной грусти. Онъ уже не пытался оправдывать себя въ смерти брата. Подъ вліяніемъ какой то внутренней неодолимой силы, онъ съ ужасомъ невольно вспомнилъ до мельчайшихъ подробностей всѣ свои чувства и побужденія въ ту именно минуту, когда онъ столкнулъ брата въ море, чтобы воспользоваться деньгами и долей его въ наслѣдствѣ. Но Богъ милостивъ, и нѣтъ грѣха, котораго нельзя было бы замолить, попытался онъ еще разъ себя утѣшить. А человѣческаго суда бояться тоже нечего. Чтобы его наказать, надо прежде доказать, что онъ—убійца. А кто докажетъ? Не даромъ говорится: не пойманъ—не воръ. А что если Петруха донесетъ по возвращеніи на берегъ? Да видѣлъ-ли онъ, какъ было дѣло, усомнился Андрей, и при первомъ удобномъ случаѣ попытался незамѣтно разъяснить свои сомнѣнія, но Петруха только глупо таращилъ глаза, повидимому, не понимая хитрыхъ вопросовъ. „Не валяетъ-ли онъ дурака?“ — подумалъ Андрей и старался подслушивать, что говорили про него рабочіе. Онъ зналъ, что они его недолюбливаютъ и даже боятся, а потому онъ былъ вѣчно настороже. Но подсматривая за ними, онъ

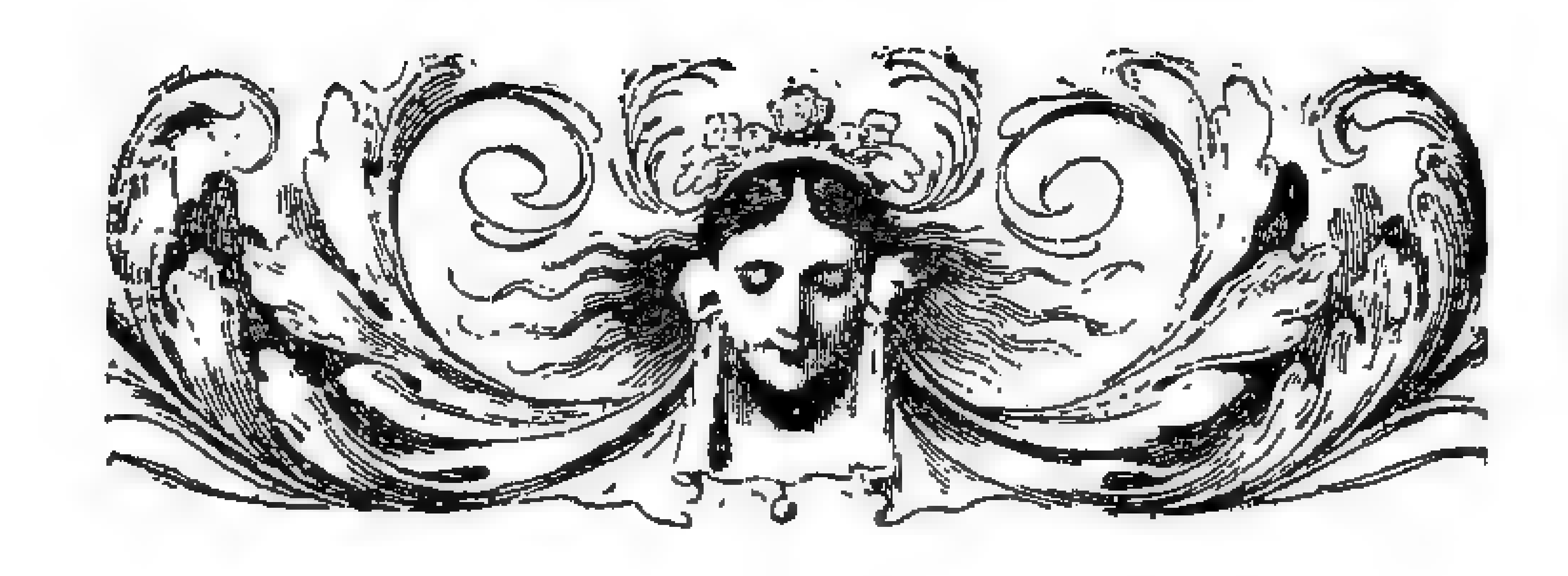
незамѣтно выдавалъ и самого себя. Въ концѣ концовъ, его странное поведеніе и растерянный видъ возбудили среди рабочихъ смутныя подозрѣнія. Однажды, кстати, онъ намекнулъ рабочимъ, что вмѣстѣ съ братомъ ухнули въ море и денежки, полученныя отъ скупщика рыбы, и что теперь и жалованья имъ нечѣмъ будетъ заплатить. Но тутъ Петруха съ удивленіемъ замѣтилъ, что онъ былъ при разсчетѣ и хорошо знаетъ, кто получилъ деньги. Андрей до того растерялся при этомъ, что не рѣшился даже возражать. Послѣ этого, Петруха уже болѣе не стѣснялся съ хозяиномъ и сталъ ехидно глумиться надъ его скаредностью къ великому удовольствію другихъ рабочихъ. Но Андрей какъ будто не замѣчалъ выходокъ Петрухи. Подавленный одной ужасной, неотступной мыслью, онъ лишился аппетита и сна и по ночамъ бродилъ безъ цѣли, подобно привидѣнію, при блѣдномъ свѣтѣ луны, по палубѣ судна. За двѣ недѣли онъ замѣтно отощалъ, осунулся, потускнѣвшіе глаза его ввалились и въ его черныхъ густыхъ волосахъ появились серебристыя пряди. Даже къ своему дѣлу онъ сталъ относиться равнодушно. А между тѣмъ Андрею, что называется, повезло, и жирные икряные осетры и бѣлуги все чаще и чаще попадались въ его цѣпкія снасти. Слухъ о необыкновенномъ его счастіи распространился среди рыбаковъ и дошелъ даже до его бѣдствовавшей семьи. Но самъ онъ уже не пересчитывалъ съ наслажденіемъ, какъ бывало, толстой пачки бумажекъ, лежавшихъ въ его карманѣ. Не до того ему было: его пугало тяжелое предчувствіе, что все

откроется по возвращеніи на берегъ и его разлучать съ несчастной семьей и ушлютъ на каторгу. Но еще больше, чѣмъ суда, боялся онъ ужасныхъ сновъ, преслѣдовавшихъ его по временамъ. А на яву онъ испытывалъ странное, знакомое многимъ, такимъ же несчастнымъ, ощущеніе какъ будто присутствія кого-то невидимаго, подстерегавшаго его на каждомъ шагу. Онъ твердо былъ увѣренъ, что этотъ таинственный призракъ явится ему когда-нибудь, и дрожалъ при одной мысли объ этомъ. Наконецъ, онъ не выдержалъ и, добравшись до запаснаго боченка съ водкой, запилъ отъ невыносимаго горя. Сначала онъ почувствовалъ какъ будто облегченіе, но не на долго: чѣмъ больше онъ пилъ, тѣмъ тяжелѣе становилось у него на душѣ и ужасные его сны и смутныя предчувствія постепенно становились для него несомнѣнною дѣйствительностью. Онъ точно попалъ въ заколдованный кругъ, звенья котораго все тѣснѣе и тѣснѣе смыкались надъ его помутившейся, несчастною головою. Не только его конура, но и безмолвное море казалось переполненнымъ тѣми чудовищными призраками, какіе можетъ создать лишь болѣзненное воображеніе пьяницы. Тутъ были и отвратительныя крысы, и змѣи, и неизбѣжные чортики. Но больше всего мучился Андрей, когда ему мерещились его озябшія, голодныя дѣти, больная жена, старуха мать, шепчущая молитвы, и погибшій братъ Дмитрій. Невозможно даже передать, что онъ выстрадалъ за это время, сидя одинъ въ конурѣ, куда напрасно пытались нѣсколько разъ проникнуть его рабочіе.

Наконецъ, въ одну изъ самыхъ ужасныхъ ночей, когда сквозь досчатую перегородку изъ конуры Андрея доносились съ особенной силой его отчаянные крики, рыданія, смѣхъ, стоны и проклятія, они порѣшили сняться съ якоря и возвращаться поскорѣе домой. Но въ эту именно ночь и явился, наконецъ, Андрею тотъ, присутствіе котораго онъ уже давно чувствовалъ возлѣ себя и появленіе котораго съ невыразимымъ отчаяніемъ и трепетомъ ждалъ даже среди самыхъ ужасныхъ и мучительныхъ видѣній... При видѣ его, Андрей вскочилъ, какъ бѣшенный, однимъ ударомъ вышибъ запертую дверь, выбѣжалъ на палубу и бросился въ море...

Только на зарѣ рабочіе замѣтили безслѣдное исчезновеніе своего хозяина и послѣ напрасныхъ поисковъ въ суевѣрномъ ужасѣ порѣшили бѣжать подальше отъ проклятаго мѣста.

А въ усадьбѣ Красавцева бѣдствовавшая семья его съ тайною тревогою поджидала своихъ кормильцевъ, и не разъ больная жена съ ребятишками, мать старуха и беременная Груня, выбѣжавъ украдкой на высокій берегъ рѣки, долго глядѣли въ глубокую даль, гдѣ могучая Волга безслѣдно исчезаетъ въ широкомъ морѣ...

ПРИЗРАКЪ.

(Изъ записокъ Неволина).

Скучно, скучно, все сердце изныло;
Впереди—мать сырая могила,
Позади—непроглядная тьма.
Безотчетно, безъ добраго дѣла
Невеселая жизнь пролетѣла,
И заглохли задатки ума.
Поздно бѣдная совѣсть смутилась:
Не воротишь того, что свершилось!
Все погибло, утрачено все!
Замеръ голосъ подъ гнетомъ сомнѣній,
Подъ ударами злыхъ униженій
Надорвалося сердце мое...
Близокъ часъ! Надломилися силы...
Страшно, грустно у ранней могилы!
Надо мной міръ слезы не проронитъ:
Осужденное имя потонетъ,
Непричастное дѣлу любви.
Тамъ... но что въ томъ грядущемъ далекомъ?!
О, блаженъ, кто повѣрилъ пророкамъ
И уснулъ съ упованьемъ въ груди...

(Ст. Край 2 февраля 1897 г.).

I.

Въ своихъ скитаніяхъ вокругъ свѣта я, какъ-то невзначай, попалъ на дальній востокъ, въ одну изъ станицъ по рѣкѣ Амуру, гдѣ мнѣ и пришлось провести нѣсколько лѣтнихъ мѣсяцевъ. Глухая это мѣстность, дикая. Амурскіе казаки и переселенцы какъ будто растерялись отъ трудныхъ усло-

вій невѣдомой, далекой, первобытной страны и до сихъ поръ не могутъ придти въ себя: вѣчно хвораютъ, живутъ безтолково, спустя рукава, и пока очень не далеко ушли отъ мѣстныхъ дикарей. Словомъ, жизнь здѣшняя показалась мнѣ очень неприглядной. Скучалъ я неимовѣрно. Единственное мое развлеченіе составляла охота. Я никогда не былъ страстнымъ охотникомъ, но здѣсь, по неволѣ, не замѣтно сталъ втягиваться, понимать, какое наслажденіе доставляетъ удачный выстрѣлъ, какъ пріятно видѣть падающую птицу, слышать предсмертный крикъ и хрипѣніе подстрѣленнаго звѣря и, не скрываясь, наслаждаться глубоко затаенными въ насъ, словно дремлющими и пробуждающимися на мгновеніе, кровожадными инстинктами.

Мѣста по рѣкѣ Амуру, особенно въ верхнемъ и среднемъ его теченіи, живописны, какъ берега Днѣпра, и изобилуютъ всякаго рода дичью, какъ саванны и ліаносы въ Америкѣ. Даже неопытный охотникъ можетъ вернуться домой съ переполненнымъ ягдташемъ. Какъ тутъ не увлечься! Случалось мнѣ пропадать дня на два, на три. Я нанималъ въ станицѣ лодку, казака-проводника, запасался провизіей и охотился по берегамъ и протокамъ рѣки, переѣзжая съ мѣста на мѣсто и не углубляясь особенно въ чащу, изъ опасеній заблудиться въ первобытномъ лѣсу.

Въ одну изъ такихъ поѣздокъ, послѣ невыносимо знойнаго дня, изнемогая отъ усталости, я присѣлъ отдохнуть въ глухой тѣни громадныхъ деревьевъ. Меня вдругъ охватило не то раздумье,

не то глубокая грусть, пробуждающаяся иногда въ минуту полнѣйшаго физическаго изнеможенія, и я долго просидѣлъ въ безотчетномъ созерцаніи постепенно таявшихъ вечернихъ тѣней. Прохладныя волны лѣсного душистаго воздуха ласкали мнѣ лицо, врывались въ грудь, заставляя замирать сердце отъ непонятнаго сладостнаго чувства. А все вокругъ словно дрожало отъ избытка жизни. Казалось, изъ сокровенной глубины лѣса несется пѣснь, могучая и глухая, какъ плескъ моря въ тихую, свѣтлую зарю. Надъ изгибами рѣки, то темной и холодной въ тѣни громадныхъ березъ, ивъ и дубовъ, то сверкающей, какъ раскаленная масса въ красноватомъ отблескѣ заката, слышался страстный, отрывистый шопотъ листьевъ и дребезжанье миріадъ невидимыхъ мошекъ и комаровъ, тихое, монотонное и невыразимо меланхолическое, словно отдаленный хоръ старческихъ дрожащихъ, замирающихъ голосовъ. По временамъ пѣніе этого невидимаго воздушнаго хора заглушалось гудѣніемъ большого жука, или блестящей. шаловливой трелью лѣсной птицы. Чудные глубокіе аккорды спокойно засыпающей природы легко и незамѣтно унесли меня въ далекій міръ мечты; окружающія впечатлѣнія самымъ прихотливымъ образомъ переплелись съ воспоминаніями и грезами...

Вдругъ я почувствовалъ холодное, легкое таинственное прикосновеніе луннаго луча, прокравшагося сквозь густую тѣнь вѣтвей и листьевъ. Только проснувшись, я замѣтилъ, что заснулъ. Я дрожалъ отъ ночной сырости. Взглянувъ на часы, я

убѣдился, что уже полночь. Долго сонъ продолжался. По моимъ соображеніямъ, проводникъ долженъ былъ находиться недалеко. Я началъ звать его, но крики мои пронеслись и замерли надъ гладкой поверхностью рѣки. Напрасно я ждалъ отвѣта. Потомъ уже я узналъ, что спутникъ мой, отличавшійся изумительною неповоротливостью и несообразительностью, не дождавшись меня на условленномъ мѣстѣ, преспокойно уѣхалъ домой, въ остроумномъ предположеніи, что я пѣшкомъ добрался до нашей станицы. Торопливо, тревожно, словно въ просонкахъ, я началъ отыскивать свой путь. Но, овѣянный чарами ночи, словно заколдованный, лѣсъ не пускалъ меня, запутывалъ цѣпкими травами и гибкими вѣтвями, преграждалъ дорогу древесными стволами и корнями, изрѣдка тихо лепеталъ что-то, словно безчисленными языками, своими листьями, опьянялъ своимъ ароматомъ и таинственностію, обманывалъ взоръ неясными, прихотливыми сочетаніями свѣта и тѣни. Но вотъ, наконецъ, его густая сѣнь стала ослабѣвать. Я легче вздохнулъ, почувствовалъ дуновеніе свѣжаго полевого воздуха и ускорилъ шаги, въ надеждѣ выбраться на болѣе открытое видное мѣсто. Вскорѣ я очутился на обширной полянкѣ, а дальше, вдоль по берегу рѣки, опять возвышалась темная, сплошная стѣна лѣса. Томно нависли вѣтви громадныхъ деревьевъ надъ темносиними, искрящимися подъ лучами луны, струями, чуть-чуть подернутыми серебристою, прозрачною мглою, ужасной въ своемъ безмолвіи. И вдругъ, точно призывъ о помощи, раздался рѣзкій крикъ ка-

кой-то ночной птицы. Я вздрогнулъ: мнѣ стало жутко. Вспомнились разсказы про подвиги хинганскихъ тигровъ, забиравшихся зимою даже въ деревни, съ цѣлью поживиться по конюшнямъ и скотнымъ дворамъ. Я не рѣшился опять углубляться въ лѣсную чащу и предпочелъ провести ночь въ чистомъ полѣ. Набравъ съ большимъ трудомъ на опушкѣ сухихъ прутьевъ и гнилого дерева, я кое-какъ развелъ огонь отъ докучливыхъ мошекъ и комаровъ и продремалъ до утра.

Я проснулся отъ предразсвѣтнаго холода и робкаго, глухого шума: то первобытный лѣсъ тихо вздрагивалъ въ сладостномъ предчувствіи свѣта и тепла. Утренній рѣзвый вѣтеръ слегка качалъ верхушки деревьевъ. Птицы отрывисто, взволнованно перекликались. Мѣсяцъ давно скрылся; скрылись и самыя яркія звѣзды на свѣтлѣющемъ небосклонѣ; занималась заря. Розовый отблескъ ея пробѣжалъ по зарябившейся поверхности рѣки и легъ на верхушки деревьевъ Еще нѣсколько мгновеній, и на землю хлынули потоки свѣта, пронеслись надъ лугомъ, словно разсыпались по немъ свѣтлыми радужными брызгами, вдругъ засверкавшей росы и ударились въ зеленую стѣну лѣса, и зазвенѣли по немъ веселыми трелями встрепенувшихся птицъ. Дрожь пробѣжала по моему тѣлу. Я быстро поднялся и пошелъ дальше по опушкѣ лѣса, съ трудомъ пробираясь черезъ прибрежныя болота. Но скоро я почувствовалъ усталость. Часамъ къ десяти стало невыносимо жарко: что называется— парило. По мѣрѣ того, какъ солнце поднималось надъ горизонтомъ, рѣзкія утреннія очер-

танія словно смягчались. Окрестность словно замирала въ сладострастной нѣгѣ. Цвѣта поблекли отъ избытка свѣта. Даль подернулась роскошной золотистой дымкой, въ которой величественно, вдали обрисовалась блѣдно-голубая цѣпь горъ. Но вотъ онѣ постепенно, незамѣтно, беззвучно потонули въ темной, густой тучѣ, и, словно изъ глубины поглотившей ихъ пучины, сверкнула ослѣпительная молнія и грянулъ громъ. Застоналъ лѣсъ отъ налетѣвшаго вдругъ вихря, зашумѣлъ страшный ливень. Черезъ часъ я совершенно промокъ и едва передвигалъ ноги, изнемогая отъ мучительнаго голода. И вотъ въ такую критическую минуту я почувствовалъ запахъ дыма, далеко разносившійся по сырому воздуху и сразу подѣйствовавшій на меня такъ же оживляющимъ образомъ, какъ запахъ вкуснаго обѣда — на умирающаго съ голода. Я пріободрился, ускорилъ шаги и черезъ нѣсколько минутъ увидѣлъ большой шалашъ, сложенный изъ свѣжихъ древесныхъ вѣтвей, сквозь которыя пробивался густыми струями дымъ. Значитъ — въ шалашѣ кто-то живетъ. Сначала я подумалъ, что это бродячая семья дикарей. Но дѣлать нечего, я рѣшился поискать у нихъ пріюта и громко крикнулъ. Въ отвѣтъ поднялась грязная рогожа, прикрывавшая, очевидно, входное отверстіе удивительной постройки, и высунулась голова въ солдатской фуражкѣ. Я догадался, что попалъ къ косцамъ, собиравшимъ сѣно для полковыхъ лошадей. Объ этомъ свидѣтельствовали многочисленныя копны, возвышавшіяся въ стройномъ порядкѣ по обширному лугу. Я поспѣшно проползъ

въ шалашъ. Черезъ нѣсколько минутъ я уже лежалъ на незатѣйливой постели, прикрытый сухою солдатскою шинелью. Вокругъ огонька, слабо по временамъ вспыхивавшаго, на земляномъ полу, посреди шалаша, въ небольшомъ углубленіи, присѣвъ на корточки, расположилось нѣсколько солдатъ. Они были заняты приготовленіемъ какой-то похлебки изъ кирпичнаго чая, составляющаго въ этой мѣстности любимый напитокъ, несмотря на отвратительный вкусъ. Изрѣдка они переговаривались почтительнымъ, отрывистымъ шепотомъ, какъ будто въ присутствіи начальства. Я вглядѣлся пристальнѣе: у противоположной стѣны, завернувшись въ кавказскую бурку, спалъ какой-то человѣкъ. Рядомъ стояла двустволка. Я догадался, что это тоже застигнутый ливнемъ охотникъ.

II.

Нѣсколько минутъ спустя, спавшій зашевелился, вздохнулъ и приподнялся на своей душистой постели, сложенной изъ древесныхъ вѣтвей, прикрытыхъ свѣжимъ сѣномъ. И представьте мое изумленіе, когда я узналъ въ немъ стараго знакомаго Границкаго, съ которымъ я встрѣтился нѣсколько лѣтъ тому назадъ, при самыхъ исключительныхъ обстоятельствахъ, сразу же былъ заинтересованъ его загадочною личностью и судьбою, но затѣмъ неожиданно потерялъ его изъ вида. Горѣвшій на очагѣ огонь, вспыхивая и угасая, скользилъ по его лицу то красноватыми, то темными полосами, придавая ему всякій разъ особенное выраженіе, а я не рѣшался первый заговорить, опасаясь потре-

вожить грустныя, глубокосхороненныя воспоминанія...

Дѣло въ томъ, что нѣсколько лѣтъ тому, я былъ случайно призванъ, какъ врачъ, въ холостую квартиру Границкаго, на одной изъ лучшихъ петербургскихъ улицъ, для оказанія помощи какой-то дѣвушкѣ, по его словамъ, ранившей себя случайно выстрѣломъ изъ револьвера, который она считала незаряженнымъ. Раненая скончалась на моихъ рукахъ. Изъ нѣсколькихъ ея безсвязныхъ словъ я вынесъ впечатлѣніе, что здѣсь скрывается какая-то драма, которая такъ и осталась для меня тайной. Составленъ былъ протоколъ о происшествіи, возникло непріятное дознаніе, которое ни къ чему не привело, за отсутствіемъ уликъ къ обвиненію Границкаго въ убійствѣ... Вскорѣ послѣ похоронъ несчастной, вѣроятно, вслѣдствіе испытаннаго потрясенія, онъ заболѣлъ нервной горячкой и мнѣ пришлось его лѣчить.

А недѣли три спустя, едва оправившись отъ болѣзни, онъ внезапно уѣхалъ изъ Петербурга, не простившись даже со мной и съ тѣхъ поръ, какъ въ воду канулъ.

Я сохранилъ о немъ воспоминаніе, какъ о несчастномъ и очень странномъ человѣкѣ, потерявшемъ всякій интересъ къ окружающей жизни и безвозвратно ушедшемъ въ призрачный міръ мечты и темныхъ предчувствій. Онъ принадлежалъ къ категоріи неисправимыхъ мечтателей, для которыхъ вопросы о загробной жизни и о свойствахъ невѣдомыхъ обитателей Венеры и Сиріуса представляютъ несравненно больше интереса, чѣмъ,

напр., страданія толпы оборванныхъ переселенцевъ въ поискахъ обѣтованной земли. Подобные люди почти всегда несчастны, и въ истощенномъ блѣдномъ лицѣ Границкаго сказывалась не то глубокая привычная печаль, не то старый недугъ. Когда я, наконецъ, рѣшился заговорить съ нимъ и напомнить о нашей первой встрѣчѣ, онъ протянулъ мнѣ руку съ такимъ видомъ, какъ будто мы разстались всего лишь нѣсколько часовъ тому назадъ.

Эта неожиданная встрѣча въ глуши, при самой фантастической обстановкѣ, сразу сблизила насъ точно старыхъ знакомыхъ, и незамѣтно мы разговорились.

Видно было, что онъ много читалъ, много испыталъ и передумалъ, но познанія его не были приведены въ систему. Изъ исторіи, напр., онъ отлично усвоилъ мелочи и любопытные анекдоты, но не зналъ и не признавалъ основныхъ законовъ всеобщаго развитія. Говорилъ онъ не глупо, но какъ-то странно, безпокойно, то и дѣло перемѣняя тему, какъ будто торопясь высказаться.

— Странно, странно мы встрѣтились, неправдали?—повторилъ онъ нѣсколько разъ. Знаете, здѣсь такая глушь, что, право, мнѣ кажется иной разъ, будто я здѣсь схороненъ заживо и никого не увижу изъ прежнихъ знакомыхъ.

— Что васъ угораздило забраться въ такую глушь и даль?—спросилъ я.

— Вѣдь вы же знаете тотъ ужасный случай? Пришлось бѣжать безъ оглядки. Душно какъ-то было, простора все искалъ... простора и забвенія...

— Мнѣ кажется, забыться въ Петербургѣ легче— возразилъ я.

— Ну вотъ, видите, а я, какъ разъ наоборотъ, изъ Петербурга въ глушь убѣжалъ отъ ужасныхъ воспоминаній. Университетъ даже бросилъ, карьеру; были кой-какія средства и связи, да все страшно надоѣло. Я уѣхалъ на службу въ Туркестанскія войска; въ нѣкоторыхъ бояхъ участіе принималъ. Ничего, даже какъ будто весело было: товарищи... это много значитъ, а здѣсь скука совсѣмъ одолѣваетъ... или ужъ время такое подошло.

— Такъ зачѣмъ же вы изъ Туркестана уѣхали?— спросилъ я.

— Да какъ вамъ сказать... Эхъ, да не все ли равно куда бѣжать, лишь бы скоротать какъ-нибудь жизнь. Сознаюсь, я сдѣлалъ на своемъ вѣку не мало глупостей, но есть желанія, которыя не приносятъ никакого удовольствія, просто такъ себѣ, безсмысленныя желанія, а попробуйте-ка сладить съ ними. Да-съ, человѣкъ, какъ ни верти, все-таки сдѣлаетъ то, что ему надо, и ада, и никакихъ угрозъ не испугается, и ничѣмъ вы его на путь истины не заманите!—захохоталъ онъ, сохраняя въ тоже время угрюмое выраженіе на поблѣднѣвшемъ лицѣ.

— Все же я не могу понять, зачѣмъ вы уѣхали изъ Туркестана, если вамъ тамъ хорошо жилось?

— Не понимаете, такъ и не надо,—почему то озлился онъ вдругъ.—Да что и говорить! почти вся наша жизнь состоитъ изъ вздорныхъ, безсмысленныхъ желаній. Нѣтъ, въ жизни не ищите смысла... ни въ жизни, ни въ смерти... Вдругъ вотъ зарѣ-

жется человѣкъ, а знаетъ вѣдь, тысячу разъ читалъ, что самоубійство глупо, а рѣзаться еще глупѣе, потому что это самая мучительная смерть. Отравиться гораздо легче, да и не такъ страшно, однако, сколько рѣжется. Ну-ка, объясните, почему! Да вотъ я чувствую, что не отравился бы и не повѣсился бы ни за что, а вотъ пулю пустить—хватило бы духу, а самъ видѣлъ, какъ страшны лица у умершихъ отъ пули.

Тяжелая смерть...

Онъ на минуту задумался.

— Ахъ! да о чемъ это мы говоримъ, спохватился онъ,—видимо, стараясь замять непріятное впечатлѣніе отъ послѣднихъ словъ, Да, вы вотъ все спрашиваете, какъ я сюда, въ глушь такую попалъ... Пожалуй, я вамъ разскажу... что-жъ... это дѣло прошлое... да и не увидимся мы съ вами, надо полагать, никогда, мнѣ необходимо высказаться хоть разъ въ жизни. Быть можетъ, мнѣ легче станетъ, когда меня поймутъ, а не поймутъ, такъ мнѣ все равно... Мое спокойствіе и счастіе давно и безвозвратно утрачены. Вѣдь я убійца... заключилъ онъ упавшимъ голосомъ.

— Такъ смерть той дѣвушки не была случайностью?—вскричалъ я, пораженный его признаніемъ.

— Вы не подумайте, что я застрѣлилъ ее. Нѣтъ, ни одинъ судъ въ мірѣ не могъ бы меня обвинить. Но мнѣ отъ этого не легче... Я все-таки виновенъ въ ея смерти. Я долженъ былъ во время понять, что, вмѣстѣ съ тѣломъ, она мнѣ отдала и всю душу, и пожалѣть ее, а я забылъ, что лю-

бовь чаще всего ведетъ къ смерти. Любовь—напитокъ боговъ, или вѣрнѣе отрава. Кто вкусилъ ея сразу слишкомъ много, тотъ обыкновенно умираетъ. Я прожилъ съ Леною всего четыре мѣсяца, какъ во снѣ или въ бурномъ бреду. Намъ обоимъ въ это время было очень весело, какъ въ опьяненіи, и я думалъ, что все это пустяки, такъ что-то въ родѣ увеселительной прогулки. Лена хохотала или, забравшись на кухню, пѣла пѣсни вмѣстѣ съ кухаркой—толстой деревенской бабой и была вполнѣ довольна настоящимъ, не задумываясь нисколько о будущемъ. И полюбила она меня и отдалась мнѣ беззаботно, какъ лѣсная птица. За все время нашей совмѣстной жизни, я не замѣтилъ въ ней ни тѣни безпокойства, тревоги и сомнѣнія, а между тѣмъ она выросла въ бѣдной мѣщанской семьѣ и очень трогательно разсказывала, какъ голодала вся ея семья, когда отецъ страдалъ запоемъ. Я думаю, что она была немного дурочкой, и только этимъ можно объяснить ея незлобивость и беззаботность. У ней было маленькое розовое лицо и наивные широко раскрытые глаза, какъ у ребенка. Когда я научилъ ее читать то оказалось, что въ 16 лѣтъ она способна понимать только дѣтскія сказки про сѣраго волка и косого зайца, да пѣсни про любовь и измѣну милаго; при чтеніи первыхъ она смѣялась, а отъ грустныхъ пѣсенъ плакала на-взрыдъ; я чувствовалъ, что постепенно перерождаюсь отъ соприкосновенія съ этой чистой дѣтскою душою, понялъ, наконецъ, что не шутя, люблю ее. и почему то испугался. Бракъ съ нею мнѣ показался величайшей глупостью: вѣдь она—

какъ есть ребенокъ и по своей необразованности неспособна даже меня понять, а я воображалъ себя въ то время чуть ли не героемъ, которому суждено свершить великія дѣла. Женитьба на какой-то мѣщаночкѣ могла погубить меня, понизить мой умственный уровень и, главное, испортить мои отношенія съ богатой и вліятельной родней. И вотъ, однажды, скрѣпя сердце, я ей очень осторожно и резонно объяснилъ, что намъ необходимо поскорѣе разстаться и что мнѣ пора вернуться въ Петербургъ.

Пораженная, испуганная, она прижалась ко мнѣ и горько, какъ ребенокъ, заплакала. Она не жаловалась на свою судьбу, не упрекала меня за то, что я оторвалъ ее отъ семьи и опозорилъ, но ея отчаяніе и слезы были для меня хуже проклятій и упрековъ. Я рѣшилъ, какъ можно скорѣе уѣхать, чтобы однимъ ударомъ покончить нашу связь. Никогда не забуду послѣднихъ часовъ передъ разлукой, ея испуганныхъ страдальческихъ глазъ и стоновъ. Всю ночь наканунѣ она не сомкнула глазъ, а когда стали укладывать въ повозку мои вещи, она увела меня въ другую комнату, упала на колѣни передъ иконой и, поблѣднѣвъ, упавшимъ голосомъ безсвязно прошептала какую-то молитву. Потомъ поклонилась мнѣ до земли и перекрестила. Она какъ-то вдругъ преобразилась, я не узнавалъ прежней веселой Леночки, я не смѣлъ взглянуть ей въ глаза, и сознаніе ужасной вины передъ ней тяжелымъ бременемъ легло мнѣ на сердце... Я направился было къ выходу, но на порогѣ невольно остановился, прислушиваясь къ ея рыданіямъ... А

тутъ, какъ на грѣхъ, вошли мои знакомые... Я съ замираніемъ сердца ждалъ тяжелой сцены, чуть не скандала, но я ошибся... Она не плакала, а смѣялась, захлебываясь. Мнѣ стало жутко... Я поспѣшилъ уѣхать и, садясь въ повозку, я съ изумленіемъ еще разъ взглянулъ на ея поблѣднѣвшее улыбающееся лицо, точно озаренное какимъ-то внутреннимъ свѣтомъ. Прошло три мѣсяца... Я думалъ, что все между нами кончено, какъ вдругъ она отыскала меня въ Петербургѣ. Она явилась ко мнѣ такая несчастная, исхудавшая, блѣдная, что сердце мое сжалось отъ состраданія, и я насилу справился съ своимъ волненіемъ. Въ ея покраснѣвшихъ глазахъ сказывалась мольба о пощадѣ, и дрожащимъ голосомъ она стала просить меня, чтобы я не гналъ ее, взялъ хоть въ услуженіе, что она „взаправду“ меня полюбила и жить безъ меня не можетъ. А я опять сталъ ей доказывать, что мы—не пара и что поэтому намъ необходимо разстаться навсегда... Я говорилъ съ чувствомъ и даже старался вручить ей нѣсколько радужныхъ въ видѣ утѣшенія... Какъ я былъ слѣпъ и глухъ и безжалостенъ въ этотъ мигъ! Я не понималъ, какой ужасный ударъ наношу ей... Не сознавалъ, что все еще люблю ее, что собственными руками безвозвратно разрушаю свое счастье. А она притихла, какъ-то сразу перестала плакать, поблѣднѣла, казалось, внимательно слушала меня... Я вообразилъ, что мнѣ удалось убѣдить ее разстаться... На другой день былъ даже назначенъ ея отъѣздъ... Я ушелъ въ гости, что бы не оставаться долго съ нею наединѣ. Поздно вечеромъ возвра-

щаюсь домой. Открываю взятымъ съ собой ключемъ дверь, и... вдругъ выстрѣлъ! Оказалось, она нашла револьверъ, забытый мною на столѣ. Конечно, это не была простая случайность. Что она должна была перечувствовать, бѣдняжка, прежде чѣмъ рѣшиться покончить съ собой. Умирая, она ни однимъ словомъ не упрекнула меня... Но, ахъ, если-бы вы видѣли ея глаза въ этотъ страшный мигъ. Ужасныя глаза... Я не забуду ихъ никогда, никогда... Я встрѣчу этотъ взглядъ даже въ минуту смерти...

— Послушайте,—продолжалъ онъ взволнованно—неужели вы не понимаете, какъ страшно прожить весь вѣкъ свой безслѣдно, не оставить послѣ себя ничего, ни дурного, ни хорошаго и на краю могилы терзаться мыслью, что возможность счастья и любви безвозвратно утрачена.

— Ну, полно, даже въ самой заурядной жизни заключается глубокій смыслъ.

— Вы думаете?! Скажите, вѣрите вы въ загробную жизнь или нѣтъ?

— Что за вопросъ! Не знаю, сомнѣваюсь, а значитъ, до нѣкоторой степени, и вѣрю. По крайней мѣрѣ, не могу вычеркнуть совсѣмъ подобный вопросъ. А вы такъ-таки безусловно вѣрите?—полюбопытствовалъ я въ свою очередь.

— Не вѣрилъ бы, такъ давно-бы и не жилъ!—воскликнулъ онъ.—Помните:

„Кто снесъ-бы бичъ и посмѣянье вѣка,
„Безсилье правъ, тирановъ притѣсненья,
„Обиды гордаго, забытую любовь,

„Презрѣнныхъ душъ презрѣніе къ заслугамъ,
„Когда-бы могъ насъ подарить покоемъ
„Одинъ ударъ"...

Кстати, какъ вы думаете, почему Гамлетъ, безмѣрно страдая, все-таки самоубійствомъ не кончилъ?

— Слишкомъ для того благороденъ былъ...

— А по моему—потому, что видѣлъ тѣнь отца и просто побоялся! Вотъ я тоже застрахованъ... Я тоже видѣлъ призракъ: первый разъ вскорѣ послѣ ея смерти, и вотъ опять недавно...

— У васъ просто воображеніе и нервы разстроены,—замѣтилъ я.

— Вы не откровенны,—возразилъ онъ.—Сознайтесь, вѣдь вы вотъ теперь подумали, что я просто психически боленъ, оттого и мрачные вопросы являются и привидѣнія! Ну, сознайтесь, подумали?

Я дѣйствительно это думалъ и потому, нѣсколько растерялся отъ неожиданнаго вопроса.

— Однако, кромѣ шутокъ,—продолжалъ онъ печально и задумчиво,—эта гамлетовская мысль о загробной жизни—пренепріятная штука. Иногда я себѣ отчетливо представляю посмертное состояніе: вотъ скончался человѣкъ, а сознаніе не умерло; страшно, хочется назадъ въ житейскую грязь, а жить нечѣмъ, нѣтъ силъ, ну, хотя бы шевельнуть листъ, упавшій съ дерева, нѣтъ силъ жить, но нѣтъ и забвенія!.. Вѣчно видѣть, какъ въ жизни грязь смѣшивается съ чистыми слезами и кровью, слышать стоны и презрительный смѣхъ, и сознать всю гнустность своего прошедшаго лишь тогда, когда уже вернуть ничего нельзя... Вотъ что ужасно!

А между тѣмъ для полнаго счастья стоитъ только всѣ силы свои вложить въ дѣло, не унести съ собою никакихъ сожалѣній и укоровъ... И какъ вы думаете, почему человѣкъ отдается разнымъ болѣзненнымъ желаніямъ, въ которыхъ и счастья-то настоящаго нѣтъ...

— Ваше благородіе, не хотите ли откушать нашего чая?—рѣшился, наконецъ, спросить одинъ изъ солдатиковъ, не понимавшихъ, конечно, ни слова изъ мудренаго разговора и все время въ недоумѣніи таращившихъ глаза.

Границкій какъ будто только теперь опомнился и вдругъ захохоталъ неудержимымъ нервическимъ смѣхомъ.

— Однако, выбрали же мы мѣсто для глубокомысленныхъ разговоровъ,—заговорилъ онъ, наконецъ, разслабленнымъ голосомъ.—А вѣдь и вы и я озябли и проголодались.—Давай, давай чаю—обратился онъ къ солдату. Мы выпили нѣсколько глотковъ, морщась отъ непріятнаго вкуса, и закусили черствымъ солдатскимъ хлѣбомъ.

— Однако, небо, кажется, совсѣмъ прояснилось: намъ домой пора,- обратился я къ спутнику.

— Вы въ какой станицѣ живете?—спросилъ онъ.

— Въ Ново-Троицкой.

— Э, такъ, значитъ, намъ по пути: мы съ вами сосѣди,—я всего верстахъ въ девяти внизъ по рѣкѣ отъ Ново-Троицкой живу. Знаете Подсолнечную, тамъ полусотня казаковъ стоитъ. Я васъ довезу. Эй, ребята, лодки нѣтъ у васъ?—обратился онъ къ солдатамъ.

Тѣ стали отнѣкиваться, ссылаясь на то, что дощаникъ очень ужъ плохъ, протекаетъ сильно.

— Ничего, наладите какъ-нибудь; сорокъ рублей жертвую вамъ на водку,—заявилъ Границкій.

Солдаты даже изумились такой щедрой подачкѣ. Конечно, лодка была живо налажена.

Черезъ полчаса мы уже плыли внизъ по громадной рѣкѣ. Четыре гребца усердно работали веслами; мутныя волны, поднятыя промчавшейся бурей, съ шумомъ ударялись въ утлыя стѣнки плоскодоннаго, неуклюжаго дощаника. Рѣка глухо шумѣла въ тихихъ ласковыхъ лучахъ заходящаго солнца. Длинныя тѣни прибрежныхъ деревьевъ далеко мелькали по зыблющейся поверхности воды ярко-зеленые листья ихъ лоснились, вымытые ливнемъ. По временамъ лодка скользила въ двухъ-трехъ шагахъ отъ темнозеленой стѣны лѣса, покрывавшаго возвышенный берегъ; обнаженные корни деревьевъ, словно цѣпкія лапы, протягивались къ намъ. А дальше опять открывался обширный видъ на цвѣтущіе, словно ожившіе послѣ дождя, луга и на громадную цѣпь горъ, отчетливо выступавшую на безоблачномъ свѣтлоголубомъ небѣ.

Мы все время молчали. Чувствовалась какая-то странная неловкость. Изрѣдка я съ любопытствомъ посматривалъ на Границкаго, недоумѣвая, почему это онъ вдругъ высказался такъ откровенно. Онъ человѣкъ, вѣроятно, скрытный, сосредоточенный, быть можетъ, до сихъ поръ никому недовѣрявшій своихъ сомнѣній. Казалось, онъ самъ теперь до-

садовалъ на свою откровенность, будто стыдился даже.

— А то поѣдемъ ко мнѣ,—проговорилъ онъ вдругъ отрывисто, когда мы уже подъѣзжали къ Ново-Троицкой станицѣ.

— Нѣтъ, не могу,—отказался я.—Надо дома отдохнуть, отлежаться послѣ безсонной ночи въ лѣсу.

— Ну, такъ пріѣзжайте ко мнѣ на-дняхъ. Вмѣстѣ поохотимся. Я всѣ здѣсь мѣста отлично знаю.

Я обѣщалъ пріѣхать.

— Непремѣнно пріѣзжайте, — сказалъ онъ на прощанье, крѣпко пожимая мнѣ руку.

Мы дружески простились, но не успѣлъ я пройти нѣсколько шаговъ, какъ Границкій меня окликнулъ. Я подошелъ къ лодкѣ.

— Послушайте, заговорилъ онъ взволнованнымъ голосомъ,—помогите мнѣ, посовѣтуйте, что дѣлать—я боленъ, страшно боленъ.

— Что съ вами?—спросилъ я.

— Я вижу ее все чаще и чаще. Она преслѣдуетъ меня, жить не даетъ. Силъ нѣтъ перенести... Я съ ума сойду или покончу съ собой.

Мнѣ стало невыразимо жаль его.

— Вамъ нельзя оставаться въ такой глуши. Одиночество гибельно на васъ вліяетъ,—посовѣтовалъ я.—Вѣдь у васъ есть кой-какія средства. Бросьте службу, уѣзжайте куда-нибудь за границу, поселитесь въ Венеціи, Римѣ, или еще лучше въ Парижѣ, старайтесь побольше развлекаться. Ходите почаще въ театръ...

— Все это безполезно,—прервалъ онъ угрюмо,

—Лена меня найдетъ подъ землей, не только въ Парижѣ...

— Попробуйте, на всякій случай, бромистый калій. Это иногда прекрасно дѣйствуетъ, какъ средство отъ галлюцинацій...

.— Безподобно. Это, навѣрное мнѣ поможетъ,—разразился онъ вдругъ нервическимъ смѣхомъ. Прощайте, благодарю за совѣтъ.

Онъ рѣзкимъ движеніемъ оттолкнулъ дощаникъ отъ берега.

Поднявшись на высокій берегъ, я оглянулся. Лодка быстро плыла срединой рѣки. Издали до меня донеслась какая-то пѣсня. Голосъ Границкаго звучалъ громко и красиво въ ночной тиши. Напѣвъ былъ веселый.

Я простудился и всю слѣдующую недѣлю пролежалъ въ постели. Странное дѣло, во все это время постоянно мнѣ вспоминались случайная встрѣча и разговоръ съ Границкимъ. Я чувствовалъ не то тревогу, не то любопытство, и рѣшилъ при первой возможности съѣздить въ Подсолнечную, чтобы повидаться съ моимъ новымъ знакомымъ. Коллега докторъ, которому я, надо полагать, сильно надоѣлъ, спрашивая, когда можно выѣхать, только отрицательно моталъ головой всякій разъ и совѣтовалъ получше укрываться, соблюдать строгую діету, исправно пить лѣкарство и рому побольше. Коньякъ, водку и ромъ онъ считалъ весьма полезнымъ и важнымъ средствомъ при всякихъ болѣзняхъ и въ подтвержденіе этого мнѣнія указывалъ на себя. Дѣйствительно, онъ неуклонно примѣнялъ свою теорію—пилъ съ утра до вечера по рюмочкѣ,

обрѣтался постоянно въ самомъ пріятномъ здоровьѣ и расположеніи духа. Онъ вполнѣ акклиматизировался на дальнемъ востокѣ, женился на какой-то совершенно необразованной и невзрачной бабѣ, обходился съ нею, какъ съ кухаркой, наслаждался дома полнѣйшимъ комфортомъ и спокойствіемъ, въ гостяхъ пилъ, винтилъ и никогда не скучалъ, въ то время, какъ другіе приходили въ совершенное отчаяніе отъ невыносимой тоски и безлюдья, спивались, чахли, тупѣли и даже кончали жизнь самоубійствомъ. Вотъ въ одно прекрасное утро приходитъ ко мнѣ этотъ милый человѣкъ и, къ величайшей моей радости, объявляетъ, что я, наконецъ, совершенно здоровъ и могу выходить изъ дому.

— Легкая у меня рука,—заключилъ онъ съ самой очаровательною скромностію,—даромъ что не Боткинъ и даже чуть-чуть прошелъ на экзаменѣ, а смотрите, какъ мало людей на тотъ свѣтъ отправляю. Кстати, вы все порывались въ Подсолнечную, такъ не хотите-ли со мной проѣхаться? У меня тамъ маленькое вскрытіе надо сдѣлать, такъ,—для формы, немножко скальпелемъ поцарапать. Поѣдемъ, вдвоемъ веселѣе.

Я охотно принялъ его предложеніе.

Былъ уже полдень, когда мы пріѣхали на мѣсто.

Томительный зной тяжелымъ кошмаромъ легъ на окрестность. Опустѣвшая станица точно вымерла, даже привычные деревенскіе ребятишки и собаки спрятались отъ жары. Притихъ веселый птичій гомонъ въ густой листвѣ запыленныхъ, словно ошпаренныхъ, деревьевъ. Даль подернулась зо-

лотистой, трепетной дымкой. Тѣни словно сжались, еле движутся. Вереница бѣлыхъ облаковъ, легкихъ и причудливыхъ, какъ сновидѣнія, тихо плыветъ надъ уснувшей въ золотистомъ сіяніи землей. Все томительно дремлетъ, словно въ сказочномъ, заколдованномъ царствѣ; даже взбитая пыль отъ только-что проѣхавшей телѣги долго неподвижно стоитъ въ раскаленномъ воздухѣ. Вотъ гдѣ-то заскрипѣли ворота, въ одной изъ избъ раздался скорбный плачъ грудного ребенка и увѣсистые шлепки, и опять воцарилась непробудная тишина, и эти отрывистые печальные звуки, казалось, еще усилили тяжелую дремоту и безмолвіе. Мы подошли къ избѣ, гдѣ лежалъ трупъ. Я колебался, зайти-ли. „Эхъ вы!" сказалъ добродушно-презрительно, сопѣвшій отъ жары, толстякъ-докторъ. Мы вошли. Дверь протяжно рѣзко заскрипѣла и захлопнулась за нами. Въ избѣ, съ непривычки, казалось темно. Дыханіе захватывало отъ тяжелаго трупнаго запаха. „Самоубійца?"—спросилъ докторъ. „Да-съ, вчера ночью застрѣлился",—отвѣчалъ поджидавшій насъ фельдшеръ. Сердце у меня сжалось: теперь я понялъ то, что еще прежде смутно предчувствовалъ—это былъ Границкій. Я пристально вглядѣлся. На дощатомъ столѣ, въ углу, что-то бѣлѣло. Фельдшеръ сдернулъ грязную простыню, покрывавшую обнаженный совершенно трупъ. Нѣсколько испуганныхъ большихъ мухъ отлетѣли къ окну и протяжно печально зазвенѣли по тусклымъ стекламъ Я подошелъ ближе къ столу. Да, это былъ онъ! Видно, даже ужасъ предъ загробною жизнію не удержалъ его руку въ роковую минуту; на груди, какъ-разъ

въ томъ мѣстѣ, гдѣ сильнѣе всего слышны удары бьющагося сердца, чернѣло небольшое пятно пороховой гари, смѣшанной съ запекшеюся кровью. Ужъ подлинно человѣкъ всѣмъ пожертвуетъ для иного желанія, которое мучитъ, сосетъ, какъ паукъ, не принося никогда ни радости, ни успокоенія. Я вспомнилъ, съ какимъ выраженіемъ онъ говорилъ, что человѣкъ всегда сдѣлаетъ то, что ему надо и ничего не побоится. Но полно, зналъ ли онъ, что ему надо! Онъ страстно любилъ жизнь, эта любовь сказывалась во всей его личности, даже въ его грезахъ о загробной жизни, такъ почему же онъ наложилъ на себя руки? Мнѣ невольно вспомнились тысячи подобныхъ ему; печальная вереница грозныхъ незабвенныхъ образовъ пронеслась въ моемъ воображеніи, и шевельнулся жгучій, назойливый вопросъ: зачѣмъ столько безполезныхъ жертвъ, мучительныхъ желаній, почему такъ часто жизнь является лишь медленной ужасной агоніей?

— Хотя причина смерти вполнѣ очевидна, однако, мы все-таки полюбопытствуемъ, какъ тамъ выглядятъ мозгъ и сердце. Прежде всего надо вскрыть черепную полость, — прервалъ мои размышленія докторъ.

Я еще разъ взглянулъ на разлагавшіяся черты Границкаго, пока еще ножъ доктора не обезобразилъ его окончательно, и до сихъ поръ не могу забыть невыразимо тяжелой судороги, застывшей на этомъ лицѣ. Лица застрѣлившихся вообще запечатлѣны ужаснымъ выраженіемъ. Казалось, вотъ

я услышу стоны и неудержимый плачъ о жизни, брошенной, какъ игрушка.

Но нѣтъ, это самоубійство не было ребяческимъ капризомъ. Я вспомнилъ случайный разговоръ съ Границкимъ, даже нѣкоторыя выраженія, и понялъ, сколько горя, отчаянія въ нихъ заключалось. На мгновеніе во мнѣ шевельнулся тяжелый упрекъ: показалось, что я слишкомъ холодно отнесся къ человѣку, оставивъ его безъ слова утѣшенія, дружеской насмѣшки, участія. Но я понялъ сейчасъ же, что словами нельзя спасти человѣка, что нѣтъ силы, которая могла-бы вырвать его изъ заколдованнаго круга болѣзненныхъ грезъ и впечатлѣній. Вдругъ раздался сухой, тихій трескъ вскрываемаго черепа. Я поспѣшно вышелъ...

— Просто сумасшедшій былъ человѣкъ,—рѣшилъ докторъ за завтракомъ у одного изъ сослуживцевъ покойника, и всѣ съ нимъ согласились.— Ну вотъ, обратился онъ ко мнѣ, его предсмертная записка. Прочтите: „она зоветъ! Я долженъ умереть. Прошу лишь полнаго забвенія. Не надо мнѣ ни сожалѣній, ни некрологовъ въ газетахъ. Прощайте!“

— Интересно: кто она? какъ вы полагаете?—расхохотался подвыпившій докторъ.

Я ничего не отвѣтилъ.

Обыкновенно у самоубійцъ есть свое самолюбіе, желаніе, чтобы о нихъ какъ можно больше говорили. Они какъ будто боятся забвенія, сглаживающаго послѣдніе слѣды жизни. А Границкій просилъ о немъ, какъ о послѣдней милости. Эта загадка разрѣшилась: онъ боялся, что мать узнаетъ

изъ газетъ о его смерти. Случайно мнѣ попалось его послѣднее, не оконченное письмо къ ней. Онъ въ шутливомъ тонѣ говорилъ о своихъ охотничьихъ похожденіяхъ, о нашей встрѣчѣ, высказывалъ надежду на скорое свиданіе, вспоминалъ свои давнишнія и вынесенныя изъ-подъ родного крова впечатлѣнія.....

СМЕРТЬ—ПРОБУЖДЕНІЕ.

Послѣднія страницы изъ посмертныхъ записокъ Неволина.

Я пережилъ ужасныя мгновенія...

Не знаю, былъ-ли это сонъ, или—внезапный проблескъ угасающихъ воспоминаній и жгучихъ тревогъ недавняго прошлаго, или, быть можетъ, грозное видѣніе, вызванное моей тяжкой болѣзнью и предчувствіемъ близкой смерти, но этотъ сонъ, или видѣніе, или предчувствіе теперь важнѣе и реальнѣе для меня всей моей прошлой земной жизни, со всѣми ея бѣдствіями, порывами, скитаніями и надеждами. Жизнь кончена и кажется мнѣ лишь невыразимо печальнымъ и страннымъ сномъ съ тѣхъ поръ, какъ терзавшія меня желанія и обманчивыя надежды исчезли, подобно призракамъ, и я почувствовалъ, что наступилъ конецъ моимъ мученіямъ и мечтамъ.

Мнѣ снилось, что меня судили...

Я отчетливо видѣлъ лица моихъ судій, жандармовъ, свидѣтелей, защитниковъ и прокурора, а дальше въ глубинѣ—толпу людей, чужихъ и близкихъ мнѣ, друзей и враговъ, наполнившихъ громадную залу въ два свѣта.

Рядомъ со мной, на скамьѣ подсудимыхъ, сидѣла какая-то женщина. Ея строгое печальное лицо казалось мнѣ знакомымъ, но я никакъ не могъ вспомнить, гдѣ и когда встрѣчалъ ее.

Всѣ съ напряженнымъ вниманіемъ смотрѣли на насъ, а предсѣдатель суда ровнымъ, спокойнымъ голосомъ человѣка, обязаннаго ежедневно отправлять ради общественнаго блага десятки людей въ тюрьму, въ ссылку, на каторгу или на висѣлицу, читалъ намъ приговоръ... Я мелькомъ взглянулъ на женщину, сидѣвшую со мной рядомъ на скамьѣ подсудимыхъ; ея лицо вдругъ потемнѣло, какъ будто невидимая рука закрыла его прозрачной черною вуалью, и, среди глухаго стона, пронесшагося надъ толпой, я разслышалъ лишь послѣднія слова приговора: смертная казнь черезъ повѣшеніе, смертная казнь!

Я опомнился, когда насъ вывели изъ залы суда на улицу. Ошеломленный, я осмотрѣлся, жадно вдыхая свѣжій вечерній воздухъ и нервно вздрагивая отъ только что пережитыхъ впечатлѣній. А въ ушахъ глухо раздавались безповоротныя слова судьи: смертная казнь черезъ повѣшеніе! смертная казнь! смертная казнь!

— Но это еще не смерть,—шепталъ робкій голосъ надежды;—не все еще потеряно, еще возможно помилованіе. Исполненіе приговора только

завтра, а день—это—цѣлая вѣчность для приговореннаго къ смерти.

— Да, вѣчностью покажутся эти нѣсколько часовъ безконечной скорби передъ безконечнымъ мракомъ, вполголоса замѣтила осужденная вмѣстѣ со мной женщина, какъ будто угадавшая мои мысли.

— Оставь надежду на спасеніе: приговоръ это начало агоніи для приговореннаго къ смерти.

Насъ, осужденныхъ, поспѣшно усадили въ карету. Дверцы захлопнулись. Послышались чьи-то рыданія. Карета быстро тронулась съ мѣста и, окруженная казаками, помчалась по многолюдной улицѣ.

— Везутъ, везутъ!—загудѣла толпа зѣвакъ, собравшихся у воротъ суда.

Я жадно всматривался въ эту толпу, стараясь уловить ея настроеніе и хватаясь за впечатлѣнія окружающей жизни, какъ утопающій за соломинку, чтобы на мгновеніе заглушить душившую меня тоску. Я испытывалъ жгучее желаніе видѣть лица прохожихъ, но предо мною мелькала лишь вереница тѣней въ мерцаніи уличныхъ фонарей. Толпа, подобно волнамъ рѣки въ крутыхъ утесистыхъ берегахъ, съ глухимъ шумомъ бѣжала среди громадъ домовъ. На городской площади, точно волны разбушевавшагося моря, мелькали головы тысячной толпы. А я дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ.

Казалось, это море глухо шумѣло: смертная казнь, смертная казнь! и стукъ колесъ, и топотъ лошадей такъ мучительно отзывались въ душѣ моей, какъ будто камни мостовой вдругъ ожили

и застонали отъ муки, терзавшей мое сердце. Мое возбужденіе все усиливалось и незамѣтныя, казалось, впечатлѣнія, постепенно возрастая, возмущали меня до глубины души, какъ удары хлыста по лицу, а сердце мое замирало отъ предчувствія чего-то неизмѣримо грознаго и печальнаго... И въ этотъ мигъ я понялъ, что это предчувствіе, заглушаемое лишь повседневной суетой, мучило меня, какъ и всѣхъ людей, всю жизнь; оно питалось кровью моего сердца и сокомъ моихъ нервовъ. Теперь я только уловилъ его тайный смыслъ: это было сознаніе своего безсилія передъ невѣдомой неуловимой судьбой, чувство полнѣйшаго порабощенія и ничтожества. Это былъ скрытый страхъ смерти, терзающій сердца всѣхъ, безъ исключенія, людей: вельможъ и нищихъ, глупцовъ и геніевъ, страхъ, благодаря которому все человѣческое могущество и счастье такъ ничтожно. И этотъ страхъ все росъ, по мѣрѣ приближенія смерти. И вотъ, въ томленіи и тревогѣ, прошелъ, послѣдній день приговореннаго къ смерти, и насталъ страшный часъ казни. И я, безпомощный, несчастный и безвинно осужденный, предсталъ передъ встревоженной и любопытной толпой, вошелъ на эшафотъ, выслушалъ свой приговоръ, и саванъ опустился, точно занавѣсъ, скрывъ отъ меня сіяніе солнца и людей, собравшихся на площади. Среди могильнаго мрака я чувствовалъ лишь прикосновеніе руки палача, слышалъ грохотъ барабановъ и замиравшій гулъ взволнованной черни вокругъ эшафота. Въ этотъ мигъ, весь ужасъ и напряженная тревога тысячной толпы какъ будто

сосредоточились въ моемъ сердцѣ, и сквозь саванъ, гдѣ то въ непроглядномъ мракѣ, я, казалось, видѣлъ не людей, собравшихся на зрѣлище, а лишь ихъ неподвижныя, испуганныя глаза и нервически-осклабленные рты. и, задыхаясь отъ ожиданія и скорби, я жаждалъ смерти, какъ искупленія и вѣнца моихъ мученій, и вмѣстѣ съ тѣмъ дрожалъ передъ ея лицомъ.

И вдругъ все исчезло въ непроглядномъ мракѣ, холодною струей проникшемъ въ мозгъ и сердце. Въ этотъ мигъ всѣ впечатлѣнія мои, всѣ послѣднія желанія и помыслы точно потонули въ безграничномъ ужасѣ. Чьи то холодныя и липкія руки зажали мнѣ ротъ и горло, и я повисъ надъ темной бездной; но вдругъ сорвался, сталъ падать... и проснулся...

Проснулся я, къ величайшему моему изумленію, въ своей гробообразной петербургской квартирѣ, гдѣ я, по возвращеніи изъ Сибири, провелъ почти безвыходно три мѣсяца, прикованный болѣзнью къ постели.

Былъ свѣтлый весенній день. Сквозь тусклыя двойныя стекла лучъ солнца съ безоблачнаго неба проникъ въ мою трущобу, и все какъ будто ожило. Вывезенная мною съ востока статуэтка Будды, библія, нѣсколько запыленныхъ томиковъ Гете и Шекспира, груды бумагъ, разбросанныя въ безпорядкѣ на стульяхъ и столѣ, большое распятіе въ углу, все въ моей убогой комнатѣ радовало меня. Вскормленная мною бѣлая морская свинка выползла на солнце изъ подъ кровати и

съ недоумѣніемъ смотрѣла на меня своими красными, наивными глазами. Черепаха, истомленная зимнимъ холодомъ и мракомъ, тянулась тоже къ освѣщенному углу, чтобы согрѣться, и я обрадовался, замѣтивъ, что она за цѣлый день подвинулась къ своей цѣли на вершокъ.

И никогда еще жизнь не казалась мнѣ такой прекрасной. Я забылъ ея ужасный гнетъ, испытанныя мною преслѣдованія и оскорбленія, вражду и непониманіе со стороны самыхъ близкихъ людей, забылъ горькое одиночество свое, и нищету, и тяжкую болѣзнь...

Въ этотъ мигъ я, какъ ребенокъ, радовался, что я живу, и сомнѣвался въ своемъ счастіи, и дрожалъ отъ жгучей жажды жизни... „Здравствуй, солнце, свѣтъ и счастье!“—крикнулъ я, протягивая вверхъ руки, но вмѣсто радостнаго крика изъ моей груди вырвался лишь хриплый стонъ; и мои руки не повиновались мнѣ, какъ будто ими кто-то завладѣлъ. Я хотѣлъ приподняться и, обезсиленный, съ невыносимой болью въ сердцѣ, упалъ, въ ужаснѣйшемъ припадкѣ удушья, на постель. Теперь я только вполнѣ понялъ то, что за мгновеніе смутно перечувствовалъ во снѣ. Я понялъ, что все кончено, что нѣтъ спасенія, и я долженъ умереть,—что гдѣ-то неизмѣримо далеко, въ невѣдомомъ, но грозномъ судилищѣ, или, быть можетъ, совсѣмъ близко. въ глубинѣ моей души, произнесенъ уже мой смертный приговоръ. И я, дрожа и задыхаясь, ждалъ съ минуты на минуту палача, какъ ждетъ его приговоренный къ смерти. Порою мнѣ казалось, что невидимый палачъ уже

здѣсь и приступилъ къ своей работѣ. Я чувствовалъ, что мое тѣло мнѣ больше не принадлежитъ, чего никакъ не могутъ понять люди, пока они живутъ и борятся за свое существованіе. Только теперь, въ страшный часъ смерти, я понялъ, что кто-то меня толкаетъ въ бездну, и я не въ силахъ больше сопротивляться.

Ужасъ, ужасъ!—Зачѣмъ я жаждалъ жизни, боролся, вѣрилъ, сомнѣвался и надѣялся? Кому понадобились мои страданія?

За что я долженъ умереть, съ неутолимой жаждой жизни? Кто пригвоздилъ меня къ вѣчно вертящемуся колесу жизни, а теперь, измученнаго, изуродованнаго, истекающаго кровью, бросаетъ въ бездну смерти? Кто создалъ этотъ странный міръ, въ которомъ мыслящія существа, въ вихрѣ безумныхъ желаній, должны безостановочно вертѣться, какъ зубчатыя колеса въ машинѣ.

Я зналъ законы движенія машинъ, но не зналъ законовъ духа, я могъ опредѣлить химическіе процессы тлѣнія и указать научное названіе червей, которые насъ въ могилѣ гложутъ послѣ смерти, но къ чему мнѣ пригодились мои знанія, добытыя съ такимъ трудомъ, цѣною отреченія отъ радостей жизни? И, полно, знаю-ли я хоть что-нибудь, что стоило бы знанія? Подвинулся-ли я за всю свою жизнь хоть на одинъ шагъ къ вѣчной истинѣ?

Напрасно я искалъ отвѣта, а мракъ смерти надвигался на меня съ каждой минутой и вѣчное ея безмолвіе охватывало меня съ непреодолимой силой. На мгновеніе среди этого безмолвія и мрака,

какъ недосягаемыя звѣзды въ темную осеннюю ночь, сверкнули немеркнущимъ свѣтомъ воспоминанія юныхъ лѣтъ, какъ будто мелькнула тѣнь надежды, на мгновеніе, гдѣ то въ глубинѣ, вспыхнулъ слабый проблескъ несокрушимой дѣтской вѣры, вспыхнулъ и исчезъ вдали, а на душѣ стало еще тяжелѣе. Мнѣ вспомнилась вся моя скитальческая, невеселая жизнь, и я понялъ, что всѣ ея обманчивыя скоропреходящія радости жалки и ничтожны въ сравненіи съ муками агоніи. Я страдалъ невыносимо. Я задыхался. Сердце замирало въ предсмертной тоскѣ. Грудь надрывалась и болѣла, и всякій глотокъ воздуха стоилъ мнѣ борьбы, а вмѣстѣ съ тѣмъ гдѣ-то въ глубинѣ души зажглось и поднималось такое жгучее, безмѣрное отчаянье, такая глубокая скорбь, такой страхъ смерти, передъ которыми блѣднѣли всѣ пытки міра и замирала боль агоніи.

И, наконецъ, скорбь о погибшей жизни пересилила мои мученія, и отчаяніе проникло до глубины души и ниспровергло все во мнѣ, какъ вихрь въ пустынѣ, сметая всѣ слѣды жизни на своемъ пути. Крикъ ужаса и мольбы замеръ на моихъ устахъ: мнѣ показалось, что я повисъ надъ кипящей бездной... Напрасно я пытался удержаться, призывалъ на помощь... Спасенія не было; я сталъ падать и всякое мгновеніе этого паденія мнѣ казалось вѣчностью... Я потерялъ сознаніе времени и пространства. Я чувствовалъ лишь всю безконечность своей скорби и одиночества, безпредѣльный мракъ, ужасъ и безмолвіе смерти!...

Мои мученія были такъ ужасны, что я уже не боялся смерти; я призывалъ ее, я ждалъ ее, какъ избавленія, но она медлила, какъ будто мои страданія были кому-то нужны.

Сколько времени это продолжалось: день? ночь? мѣсяцъ? годъ? вѣка?—не все ли равно: одно мгновеніе такихъ мученій было для меня цѣлой вѣчностью. И что всего ужаснѣе: я былъ совершенно одинокъ. По временамъ лишь передо мною мелькали знакомыя и незнакомыя лица; я видѣлъ свою покойную мать, и Анну, и школьныхъ товарищей. Они являлись на мгновеніе, съ ужасомъ протягивали ко мнѣ руки, какъ будто пытаясь меня удержать, но я падалъ все глубже и глубже, задыхаясь отъ быстраго паденія. И вдругъ невѣдомая рука меня коснулась... Я вздрогнулъ и проснулся...

Съ большимъ трудомъ я приподнялся на постели и открылъ глаза. Отъ изумленія, я долго не могъ опомниться. Въ моей комнатѣ никого не было. Мнѣ казалось непонятнымъ, какъ я еще живу послѣ всего испытаннаго мною.

Я чувствовалъ, что порваны всѣ мои связи съ жизнью, что скорбь о ней прошла, что мѣра моихъ страданій исчерпана, что я усталъ бороться, и приближающаяся смерть меня ужъ больше не тревожитъ. Я зналъ, что все, все пережито: и радости любви, и скорбь объ утратѣ близкихъ, и горечь несправедливости, преслѣдованій, нищеты, скитальчества и одиночества. И вся минувшая земная жизнь явилась въ моемъ воспоминаніи, какъ странный, обманчивый и соблазнительный сонъ въ минуту пробужденія отъ гипноза...

И наступилъ часъ пробужденія моей души; въ молитвенномъ порывѣ, дрожащею рукою, я взялъ евангеліе, память моей покойной матери, и сталъ читать простой разсказъ простыхъ людей о томъ, какъ могучій древній міръ былъ низвергнутъ силой вѣры, любви и мученичества за идею. Я понялъ, наконецъ, всю безграничную власть божественнаго духа надъ міромъ матерьяльныхъ представленій и страстей.

Наступили сумерки, тихіе послѣдніе сумерки, и на душѣ глубокая невозмутимая тишина, навѣянная предчувствіемъ вѣчности... И вдругъ я почувствовалъ, что я не одинъ... какъ будто гдѣ то далеко въ туманѣ задрожали невидимыя струны отъ прикосновенія чьей-то руки, и я задрожалъ и закрылъ глаза, не будучи въ силахъ перенести ослѣпительнаго свѣта, проникшаго до глубины моей души.

— Кто здѣсь?—спросилъ я прерывающимся голосомъ, въ глубокомъ волненіи падая на колѣни.

Отвѣта не было... И я не ждалъ его... Я зналъ, что пока я еще живу, я не увижу того, чье присутствіе наполнило всю мою душу невыразимымъ блаженствомъ, но теперь я не только вѣрилъ, но и зналъ, что онъ есть, есть!

Кто онъ?

Онъ, — великій духъ, любовь котораго ко всему живущему горитъ неугасаемымъ огнемъ въ мил-

ліонахъ солнцъ и звѣздъ и разливается яркимъ немеркнущимъ свѣтомъ по вселенной.

Онъ—свѣтъ и жизнь, мысль котораго является для насъ дѣйствительностью, а воля,—закономъ природы. Онъ—творецъ силой своего очарованья, силой божественнаго внушенія, связавшій во едино милліоны мыслящихъ и чувствующихъ существъ и заставившій ихъ переживать въ погонѣ за своими обманчивыми желаньями, въ безсознательномъ стремленіи къ вѣчной правдѣ, какъ нѣчто дѣйствительное, безсмертныя созданія своего неистощимаго воображенья.

И умирая, я понялъ, что міръ-фантомъ—великое произведеніе духа, въ сравненіи съ которымъ творенія Рафаэля и Шекспира—лишь жалкая мазня, что вселенная, какъ всякое произведеніе генія, соткана изъ неуловимыхъ впечатлѣній и внушеній, возникшихъ въ сознаніи творческаго духа. Я понялъ, что матеріи нѣтъ, а есть гипнозъ матеріи, власть высшей непреодолимой воли надъ человѣческой душой; а жизнь — лишь гипнотическій сонъ. И какъ только я это понялъ, всѣ мои земныя скорби и желанья, страхъ смерти и всѣ мои надежды разсѣялись, какъ дымъ. Предчувствіе иной жизни проникло въ мою душу, и на порогѣ вѣчности я понялъ, что я безсмертенъ, безсмертенъ!...

. . . .

На другой день Неволина нашли безъ признаковъ жизни, съ распятіемъ въ застывшихъ рукахъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.